

Костёр

11

НОЯБРЬ
1965

АРХАНГЕЛЬСК

ЛЕНИНГРАД

ПЕРМЬ

РЯЗАНЬ

АРЗАМАС

КИЕВ

ЛЬГОВ

ЯЛТА

КРАСНОДАР

Замечательный писатель, солдат революции Аркадий Петрович Гайдар на страницах своих рукописей любил рисовать красноармейскую пятиконечную звезду с тремя лучами.

Мы нарисовали такую звезду на карте Советского Союза. И вышло — смотри обложку: — Ленинград, Архангельск, Арзамас, Пермь, Кубань, Рязань, Льгов, Ялта, Канев.

Все это места, где жил и работал и воевал Гайдар.

И тогда в редакции раздался „три-стоп“, „три-стоп“ — по форме номер один позывной сигнал общий.

— ГЕЙ, ЛЮДИ! ОСТРЫ ЛИ ПЕРЬЯ, ЧИСТЫ ЛИ БЛОКНОТЫ?

— ТЕПЛОВОЗЫ СВИСТЯТ, ТЕПЛОХОДЫ ГУДЯТ, САМОЛЕТЫ ВЫРУЛИВАЮТ И РЮКЗАК ОТТЯНУЛ ПЛЕЧИ.

ДЕВЯТЬ ОТРЯДОВ УХОДЯТ, И КАЖДОМУ, КАК В „СУДЬБЕ БАРАБАНЩИКА“, —

„... СВОЯ ДОРОГА, СВОЙ ПОЗОР И СВОЯ СЛАВА“.

**ЧЕТВЕРТОЕ БОЛЬШОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ „КОСТРА“
НАЧАЛОСЬ!**

Этот портрет по просьбе читателей „Костра“ прислал из Свердловска художник Ляхин.

Геннадий Васильевич Ляхин хорошо знал Гайдара в годы, когда тот работал на Урале (смотри страницу 12 Путешествия). На обороте портрета Ляхин написал:

*Дорогие ребята!
Не сомневаюсь, что Аркадий Гайдар
один из любимых вами писателей.
Будьте достойны замечательных героев
его чудесных произведений*

Ляхин
Свердловск 1966г.

ЛУЧ ПЕРВЫЙ

Не тот Льгов

«А поедемте-ка во Льгов...» — фразой, известной вам из уроков литературы, начали мы путешествие. «Уток по крайней мере постреляете! — откликнулись в поезде попутчики. — Тургеневские места!» Но оказалось, что Льгов, куда мы ехали, — не тот.

А какой?

Княгиня Ольга, которая помещается в самом начале учебника истории, построила крепость Ольгов-Льгов. Когда Льгов захватили враги, жители спаслись в лесах.

— Строили до революции железную дорогу. Наметили в городе вокзал, поодаль товарную станцию — всем удобно. Но местный помещик князь Барятинский не желал, чтобы его беспокоили паровозные гудки. Он собрал у себя всех подрядчиков, напоил их французским вином (сам он был послом во Франции) и велел

слуге принести самую мелкую карту. «У меня к вам малюсенькая просьба, господа, — сказал князь. — Нельзя ли дороге на миллиметр отодвинуть от моей усадьбы? Кстати, господа, на этом столе приготовлены для всех вас маленькие подарки». — «Один миллиметр, что за пустяки!» — ответили подрядчики, кто мог еще гово-

рить. Но то, что на карте было одним миллиметром, на деле вышло восемь километров. Карта-то была мелкомасштабная.

Вот и вырос вокзал за восемь километров от города, а возле него — поселок. Другой — возле товарной станции. Третий — у депо.

Музей

В сквере стоит памятник Аркадию Петровичу Гайдари, который шестьдесят один год тому назад родился во Льгове (Вокзальном). За сквером Дом пионеров. Входим.

Здесь есть фотографии родителей Гайдара. Много подарков: от знакомых Аркадия Петровича, от писателей, от ребят со всего Союза.

«22 января 1904 года в городе Льгове Курской губернии в семье учителя родился Аркадий Петрович Гайдар».

(Даты жизни и творчества)

«К вечеру подошел к Ивне».

«С одной стороны — море, с другой — горы, с третьей — пальмы, а с четвертой — виноград, мармелад, яблоки, черешни...»

(Дневники и письма)

Экспедиция: А. Лосев, А. Сколосубов

Временное поселение они называли именем родного города. Тот, лесной Льгов, и описан Тургеневым. А наш — другой, не временный, настоящий, «Ольгов».

И еще Льговы

Вот мы и во Льгове. Где здесь Дом пионеров?

— Это в центральном Льгове.

— А это какой?

— Это Льгов-1. Правее Льгов II. И еще есть.

— Как же так?

И вот что нам рассказали:

И ключи.

— Эти ключи, наверно, от домика, где жил Гайдар? — спросили мы.

Директор музея Семен Викторович Лагутич улыбнулся. Он рассказал нам, что льговские пионеры собрали удивительно много металлолома. Из льговского металла были построены океанский корабль «Льгов» и два тепловоза — «Пионер Льгова» и «Аркадий Гайдар». Так вот ключи — это от «Аркадия Гайдара».

Домик

Вот белый домик возле сахарного завода. Здесь жили учителя Голиковы с сыном Аркадием и дочерью Наташей.

Больше полувека назад переехало семейство Голиковых из Льгова в Нижний Новгород. Три войны и революция случились за это время. Наверно, и нет никого, кто встречался с Голиковыми?

Оказывается, есть. Евдокия Ивановна Тихонова. Дуня Севская, по подпольной кличке. Да уж, вероятно, очень стара. Помнит ли что?

Приходим к Евдокии Ивановне.

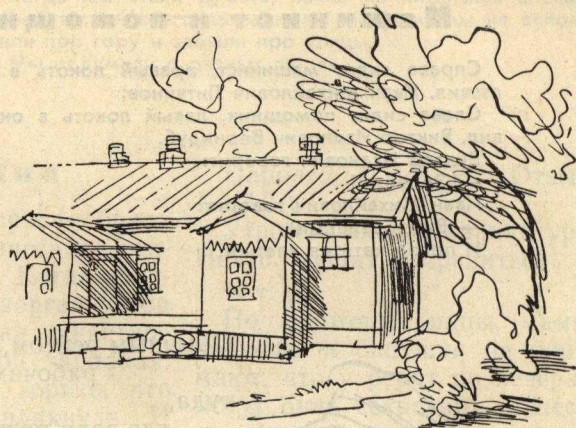
— Дома нет. По грибы пошла.

— Далеко?

— Как всегда, за шесть километров...

Пришла Евдокия Ивановна. Принесла чистых белых грибов. Принялась рассказывать.

Очень много лет Евдокии Ивановне, а держится молодцом. И память у нее отличная.

Рассказ Дуни Севской

«Февраль 1907 года был лютый. Глубокой ночью мы возвращались из села Нижние Груни, где провели собрание с учителями и крестьянами. По дороге я попала в прорубь и по пояс намокла. Товарищи взяли меня с собою на сахарный завод и привели в помещение начальной школы к учителю Петру Исидоровичу Голикову. С большим наслаждением я сидела на теплой лежанке и пила горячий душистый чай со спиртом и липовым настоем.

Утром в комнату, где я спала, вошел мальчик лет трех, Аркаша. Он с любопытством разглядывал меня.

Это была моя первая встреча с Голиковыми.

Весной 1907 года я должна была поехать в Киев за неле-

гальной литературой. Часть литературы мне было приказано оставить у учителя Голикова, остальное — привезти в Курск... Возвращаясь из Киева, я занесла Голикову литературу. Это была наша вторая встреча.

Во второй половине июля я была арестована, но у меня ничего не нашли. Все же полиция выдала мне «волчий би-

лет». Мне запрещалось жить в губернских городах, а в остальных пунктах разрешалось проживать только по три дня. Пришлось уйти в глубокое подполье.

У Голиковых я провела более недели в ноябре. Днем приходилось отсиживаться в чулане. Наталья Аркадьевна подарила мне свое платье, жакет, обувь, т. к. моя одежда от скитаний пришла в негодность. Аркаша сказал: «Когда вырасту, куплю тебе, тетя Дуся, новое платье, пальто и ботинки». Я заплакала.

Настал день, когда мне нужно было покинуть Голиковых. Петр Исидорович проводил меня до станции, посадил в вагон.

В Курске я благополучно прибыла на явочную квартиру по Садовой улице, к Богатыревым».

Что здесь важно

Из рассказа Евдокии Ивановны мы узнали, что родители Гайдара с давних пор были большевиками. Они держали явочную квартиру. А ведь даже сам Аркадий узнал это только во время революции!

Документ

Мы пошли в еще один Льгов, и там начальник депо выдал нам документ, который вы видите рядом.

Мы поедем на тепловозе «Аркадий Гайдар»!

Маш. покатог. № 417
Г. Митинскому.
Разрешениям Гукорады
9-е отделение проезд 2-й темой
на Гениховое до ст. Дубровки
обратно с пригородным
п. д. № 316.
25/6-05.
Дежурный по депо Льгов
Московской жел. дор.
Тарул

Машинист и помощник

Справа сидит машинист, правый локоть в окно выставил. Иван Михайлович Литвинов.

Слева сидит помощник, левый локоть в окно выставил. Виктор Иванович Вернидуб.

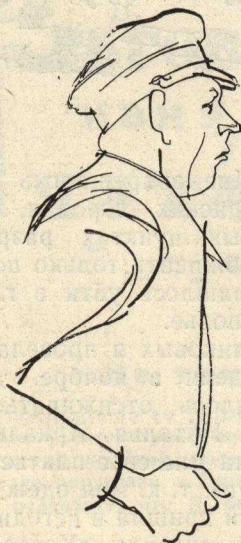
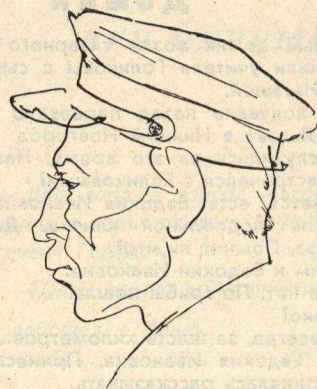
Виктор Иванович говорит:

— Зеленый!

Иван Михайлович говорит:

— Вижу зеленый!

И поезд катится вперед.

Обычным рейсом,
рабочим рейсом

туда,

где зари пожар,

мчится по рельсам,

мчится по рельсам,

«Аркадий Гайдар»,

приборы,

моторы,

подъемные краны,

доски,

руду,

антрацит

в дальние страны,

в дальние страны,

в дальние страны

мчит!

Мимо колхоза,

мимо совхоза,

мимо больших городов...

Слушайте,

слушайте зов тепловоза,

дальний

тревожный зов.

Только не стойте,

не стойте в сторонке,

не отводите взгляд!

Где-то мальчишки,

где-то девчонки

навстречу ему спешат.

И выбегают они на поляны,

и поезд,

замедлив ход,

в дальние страны,

в дальние страны

с собою ребят берет.

По прямой от Льгова до Ивни километров семьдесят. Но по прямой не проедешь — нет дороги.

Мы ехали из Льгова в Курск. Из Курска в Обоянь. Из Обояни в Ивню.

Целый день ехали, чтобы провести один день в селе, где некогда бывал Гайдар.

Что запомнили ивнянцы

Вот что записал со слов старожилы Ивни местный журналист Иван Николаевич Маринин:

«В апреле 1934 года из Москвы в Обоянь приехал человек в хорошей серой шинели. Ехал на попутной машине до «ивнянского свертка», а дальше — пешком. Багаж у него был незначительный — полевая сумка.

По дороге, вблизи села Вознесенка, помог вытащить застрявшую в канаве телегу с зерном. На ней поехал в поле, где колхозники артели имени

Буденного сеяли ранние яровые. Там и провел остаток дня.

Так Гайдар, приехавший в гости к сыну Тимуру, сразу же окунулся в гущу колхозно-совхозной жизни. В газете «За урожай» стали появляться его фельетоны, сатирические частушки, корреспонденции. Только когда кончился сев, принял Гайдар отдыхать и писать — он работал тогда для

журнала «Пионер» над повестью «Синие звезды».

Учительницы - пенсионерки Татьяна Афанасьевна Фокина и Ефросинья Никифоровна Яковлева не раз видели Гайдара, когда он с писателем Федором Ивановичем Панферовым ходил на охоту. А то просто с Тимуром загорал на лесной полянке.

А сверстники Тимура, который был в ту пору первоклассником, больше всего запомнили маленькую моторную лодку, подарок Гайдара, — «здорово бегала по заводскому пруду!»

В Ялте разные люди показывали нам гайдаровские места: гору, на которую Аркадий Петрович забирался, улицы, по которым он ходил.

Гора как гора. Улицы как улицы.

Когда мы стали думать, какие из ялтинских впечатлений тесней всего связаны с Гайдаром, мы не вспомнили про гору и забыли про улицы.

Мы подумали о разных людях...

Проблема Черного кружка

В школе № 10 познакомились мы с Ларисой Думанской, и она рассказала нам веселую историю с печальным началом и печальным концом.

Ларису назначили пионервожатой к младшим пионерам. Помните, как Натку Шегалову из «Военной тайны»: «Иди, говорят, на пионерработу и все тут».

Пришла Лариса в один класс (мы его сейчас называть не будем) и увидела, что один мальчик (мы его тоже сейчас называть не будем) не носит пионерского галстука.

— Почему? — удивилась Лариса.

— Отчаянный озорник, хулиган, дезорганизатор, — объяснила учительница.

В тот же день Лариса собрала пионеров этого класса на секретное совещание. Когда озорник - хулиган - дезорганизатор увидел, что его на секретное не приглашают, он заплакал. И он плакал так горько, что Лариса тоже всплакнула. И разрешила присутствовать...

А вскоре после совещания начались славные дела.

Пронеслась буря. Разбила школьную теплицу.

На дверях третьего класса появился черный кружок.

Пароль: ТИМУР. Отзыв: ГАЙДАР.

Утром Алевтина Петровна ахнула: теплицы в порядке!

Получил некто двойку.

Черный кружок.

Пароль: ТИМУР. Отзыв: ГАЙДАР.

Утром в классе карикатура. Некто спешит исправиться.

И т. д.

Но некоторые папы, мамы, дедушки и бабушки не понимают, что у ребят по вечерам могут быть секретные общественные дела.

И они приходят в школу искать своих детей.

С упреками.

Иные со слезами.

А один дедушка как-то пришел с ремнем.

Итак, эта история про Ларису Думанскую и ее команду началась слезами и пока что кончается тоже вроде этого. Но вообще это не грустная история, правда?

Археолог Вася Рыбка

С трех лет Вася стал копаться у себя во дворе. Но вскоре он понял, что наука в одиночку не делается. Увы! Приятелей современность интересовала больше, чем история... Пришлось пойти на хитрость. Вечером шестилетний Вася зарыл в углу двора несколько монет из своей коллекции. Утром уговорил ребят покопать с ним хоть немного. Когда под лопатой блеснули «находки», участь двора была решена: на следующий день его перекопали до основания. И что же — древняя крымская земля подарила в тот раз ребятам старинный меч и шлем.

Теперь Васе семнадцать лет, он руководит городским кружком юных археологов. Конечно, ребята понимают, что у них недостаточно знаний, чтобы вести настоящие раскопки. Но они частенько разбивают свой палаточный лагерь на горных оползнях, где сама природа выносит на поверхность разные редкости.

А недавно случилось вот что.

Подозрительный человек разговорился с Васей в Симеизе.

«Где-то здесь, — говорил он, — сарматы запрятали свои драгоценности». Незнакомец, поминутно озираясь, чертил на песке планы: «Скорей всего,

под городской лестницей! Ведь завоеватели ходили по лестнице каждый день, им и в голову не могло прийти, что хитроумные сарматы спрятали сокровища у них под ногами. Я это открыл, я! Давай вместе искать золото. Ты парень смывшленный, а я один пробовал — трудно».

У Васи сердце сжалось, когда он узнал, сколько древней посуды перебил, сколько могильников успел испортить кладоискатель!

Вася добился удаления мошенника из Симеиза. Да еще и штраф тому пришлось уплатить. Так что не нашел он древнего золота, а только потерял сорок современных рублей.

Люди, которые живут по-гайдаровски, весело и трудно, — мы хотели рассказать о них хоть немного. Потому что, нам кажется, это важный штрих в некончающейся биографии Аркадия Гайдара.

«Городок наш Арзамас был тихий, весь в садах, огороженных ветхими заборами. В тех садах росло великое множество «родительской вишни», яблоч-скоропелок, терновника и красных пионов».

(«Школа»)

Путешествуют Л. Пожидаева, И. Дворкин

Мы приехали в Арзамас

«Близился закат. Слышалось далекое звяканье бенцов возвращающегося стада коз, которых в Арзамасе бесчисленное множество», — прочли мы в «Школе».

— Мэ-э-э! — прокричал веселый тепловоз.

— Мэ-э-э!

Очень похоже прокричал. И остановился. «Арзамас I».

Мы выпрыгнули на перрон, а тепловоз подхватил свои вагоны и побежал дальше, аж к самой Волге.

А мы пошли своей дорогой.

Близился закат. Коз не было. По улицам разгуливали куры под командой нахального голенастого петуха.

— Вот это да! — обрадовались мы. — Как все здорово сохранилось. Только вот коз нету. Зато — куры!

Подожел автобус. Новенький, голубенький, львовский. И мы засомневались — так ли уж все хорошо сохранилось.

Куры нехотя уступили дорогу автобусу, и мы поехали.

Сначала ничего не было. А потом появилась улица Калинина и сразу показалось, что мы из Ленинграда

никуда не уезжали, а просто едем по Шемиловке или там, скажем, по Средней Рогатке. Или — по любому другому району новостроек.

Вот тебе и патриархальный Арзамас!

Мы приуныли.

Но тут автобус нырнул в зеленую кипень деревьев и покатил мимо взаправдашных теремов. Они стояли, будто взявшись за руки, все в ажурном кружеве деревянной резьбы, осыпанные тополиным пухом. Еще поворот — и автобус остановился на гладкой сцене. Декорации изображали древнюю Русь. Башни, колокольни, звонницы. Мы подошли к декорациям поближе и прочли название улицы. Прошли чуть подальше, поглядели на небольшую церковь с четким куполом и спросили у круглой румяной старушки:

— А он выходит?

— Кто он?

— Ну, этот... архиерей или как там его... протопоп.

Старушка попятилась, и мы тоже попятились. Потому что на церкви было аршинными буквами написано: ПЛАНЕТАРИЙ.

Вот он какой оказался, Арзамас, город Гайдара.

Шашка Гайдара

В доме-музее Гайдара висят на стене ножны от шашки. Потертые, исцарапанные, боевые ножны.

Поглядишь на них, поглядишь — и сразу будто порохом дымом потянет. Эх, на коня бы! Чтоб ветер зашвырнул, чтоб горячая шашка в руке, чтоб враги враспыню!

Да чтоб рядом Гайдар — веселый человек.

Уж он-то понимал в этом толк — и в шашках, и в винтовках, и в пулеметах.

Сколько раз его из Пушкинской рощи гоняли, да еще шею грозились накомылить: там в июне 1918 года учились стрелять будущие красногвардейцы.

«Гляжу: так и шнырит, так и шнырит малец, — рассказывает бывший командир учебного отряда Турносов, — да такой, понимаете, настырный — одни его турнут, к другим пристает — дай ему пулемет разо-

брать или из винтовки пальнуть. Ну, один раз я не выдержал, за рукав его поймал.

— Ты долго еще здесь вертеться будешь? — спрашиваю.

А он, как бычок, голову прямо нагнул и в ответ:

— Долго. Пока стрелять не научусь.

— А для чего тебе надо уметь стрелять?

— А для того мне надо стрелять уметь, чтобы белых бить!

Так и остался он в отряде.

В двадцать четвертом году командир полка Красной Гвардии Аркадий Голиков после ранений и контузий был демобилизован из армии. Две даты. Между ними — шесть лет. Шесть лет гражданской войны, борьбы с бандитами, подавления белых мятежей. Шесть лет с шашкой в руке.

Ножны висят на стенке. Шашки нет.

В двадцать четвертом году Аркадий Петрович уезжал из Арзамаса в Москву. Он начинал новую, мирную жизнь. Он вез в столицу первую свою книгу «В дни поражений и побед». И шашка была ему уже не нужна. Он оставил ее друзьям.

Лидия Павловна Голикова спря-
тала шашку под пол, за плинтус.
От греха подальше.

Прошли годы. О шашке все по-
забыли. И только через сорок
лет, в 1964 году, когда открылся
дом-музей Гайдара, Лидия Пав-
ловна вспомнила о ней, рассказа-
ла пионерам. В квартире, где бы-
ла спрятана шашка, давно уже
жили другие люди, дом несколь-
ко раз перестраивали. Пионеры
нашли под полом только ножны.
Шашка бесследно исчезла. Кто
взял ее? У кого она сейчас? Это
пока неизвестно.

Остались ножны. И кажется, они
до сих пор пахнут горячим клин-
ком...

Может быть, как раз на этом
пруду Борис Гориков давал „мор-
ской бой“ объединенному флоту
Пантюшкиных и Симаковых.

Во всяком случае, плоты на
этом пруду плавают и сегодня.
И „адмиралы“, если поискать,
тоже найдутся.

Живут в Арзамасе такие ребята

Население города Арзамаса сорок тысяч человек.
Летом 1964 года пятьдесят тысяч мальчишек и девчо-
нок побывали в городе Гайдара.

Представляете, — пятьдесят тысяч! Со всех концов
Союза — из Грузии и Сибири, из Эстонии и Узбеки-
стана, едут ребята, заслужившие право пройти по
улицам, по которым бегал ученик реального училища
Голиков, искупаться в неторопливой Теше, где он ло-
вил раков, побывать в маленьком деревянном домике,
где он жил.

И мы вот тоже приехали. Ходим, ходим, даты всякие
записываем, события. Потом надоело нам записывать
и стали мы глазеть по сторонам.

Но не просто так глазеть, а по «методу профессора
Серму». По этому методу Гайдар французский язык
учил.

Задается вопрос: что мы видим на этой интересной
картинке?

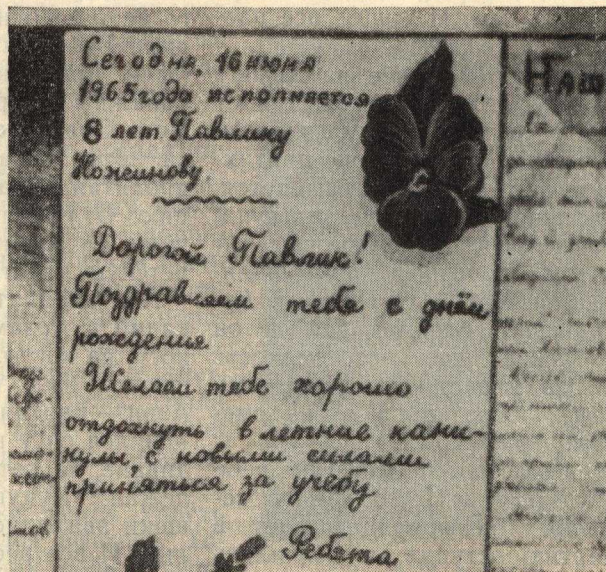
На этой интересной картинке мы видим, как множе-
ство очень важных карапузов уписывает за обе щеки
здоровенную клубнику и физиономии у них ну просто-
таки полыхают от размазанного сока и удовольствия.
Откуда у карапузов клубника? Им купили ее на рынке
по дорогой спекулянтской цене? Ответ: не-ет! Не до-
ждутся того спекулянты. Пропадет их дорогая клубни-
ка. Это мальчишки и девчонки школы имени Гайдара
каждый день угощают детский сад своей юннатской
клубникой. Вот.

Идем дальше. Глазеем.

А что мы видим на этой веселой картинке?

На этой веселой картинке мы видим двор дома № 2,
что на улице Кирова (мы туда напиться зашли). И ви-
дим на щелястой серой стене коридора газету «Наша
жизнь».

Кто такой этот Павлик? Это знаменитый человек?

Может, он утопающего спас или он чемпион по бегу?
Нет. Это просто Павлик, курносый такой мальчишка,
его сейчас и нету вовсе, он в деревню уехал. Но он
скоро приедет, и ему будет приятно. Так нам отве-
тили.

Заходим в дом-музей Гайдара. Это совсем малень-
кий домик. Открываем скрипучую дверь и видим за-
мечательную картинку.

Две девочки, ужасно серьезные, Оля и Таня, ведут экскурсию. Они очень ловко это делают и так интересно рассказывают, что вокруг стоит целая толпа — все как один с открытыми ртами.

Здесь все делают сами ребята: и убирают, и экскурсии проводят, и лекции читают.

А директором у них, тоже добровольным, Нина Николаевна Похвалинская, подруга детства Гайдара.

Человеку надо быть смелым

Вот это да! Человек помнит Аркадия Гайдара с детства! Идем к Нине Николаевне.

Нина Николаевна улыбается.

И не верится, что ей за шестьдесят. Она сухонькая,

легкая, как девочка. А глаза усмешливые и понимающие. Она видит, что мы смущенно и неуклюже топчемся, не знаем, куда деть руки, и сразу начинает рассказывать.

— Помню очень хорошо: такой он был мальчишка смелый и правдивый, что удивительно.

Помню случай. Играли мы в прятки. Разбежались все — кто куда. В подвале здоровенная бочка стояла. Аркадий туда как сиганет с разбегу, а там вода на дне, а в воде крынки со сметаной. Ну и, конечно, крынки эти — дзынь-ля-ля! Вдребезги. И ноги у него в сметане по колено. Я — в рев. Я-то ведь постарше была на два года и вроде бы мне полагалось присматривать за младшими. Ну, думаю, и влетит же!

Аркадий подошел ко мне. Не плачь, говорит, Нина, ты тут ни при чем. И пошел все рассказал, сознался.

Любили мы все на крышу лазать. Аркадий, бывало, идет по самому краешку, глядеть страшно. Все во дворе притихнут, замрут. А он улыбается, физиономия круглая, как луна, добрая, на щеках ямочки. Ну потом, конечно, крик поднимается, мать его, Наталья Аркадьевна, бледная вся, а он объясняет, что, мол, смелость вырабатывает, что надо ему быть обязательно очень смелым человеком.

Сейчас вот представить себе трудно, а ведь Аркадий в неполных четырнадцать лет в партию вступил, и кончились детские игры, началась жизнь трудная, порой просто неверо-

ятная по нашим нынешним представлениям. В восемнадцатом году в Арзамас приехал штаб Восточного фронта, и Аркадий ушел с ним на фронт. Солдатом четырнадцати лет! А в семнадцать лет уже командовал полком. Ну, да это вы и сами знаете. Не раз, верно, читали.

А вот какой случай был еще до отъезда на фронт. Время тогда тяжелое было, всего не хватало, все было дорого, а купцы и спекулянты пользовались этим, наживались. Партийка Аркадию поручила проверить лавку купца Бебешина. Он его и поймал. Нашел у него неправильные аршины. Судили Бебешина. Только не за были Аркадию этого, напали однажды вечером, пырнули ножом. Спасла его ватная куртка. Это была первая кровь, пролитая Аркадием за революцию. Отлежался он малость и ушел на фронт воевать за Советскую власть.

А в двадцатом приехал Аркадий в Арзамас. Раненный в ногу, на костылях. Отец его на фронте был, мать в Средней Азии — партия послала. Остановился он у нас. Вот на этом диване, на котором вы сидите, лежал. Худущий, заросший, щеки ввалились, а глаза веселые. И все песни пел. Особенно любимую: «Горные вершины спят во тьме ночной...»

Любимые песни Гайдара

«Ну, вот: это горы. Сумерки. Идет отряд. Он устал, идти трудно. За плечами выкладка шестьдесят фунтов... винтовка, патроны. А на перевале белые. «Погодите, — говорит командир, — еще немного, дойдем, собьем... тогда и отдохнем. Кто до утра, а кто и навеки...»

«Судьба
барабанищика»

Горные вершины
Спят во тьме ночной,
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

М. Ю. Лермонтов

КРАСНОДАР НОВОРОССИЙСК

«Вообще-то порядок фронтов был такой:

1. Петлюровский...
2. Польский...
3. Кавказский; Армия Ларцова, Сочи, Веселое—Памиково, Кубань...

(Дневники)

Рассказывает Б. Никольский

Двухмоторный ЛИ-2 набирает высоту. Внизу светло-коричневой лентой извивается река Кубань. Впереди синют горы. Где-то здесь многие годы назад воевал Гайдар.

А теперь мы летим над Кубанью вместе с генерал-майором запаса Алексеем Терентьевичем Рябовым, летим в гости к Юным друзьям Советской Армии, к Юным друзьям пограничников. Летим в Новороссийск.

Как они собирались

Честно говоря, я не очень был уверен, что эта встреча состоится. Летние каникулы. Жара. Море. Песок. В садах созрела вишня. Попробуй-ка собери в такое время ребят!

«Что вы! — усмехнулся Алексей Терентьевич. — Чтобы Юные друзья пограничников не собрались? Такого

быть не может. Только объявите тревогу. По цепочке — от дома к дому, от товарища к товарищу — хоть под землей, а друг друга разыщут. Иначе какие же они пограничники?»

Он оказался прав.

Ровно в 17.00 ребята были в сборе.

Что рассказал генерал-майор Рябов

Я прослужил на границе ровно тридцать три года. И теперь, когда меня спрашивают, какие качества нужнее всего пограничнику, я говорю: чувство товарищества, взаимовыручка.

Вспоминается такой случай. Это было давно, на Дальнем Востоке. Старший сержант Разумный и рядовой Воронин преследовали нарушителя. Мороз, пурга, ветер. След замечает, собака то и дело теряет его. А тут еще беда — когда перебирались через овраг, Воронин поскользнулся и упал. И так неудачно: застрял ногой в корневище и вывихнул ногу. Не может подняться — и все!

Что делать? Связаться с заставой, дать сигнал выстрелом — нельзя. Вернуться — нельзя. И оставить Воронина одного тоже нельзя! Ну, как тут быть?

И все-таки Разумный нашел решение. Он оттащил товарища на такое место, откуда тот в крайнем случае мог бы вести

круговую оборону. Потом снял свой полушубок и обернул им ноги Воронина. А сам в одной гимнастерке бросился снова за врагом.

Только к утру он догнал нарушителя. Собака пока по следу идет, всегда морду книзу держит. А если морду подняла — значит, нарушитель близко. Близко — а где? Пограничник ведь в невыгодном положении находится. Возможно, нарушитель притаился и ждет. Тут уж, как говорится, гляди в оба, будь готов ко всякой неожиданности. Увидел Разумный, в кустах что-то шевельнулось. Только успел упасть в снег, раздался выстрел. Тогда пограничник решил перехитрить нарушителя, затаился, вроде бы и шевельнуться боится; а сам выстрелы считает, ждет, когда у того обойма кончится. Время-то нужно, чтобы пистолет перезарядить. Как только прозвучал последний выстрел, пограничник вскричал: «Руки вверх!»

А. Т. Рябов

Нарушителю не удалось уйти. Теперь Разумный спешил вернуться к товарищу. Через час Воронина доставили на заставу. Потом он еще долго вспоминал, как командир в мороз, в пургу не пожалел для него своего полушубка...

О чем спрашивали ребята

- Товарищ генерал, а вы сами нарушителей задерживали?
— Задерживал.
— Товарищ генерал, а бывало так, чтобы ребята помогали ловить шпионов?

— Бывало, и не раз. Я расскажу только об одном случае. Он произошёл здесь, на Северном Кавказе, больше десяти лет назад. Двум нарушителям удалось незаметно высадиться на берегу. Когда пограничники обнаружили их, началась перестрелка. Одного убили, а другой ушел в горы. Пограничники преследовали его, как говорится, по пятам. Все дороги, все тропы перерезали. Он целые сутки отсиживался в зарослях, наконец не выдержал, вышел к небольшому горному селенью. Подошел к крайнему домику. А там жили мать с дочкой — Анна Багма и Лена. Ну вот, шпион вошел

к ним, поздоровался, рассказывает, что он охотник, заблудился, просит поесть. Лена сразу сообразила, в чем дело, и говорит матери: «Я схожу за водой». А сама к пограничникам. Пограничники стали окружать дом. Но и нарушитель почувствовал что-то неладное. Запер дверь и за окном притаился, целится. Тут Лена не выдержала, за мать испугалась, думала, он ее убьет, как закричит: «Мама! Мама!» — и к домику бросилась. Шпион в нее и выстрелил. Ранил. Но уйти от пограничников ему не удалось. А Лена поправилась, выросла и сейчас работает учительницей.

О чем рассказали ребята

— Мы ученую собаку ходили смотреть. Но ее на другую заставу перевели.

— А еще видели, как проектор работает.

— А еще автомат Калашникова изучали.

— А еще азбуку Морзе.

— И рацию.

— Наушники надевали, слушали.

— На полосу препятствий ходили. Через окоп прыгали. Все перепрыгнули.

— А еще в военную игру играли. Снежную крепость бра-

ли. Ребята, которые ее защищали, думали, к ним ни за что не пробраться. А мы тайный ход знали, под старой плотинкой. И через него проникли. Все их снежки заготовленные уничтожили. Им защищаться стало нечем. И мы победили.

— А еще с пограничниками в волейбол играли.

— А еще в тире стреляли — забыл?

— А еще...

— Ну, я вижу, — сказал генерал-майор, — вы когда вырастаете, действительно станете хорошими пограничниками.

Любимые песни Гайдара

«— Папа, а все-таки «Жаворонок» — это не солдатская песня!»

— А какая же?

— Да так! Просто человеческая.

— Ну и что же, человеческая? А солдат не человек, что ли?»

«Судьба барабанищика»

Между небом и землей
Песня раздается,
Неисходною струей
Громче, громче льется.
Не видать певца полей,
Где поет так громко
Над подруженькой своей
Жаворонок звонкий.
Ветер песенку несет,
А кому, не знает...
Та, кому она, поймет!
От кого, узнает!
Лейся, песенка моя,
Песнь надежды сладкой,
Кто-то вспомнит про меня
И вздохнет украдкой.

Н. Кукольник

А я смотрел на этих ребят, слушал их, и мне вспоминались мальчишки и девчонки, о которых писал Гайдар. И бесстрашный Сережа из „Судьбы барабанищика“, и маленький Алька — всадник „Первого октябрятского отряда мировой революции“, и решительный Тимур.

И еще вспоминались мне такие слова Гайдара:

„Пройдут годы. Не будет у нас уже ни рабочих, ни крестьян. Все и во всем будут равны. Но Красная Армия останется еще надолго. И только когда сметут волны революции все границы, а вместе с ними погибнет последний провокатор, последний шпион и враг счастливого народа, тогда и все песни будут ничьи, а просто и звонко — человеческие“.

«...Сначала я написал повесть «В дни поражений и побед». Когда я показал ее писателю Федину, то он сказал мне: «Писать вы не умеете, но писать вы можете и писать будете». Тогда я стал учиться. Учили меня Константин Федин, Михаил Слонимский и особенно много Сергей Семенов...»
(«Обыкновенная биография в необыкновенное время»)

Ответственный А. Крестинский

ЛЕНИНГРАД

Гайдар в Ленинграде

В 1925 году к нам в редакцию пришел широкоплечий, с виду очень сильный человек, по фамилии Голиков, по имени Аркадий. В его ясных, всегда широко открытых глазах выражение дружественной горячности и некоторого простодушия сменялось гневом, когда он сталкивался с подлостью или только слышал о какой-либо мерзости. Ходил он в военной гимнастерке. Ему едва исполнилось двадцать лет, а жизненный опыт его был громаден. Шестнадцатилетним юношей он уже сражался против белогвардейцев, много до-

велось ему испытать и видеть.

Он привез нам повесть о гражданской войне «В дни поражений и побед». Повесть была написана очень еще неопытной рукой, но в ней чувствовалось бесспорное дарование, в ней был накал тех огненных лет. Мы со всем жаром молодости отнеслись к этой повести и к ее автору. Ведь это был «свой», наш, новый, талантливый, молодой... Он часто бывал у нас и в редакции, и на дому. Мы редактировали повесть Голикова старательно и с энтузиазмом.

Мне он казался здоровяком, силачом. Но однажды застал его у меня отец писателя Евгения Шварца, врач, и когда Голиков ушел, сказал мне:

— Не верьте его румянцу. Он больной человек.

Действительно, на здоровье нового нашего друга сильно отразилась полученная им на фронте контузия.

Голиков при встречах рассказывал нам разные случаи из жизни. Один боевой эпизод произвел на нас такое впечатление, что я не выдержал:

— Надо его вставить в повесть.

Голиков возразил:

— Нет, это нельзя. Я в том деле не участвовал, это прои-

зошло в двенадцати верстах от моего полка.

В этих словах выразилось весьма еще наивное представление молодого автора о художественном творчестве — чего не видел своими глазами, о том и писать нельзя. Но в то же время в этом его заявлении, которое вызвало у нас тогда смех и споры, сказалось предельно чистое стремление к правде в жизни и в литературе.

Повесть «В дни поражений и побед» была напечатана в альманахе «Ковш» в 1925 году за подписью «Арк. Голиков». Для дальнейших своих произведений Голиков избрал псевдоним «Аркадий Гайдар».

М. Слонимский

«Степа, напиши мне о Перми. Какая она теперь. Что находится на тех местах, которые посещали мы в дни далекой неповторимой молодости».

(Письмо другу)

Организовал Ю. Юркан

Гайдар в Перми

Сотрудники редакции «Звезды»; первый снизу — Аркадий Гайдар.

В этих газетах печатались фельетоны и статьи Гайдара.

Я училась в девятом классе, когда наша семья переехала в Пермь. Удивительно, с каким интересом читали жители этого города свою газету «Звезда». Особенно всех привлекали ее «подвалы» — нижняя часть полосы, где помещались очерки, рассказы, роман с продолжениями о Потоке-богатыре, проспавшем десятки лет и проснувшемся на Урале. Героями событий были подлинные живые люди. В остроумных, подчас злых, всегда смешных главах высмеивалось пьянство, глупость. Подпись стояла: Гайдар.

Никому тогда не было известно это имя. Наверное, это был умный, многоопытный, немолодой человек — настолько он был политически вооружен, глубок, настолько умел хорошо анализировать то, о чем писал.

В пермской библиотеке имени М. Горького ее заведующий С. В. Метаниев — великолепный человек с негромким голосом, внимательный, смелый, любящий молодежь (впоследствии он заведовал библиотекой Музея Революции в Москве) — собирал старших школьников, интересующихся литературой, и студентов на так называемые вечера рецензий. Там мы сначала говорили

о чужих книгах и Сергей Владимирович помогал нам писать первые наши рецензии и статьи, потом начали читать друг другу свои стихи и рассказы. Позже Метаниев вывел нас в Шпагинские мастерские (теперь — вагоноремонтный завод) для «громких чтений» в обеденные перерывы. И, наконец, однажды объявил, что «Звезда» хочет напечатать подборку наших стихов.

Нас обуял ужас. Но стихи мы все же принесли. Литстра-ница вышла. Дальше последовало того страшнее: нами заинтересовался Гайдар — тот самый фельетонист, умеющий без ножа зарезать за любую ошибку. Тот самый, беспощадный, умудренный опытом!

В редакции, куда нас пригласили, в назначенное время никого не было. Одна пустая комната. Вторая. В третьей — полусидел на столе высокий мальчишка в синей рабочей блузе, серая кепка на затылке. Из-под сломанного козырька вырывался вьющийся соломенный чуб. Мальчишка смотрел на нас насмешливыми голубыми глазами.

— Скажите, пожалуйста, как нам увидеть Аркадия Петровича Гайдара?

— Гайдар — это я, — сказал мальчишка.

Трудно передать мое изумление. Но разговор и все последующие разговоры, которые случались время от времени в течение года нашего пермского знакомства, поражали еще более. Говорил Аркадий очень требовательно, как бы с равными себе, а не с начинающими. Эта черта у него была общей с Маяковским, с Николаем Тихоновым, с которыми я встретилась позже. Но интересно, что в то время мне некоторые мнения Гайдара казались «невыдержанными». Я писала лирические стихи, но стеснялась их и предпочитала, чтобы во мне видели автора «трибуны», автора «публициста». Каково же было услышать, что казавшееся мне самым серьезным стихотворение — начиналось оно так —

*«Не наш, кто не поймет
начавшиеся будни,*

*Не наш, кто отступил в
решительной борьбе», —*
слабое, невыразительное, а то, что я считала неудачным, — наоборот, хорошо:

*«Розовый до дерзости шипов-
ник*

Глупости болтает у окна.

Прыгнула ко мне на подоконник

Милая курьинская луна».

Жизнь показала, что я со своей наивной прямолинейностью и неумением «провести через сердце» общественные чувства, которые меня волновали, неправа, а прав Гайдар. Но прошли годы, прежде чем это было понято.

Гайдар держался очень свободно. Ходил, засунув руки в карманы, имел вид незапнятого человека. А в «Звезде» продолжали регулярно выходить его фельетоны, статьи, рассказы, повести. Как он успевал работать? Удивляло нас и то, что при такой небрежной манере дер-

жаться Гайдар был очень дисциплинирован. Если свидание назначено на 12 часов, — ни раньше, ни позже Гайдар был на месте.

И вот однажды на месте его не оказалось. Его товарищ, журналист (мне помнится, что это был С. Гинц, и сейчас работающий в Перми, или, может быть, Н. Кондратьев) сказал, что Аркадий болен настолько, что не смог подняться.

— Болен? Гайдар?

Тогда последовал рассказ о совершенно неизвестном нам военном прошлом Гайдара. Нам рассказали и о том, что головные боли не оставляют Гайдара ни на день (последствие контузии).

Как же он работает?

Так Гайдар, ненавидевший любые душеспасительные беседы и нотации, убедил нас, не сказав ни слова, что работе нужно отдавать всю жизнь.

Потом Гайдар уехал. Мы знали, что у него вышла в ленинградском журнале «Звезда», а потом и отдельной книгой повесть «Р.В.С.». Но долго после, встречая книги с его именем, я не знала, тот ли это Гайдар, похожий на мальчишку, или другой человек, взявший тот же псевдоним. Далеко не сразу узнала я, что это «тот самый»...

Елена Вечтомова

Два подвига совершил в своей жизни Гайдар. Первый — он с малых лет научился воевать и хорошо воевал за свою Родину. И второй — он стал большим писателем. Пусть это подвиги неравноценные, но ведь и статьи настоящих писателей — это, друзья, тоже человек отдал ему всего себя.

Все фотографии на этих страницах взяты из книги «Аркадий Гайдар на Урале». Написали книгу старые друзья Гайдара, Савватий Михайлович Гинц и Борис Никандрович Назаровский.

Гинц и Назаровский подарили «Костру» экземпляр своей хорошей книги; выше вы можете прочесть, что написано на ее титульном листе.

АРХАНГЕЛЬСК ПАТРАКЕЕВСКИЙ СЕЛЬСОВЕТ

«Шумит Мудьюга»

(Название очерка в архангельской газете)

Рассказывает Л. Кокорина, фотографии Я. Якоби

Это необычный город. Идешь по нему, как по палубе, иной раз даже остановишься: как сработано! То лежат под ногами толстые шпалы — одна к одной — и концы их окованы синей сталью, то вдруг увидишь шляпки чудовищных гвоздей, они умело утоплены в вырубленных лунках и поблескивают там, как старинные пятаки. Деревянные улицы спускаются к реке, к морю, к причалам, а у причалов — суда. Каких только нет! Но все больше траулеры и лесовозы. Это — порт, порт рыбы и леса — Архангельск.

Шел 1929 год, когда Аркадий Гайдар приехал в этот город. Там уже слышали о нем, и в редакции газеты гордились: «К нам едет писатель».

Писатель приехал. Высокий, статный, он был очень хорош в своей кавалерийской шинели, галифе, высоких сапогах. Иногда, правда, появлялся и в штатском, но было ясно, что такая одежда ему не по нутру.

«Чудит человек, — говорили некоторые, — все у него не попросту». И подписывается странно — «Гайдар», что по-монгольски значит командир. И, как мальчишка, бегаёт на кладбище стрелять из малокалиберки ворон. А сядет за стол писать — трубку в зубы и рисует зачем-то на краю каждого листа пятиконечную звездочку.

Но скоро все поняли, что человек не чудит, а просто накрепко, сердцем связан с Красной Армией.

«В лесу недалеко от устья извилистой речки Мудьюги сошлись кучкой деревни: Кушкушары, Горки, Наволок, Верховье, Патракеево и Кады», — так начинается очерк Гайдара.

Утром видим: все деревни как на одной ладони, только застенчивая Кады скрылась за лесом. Узкая Мудьюга неторопливо бежит в море. У берега — лодки.

На маленькой плоскодонке ребяташки переправляют-

Дом, в котором жил Гайдар, когда работал в Архангельске. Звезда на воротах из первом плане означает, что архангельские тимуровцы баклуши не бьют и времени не теряют.

чувствовал: нет, здесь дело не ладно. И остался в деревне на месяц. С трудом, не сразу, но обнаружил: настоящего-то колхоза и нет. Просто кучка кулаков создала видимость артели. У них и моторные карбасы, и снасти, и кони, и амбары, — а у бедняков что? Шиш. Вот бедняков в артели и не жалуют.

Так родился очерк «Шумит Мудьюга». На старой пожелтевшей странице «Правды Севера» от 8 февраля 1930 года рядом с названием крупно набрана знакомая подпись «Арк. Гайдар», и перед каждой главкой стоит на страже красноармейская звезда.

Нам захотелось сегодня побывать в тех местах, где жили герои этого очерка.

ся на другой берег... Один, на носу, в зюйдвестке, умело работает шестом, двое сидят, а большая девочка нерешительно топчется посередине. И вдруг она, качнувшись на подбежавшей от моторки волне, с плеском падает за борт.

— Галка, Галка перекинулась! — смеются мальчишки.

Речка здесь мелкая и «утопленница» бегом спешит к берегу.

На болотистых берегах Мудьюги тучей пасутся кулики.

Жирные утки лениво косят круглым глазом и равнодушно повертываются к лодке хвостом: ведь охота еще не открыта. Чуть дрожит желтая осока. Тихая речушка Мудьюга. Но, говорят, иногда шумит и она: обрывает берега, уносит карбасы и дома в открытое море. Так однажды зашумела и мудьюжская беднота — и снесло кулацкие дома, как в половодье.

А какие были дома! «Крытые железом, окрашенные в голубой или серый цвет, разделенные на несколько комнат, заставленных буфетами, шкафами, диванами и этажерками. Они напоминали, — писал Гайдар, — купеческие особнячки бывшего уездного города».

Мы сидим в гостях у сестер Бурковой и Стрелковой, уроженок Патракеевки.

— Да вон сельсовет рядом с нами, тоже кулацкий дом, Андрея Чухчина. С одной женой жил в этом-то матерушшем доме. И батраков имел, и суда, — говорит Александра Павловна.

Рассказываем про Гайдара.

— Что ж, ежели он здесь был, так, может, и видались... На собрании, в сельсовете, — говорит хозяйка. — Он что же, Гайдар этот, уполномоченный был или как?

Мы немного растерялись. Пожалуй, и уполномоченный, — уполномоченный советской властью, своей совестью. А если попросту — писатель.

— Да нет, не такой уж я и старый, восемьдесят восемь всего, — хитро щурится Иван Иванович. — Здесь рядом старушка есть, так ей девяносто два стукнуло. А вот старее меня капитанов здесь нет. Я один...

— Он пятьдесят лет плавал, — подтверждает младшая дочь хозяина Анна Ивановна.

Иван Иванович смотрит куда-то вдаль ясными голубыми глазами. Рядом с кроватью на столике газета, трубка и раскрытая пачка табака. Под окном сияющая гладь реки.

Прежде всего мы, конечно, хотим узнать о Гайдаре.

— Был здесь такой писатель, как же, описывал наши деревни, — кивает Иван Иванович, — видел я его, и в сельсовете видел, и рыбачили вместе...

— А какой он был из себя? — недоверчиво спрашиваем мы.

— А такой и был, — не отступает Иван Иванович, — здоровый да веселый, все про жизнь мою расспрашивал. — И неожиданно заключает: — Слабеет уж память-то, ничего не помню...

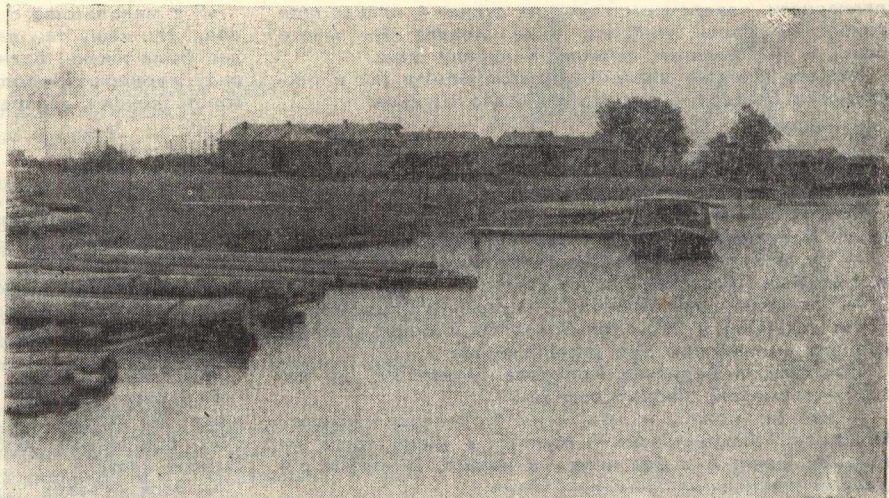
Да, конечно, имена и события поистерлись в его памяти, поистерлись и сместились.

— Что это мы тут сидим? — встрепенулся Иван Иванович и спустился с кровати.

Нас проводят в «зал». Пол выкрашен в красную и серую шашку, на деревянном потолке искусные резные цветы и в дверном проеме затейливая, тоже резная арка с колонками.

— Все моя работа, все сам, своими руками сделал, — говорит Иван Иванович.

Из огромного старинного ларя Анна Ивановна достает красивую шкатулку с узорной накладной медью.

— Она ведь Гайдара не знает, неграмотная она... — тихо говорит сестра хозяйки.

Но у той ухо остро.

— Ты-то, грамотная, когда выучилась? Ранее кто учился-то? Богатые. А мы бедняки были. Братья наши учились — и то хлеб. Тут мореходка была...

Оказывается, когда-то была в Патракеевке мореходная школа, готовила она из местных поморов штурманов и капитанов малого каботажного плавания.

— Ну, мы плохо старое время помним, — заключают сестры. — Вам бы с нашим дядей поговорить, с Иваном Ивановичем Антупьевым. Уж он знает. Пожил на свете. В Верховье его дом, над самой рекой, сразу увидите...

Из шкатулки появляются семейные фотографии. Такие здесь есть, наверное, в каждом доме.

Вардэ, Йокогама, Новая Земля, Англия, Земля Франца Иосифа. Люди в белых охотничьих балахонах, в щегольской морской форме, в высоких — во всю ногу — бахилах, в странных норвежских бородах. («Какая там норвежская, ножницами подрежешь в плавание сам, как сумеешь — вот и норвежская»). Охота на тюленей, на моржей, на лебедей. Обледенелые снасти, силуэты карбасов и ледаколов. И вдруг — знакомое лицо! Шмидт! Отто Юльевич Шмидт!

— Зимовал, — кивает Иван Иванович, — с этим я зимовал.

Зимовал он, оказывается, не раз. Было как-то — попали в ледяной плен. Сильно оголодали. А потом вдруг нашли чужие брошенные запасы. Сначала нашли замерзших пони, какие-то медные сетки, а внизу, в свинцовых банках, шоколад. Шоколад и спас...

Внуки Ивана Ивановича — Ваня, Коля и Оля — не сводят глаз с деда.

— А первый-то раз зимовал еще мальчонкой, лет

двенадцати, поваренком ходил на судне. А плавал еще ранее. Пришлось хлебнуть лиха. Хозяев тут много было, а мы, бедняки, сызмала в кабалу шли...

Как это все уже знакомо! Другой помор так и рассказывал Гайдару о работе у богача Шунина:

«Я с малолетства с ним на судах ходил. С девяти годов... Ну, кашу там варил, посуду мыл, палубу... Веселая была жизнь! Весной со льдом уйдешь. Осенью ко льду вернешься,—получай хозяйскую благодарность — горсть конфет да трешницу денег...»

Побывали мы в сельсовете, полистали подворные книги, забежали к учительнице, — и вот уже вечер.

— Ну, а Копытовых не знаете ли кого? — спрашиваю я у хозяйки Прасковьи Лаврентьевны.

— Так ведь и мы Копытовы, — замечает хозяйка.

Вот так. Она и есть Копытова. Но я боюсь верить, что это именно про нее писал Гайдар:

«Слыхали, а беднячка Копытова записалась, да назад, — засмеяли, говорит, соседи».

— Что ж, может, и про меня это, — развеселилась Прасковья Лаврентьевна. — Муж-то у меня тогда на Мурман ушел. А я без него — в колхоз. И карбас отдала, и снасти...

И тотчас спохватывается:

— Да нет, не про меня. Мы из колхоза обратно не хаживали. И Трапезниковы тогда в колхоз вступили, и Мушкаровы, и Бурковы... Муж мой всю жизнь в колхозе работал, рыбку ловил, все со снастью, все со снастью... Все бы такие колхозники были! С Костей они напару такие были, с Копытовыми...

— А много ли у вас Копытовых?

— «Копытовых-воров — сорок дворов», — такую про нас поговорку кулаки сложили. Вот говорить-то так говорили, а ведь без нас — никуда. Как доймет — кому карбасы до открытого моря тянуть? Мужики-то все в Норвегу ушли. Так и прибегут богатеи к нам: «Женочки, подмогните!» Впряжемся и тянем вдоль берега... А холодно, а мокреть, теплой обувки где взять? — коленку о коленку греешь и ревишь. А потом награды — сунут горсть леденцов али белого хлеба. Спрос ревелик — бабы...

— И вы за такую плату работали?

— А куда денешься-то? Кому зерна мешок дадено, кому что... Еще с зимы на карбасы нанимались, за

долг шли, покрученники... Моторки-то у кого были? У богатеев. Теперь-то, гляди, у каждого мотор. На веселках и на другую сторону никто не поедет...

Мы смеемся.

Подхожу к окну и вижу за кустом китайских роз чьи-то любопытные глаза.

— Вася, — зовет хозяйка, — иди в дом.

— Боюсь, — озорно тянет мальчишечий голос.

— Ну так к себе иди.

— К вам хочу.

— Так иди.

— Боюсь, — повторяет баловень и тотчас отворяет дверь.

Вытирает рукавом бляху на матросском поясе и подходит к столу.

Прасковья Лаврентьевна усаживает гостя и подвигает ему чугонок с киселем.

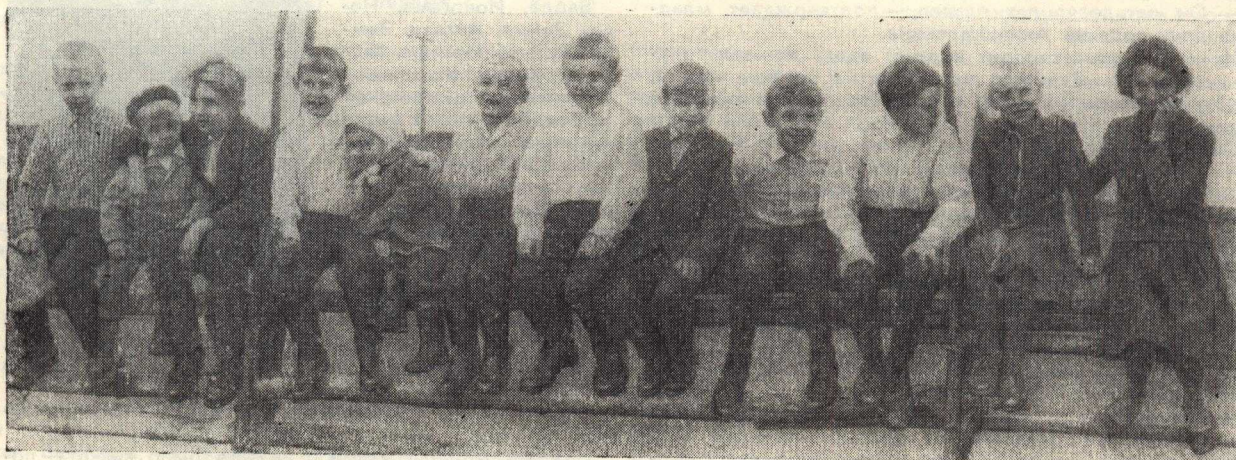
— Внук мой, Мишин сынок.

— Последний Копытов? — шутим мы.

— Где же последний, всех Копытовых сразу и не сочтешь. Одной мелочи этой полна деревня.

— А как бы их посмотреть? — вздыхает фотограф Яков Яковлевич.

— Так чего проще. Вася, сбегай-ка...

...Вот они, юные Копытовы. Конечно, не все, на всех-то и забора не хватит, — здесь только веточка этой трудовой поморской династии — будущие рыбаки, матросы, капитаны. А сколько в Патракеевке их сверстников — Антуфьевых, Бурковых, Стрелковых!.. Аркадий Гайдар не видел этих ребятшек, но, защищая от кулаков поморскую бедноту, Гайдар боролся и за них, боролся за то, чтобы при советской власти жизнь всех мальчишек и девчонок была совсем хорошая.

«А жили они... в далеком огромном городе, лучше которого и нет на свете...»
(«Чук и Гек»)

Слово — ЮОсте ТЕРкину

Этот читальный зал совсем не похож на обычный. Здесь почти не читают книг, здесь бережно рассматривают рукописи, или фотографии, или странички из старых журналов.

Я сел за столик, отдал сотруднице бланк заказа и стал ждать. И очень удивился, когда сотрудница остановилась возле моего стола, держа в руках плоскую банку из-под киноплёнки. В банке находились баночки поменьше — такие, в каких продаются диафильмы. Что же мне с ними делать?

— Пойдемте за мной, — сказала сотрудница.

Она отвела меня в соседнюю небольшую комнату, вынула из баночки плёнку, вставила в специальный аппарат. Щелкнул выключатель — и на экране появилась страница, а в углу страницы я увидел знакомую маленькую звездочку.

И тут мне все стало ясно. Конечно, если каждый раз выдавать рукописи писателей, бережно хранящиеся здесь, в Москве, в Центральном государственном Архиве литературы и искусства, то бумаженные листы очень скоро истреплются, как бы бережно их ни читали. Поэтому рукописи, документы, письма переснимают на специальную микроплёнку.

Строчка за строчкой я читал, рассматривал рукописи Гайдара. Вот странички машинописного текста с поправками писателя — варианты первой главы второй части «Школы». Один вариант, другой, третий... Всеми тремя Гайдар остался недоволен — и так и не написал продолжение «Школы». Вот рукопись неоконченной повести «Бумбараш». Вот странички из «Военной тайны». А вот отрывки из киносценария по «Военной тайне» — раньше они нигде не публиковались. Один из них мы решили напечатать в «Костре».

Мчится скорый поезд. Алька и инженер Ганин едут в Крым

Купе. Алкин отец (Ганин) облокотился на подушку, сидит молча. Алка смотрит в окно, слушает песню, что передает через репродуктор радио, и искоса поглядывает на отца.

Песня.

Алька: — Папа! Почему, когда поют эту песню, ты всегда молчишь и глаза щуришь?

— Как почему? Солнце светит в глаза, вот и щуру.

— А когда луна?

— А когда луна, то и от луны. Чудак ты, Алка.

— А когда ни солнце, ни звезды, ни луна? (Быстро разворачивает журнал и показывает отцу.) Я знаю сам. Вот почему.

Крупно:

Портрет смуглой молодой

женщины. Густые немного растрепанные косы. Нерусские глаза. Подпись: Марица Маргулис. Болгарская коммунистка. Присужденная к вечной каторге, она дважды бежала из крепости. Три года тому назад она была снова схвачена и после тяжелой пытки убита.

Алька: — Ты не хотел, чтобы я знал, как они маму пытали? (Пауза.) Но я прочел все.

Ганин: — И ты плакал.

Алька (взволнованно):

— Нет. Я уже давно отплакался. Я думал.

— О чем?

— Обо всем. О разных далеких странах. О Красной Армии. Погоди... Ты меня не трогай. Я же несколько не плачу.

ЛЮБИМЫЕ ПЕСНИ
Гайдара

«Это была хорошая песня. Это была песня о заводах, которые восстали».

«Военная тайна»

Заводы, вставайте,
Шеренги смыкайте,
На битву шагайте, шагайте,
шагайте.

Проверьте прицел,
Заряжайте ружье,
На бой, пролетарий,
За дело свое!
Товарищи в тюрьмах,
В застенках холодных,
Вы с нами,
Вы с нами,
Хоть нет вас в колоннах!

.....
Не страшен нам белый
фашистский террор,
Все страны охватит
Восстанья костер!

Русский текст Ильи Френкеля

Солотча — село под Рязанью.

Сейчас это шумное дачное место, а было время — прямо посреди улиц, по заглохшим колеям, стояла там высокая, по пояс, трава.

Громыхали когда-то по колеям повозки хана Батыя, а навстречу им, из дремучего бора, поднимал свою дружину Евпатий Коловрат.

На память с тех былинных времен остался в Солотче монастырь.

Но нам не это сейчас важно.

— Это случилось вон там, — говорит Петр Михайлович Иванцов и показывает за старицу, за озера, в луга. — Вышел из кустов военный с сумкой и удочкой. „Ловите?“ — спрашивает. — „Ловим“. — „А червяков лишних нет?“ — „Нет“. — „Так айда накопаем!“ — Взяли остроконечные палки, пошли. Он говорит: „Я отдыхающий, Гайдар, писатель. Не слыхали?“

В Солотче писатели гостили часто.

Здесь подолгу жили Константин Георгиевич Паустовский, Рувим Исаевич Фраерман. К ним приезжал Константин Симонов, который, как вспоминают солотчане,

— Я думаю, что за парень, видно, наняли вещи носить, — говорит Аграфена Ивановна Докелина о первой своей встрече с Аркадием Петровичем.

ЛУЧ СЕДЬМОЙ

«Пьем мы утром молоко,
Ходим в поле далеко».

«Только что вернулись из трёхдневного путешествия по озерам. Места дикие. Шли с тяжелым грузом через болота и бурелом».

«Тоскую по «Канаве», «Промоине», «Старице» и даже по проклятому озеру «Поганому» и то тоскую.

...Когда вы едете в Солотчу?»

(Письма к друзьям)

Отчитываются Л. Ваганова, Ф. Нафтульев

Нам важно, что лет тридцать пять с лишним тому назад появился вдруг в окрестностях Солотчи незнакомый человек.

не любил тратить времени попусту и, даже сидя с удочкой, просил, чтобы ему читали вслух.

Среди этих людей Гайдар выглядел самым несолидным и суматошным.

— Здоровенный такой парень, молодой, видный собой, а найдет шапку какую худую, лапти наденет и полетел лѣтом. „Пойдем, — кричит, — тетя Груня, в лес“. Пошли. Он все ходил кошелкой размахивал да свистал. Так грибов и не собрал.

Потом слышу, все какого-то Гайдара поминают. Гайдар да Гайдар. „Кто такой?“ — спрашиваю. — „А ты разве не помнишь, приезжал?“

Пустынен сейчас дом, в котором гостил Гайдар. За-рос, одичал сад. Потрескались доски забора. Добротные доски, которые хоть и состарились, а прослужат еще не один десяток лет.

— Она говорит: „На день, хотите — берите, но к вечеру чтобы доски снова были в сарае, — другие такие где сыщу?“ Вот, думаю, кто сможет носить такую тяжесть, разве Аркадий Петрович и то с понуканием.

Однако Гайдар и без понукания согласился. Таскал плот на Селянское озеро, туда-обратно, за несколько километров, каждый день.

За ним обязательно увязывались мальчишки. И среди них — Вася Зотов.

— Смеялись: „Ты нас потопишь!“

Вот сидим мы как-то на плоту, клюет неважно. Уже сентябрь стоял, от воды тянет холодком. Вдруг вода заплескалась, оглянулись разом. А это Гайдар от берега плывет.

„Дайте крючок, — говорит, — мой рыба отхватила.“

Протянул руку за крючком, а от нее пар идет.

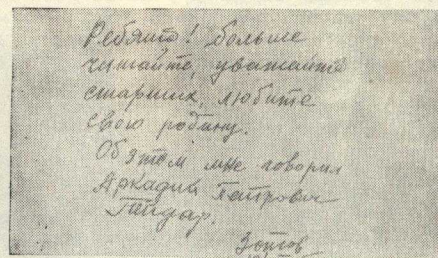
„Ты простынешь, — говорят ему. — Хотя ничего, человек военный, привычный“.

Уплыл Гайдар. Мы снова устали на поплавок. Немного времени прошло, — Гайдар по берегу идет, строевую песню поет. Глядим, чего веселый — шуку несет. На наш крючок поймал. Большую. И с берега, а не с плота. Завидовали мы ему, конечно.

Такие доски хранила у себя в сарае хозяйка усадьбы, старуха Пожалостина. Из них получился бы отличный плот, — рыба, наверное, отменно ловилась бы с него. Но хозяйка держалась за свое добро цепко.

Василий Кузьмич Зотов работает десятником в лес-промхозе, живет неподалеку от Солотчи. И до сих пор хорошо помнит те рыбалки.

Васю пускали на плот поудить. А Гайдара, между прочим, не пускали, —

Был Гайдар немногословен, когда речь касалась его самого. И, наверно, никому так никогда и не рассказывал о таком, например, случае:

— Мы шли по берегу, а берег вдруг обвалился. Я — в воду. Маленький был, плавал плохо, стал захлебываться. Слышу — подхватывают меня, тащат. А это Аркадий Петрович прыгнул как был, в сапогах. И вытащил.

Мальчик, который рассказал нам об этом, — давно уже не мальчик. Вон он на снимке. Рядом с ним — его мать, Софья Павловна Ершова. На вывеске над их головами можно прочитать: «Аптека».

А зачем на соседнем снимке яблоня, о том речь впереди.

Софья Павловна — солотчинская аптекарша, работает тут больше двадцати лет. Ей тоже есть что рассказать о Гайдаре.

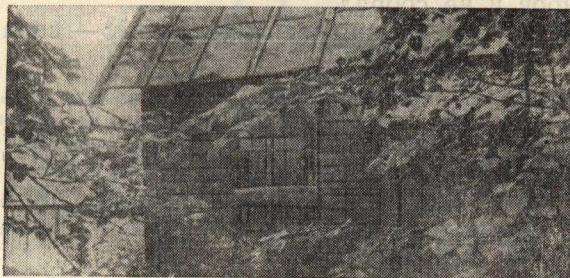
Те, кто жил в усадьбе Пожалостиных, бывали в аптеке часто. Им нравилось, что у Софьи Павловны всегда прохладно и чисто, белый скобленный пол, широченные деревянные диваны вдоль стен и пахнет сухими травами, собранными для лекарств.

Лекарства обитателям дома Пожалостиных не требовались. Писатели были народ не кислый, а веселый и разбитной.

— Навешают фонариков на деревья, устроят праздник. Озорничают, смеются, —

А потом дом затихал. Гасли разноцветные фонарики. И за оконцем бани загоралась свеча.

Свеча горела желтым пламенем. Плясали тени, ветки скреблись в стекло, — стой! Кто идет по ночному саду? Кто ударил в барабан марш-поход?

Рождалась книга «не о войне, но о делах суровых и опасных», — «Судьба барабанщика».

И был Гайдар, когда сидел за полночь за дощатым столом, вовсе не тот уже улыбчивый увалень и забавник.

Грустнели его глаза, суровели губы, и словно опять, как в былые годы, ложилась на его плечо командирская португеза.

Громыхали над Окой близкие грозы, и от охотничьей справы остро пахло порохом...

В один из прощальных своих солотчинских дней Гайдар запечалился:

— „Вот, — говорит, — уеду и будто не было вовек никакого Гайдара“.

„А ты сделай что-нибудь“, — говорят ему. — „А что?“ — „Ну, хоть яблоню посади“. — „И верно. Будем или не будем в Солотче, а память оставим“.

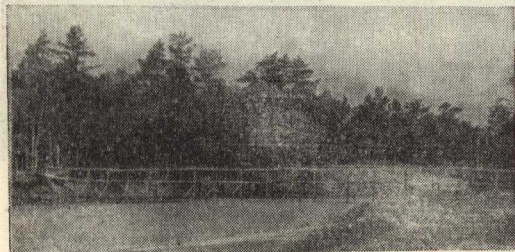
Принес Аркадий Петрович откуда-то саженец, взял лопату, и появилась в саду яблоня-гайдаровка. Переверните страницу обратно и посмотрите, — это она сфотографирована.

Эта яблоня и сейчас стоит. Мы сорвали с нее на память по листочку. И поехали дальше, за город Клепки, за село Гришино, — в лесничество, на кордон.

Мы не знали раньше, какие реки бывают в сказках. Теперь знаем точно. Такие, как Пра.

Ее крутые берега таинственно спускаются к песчаному дну. Красновато-коричневая вода бежит мимо ярко-желтых отмелей и зеленых дубовых рощ.

В травяных зарослях у самой реки мы встретили лягушку такого удивительно яркого изумрудного цвета, что почтительно уступили ей дорогу: а вдруг это заколдованная царевна?

Зое шесть лет, но она свободно чувствует себя среди огромных деревьев и сразу берет над нами шефство:

— Распояской в лес идешь, смотри, дождик набанит. Идем на озеро Орос, но не доходим: недалеко от воды берега становятся зыбкими, ватными, пружинят под ногою.

Почти в полной темноте подходим к другому озеру, Шую.

Мяукают иволги. Переходишь через кладень — мосток с тоненькими перильцами, — и голова начинает кружиться от густого смолистого запаха. Он плывет от сотен чашечек, привешенных к деревьям; в чашечки стекает сосновый сок.

— Живицу собирают, — объяснил наш хозяин, лесник Алексей Смирнов. — Двести предметов из нее хмики получают. Вот проблема какая...

Второй день гостим мы у Смирнова.

По утрам нас будит соседская собака. Она сердито и хрипло лает. Это, значит, проехал велосипедист. Верно, один из них ее когда-то сильно обидел, потому что велосипед приводит пса в ярость и он норовит ухватить его владельца за штаны.

А у хозяйского щенка Борзика нрав добродушный. Когда он нас увидел впервые, он лег на спину и задрал лапы.

В просторной избе много детей, пятеро. Они наши спутники и провожатые.

— А в Ленинграде лес есть? — спрашивает Зоя. Ей не верится, что бывают места, где нет леса.

Вроде бы это разговор и не о Гайдаре, но в то же время — о нем. Потому что так легко представить его, широкоплечего, в гимнастерке «распояской», среди этих шустрых ребят, на этой лесной дороге, меж зачарованных сосен.

Старый объездчик Алексей Дмитриевич Желтов ведет нас к лестнице. Лестница — на сеновал.

— Вот здесь ночевал Гайдар...

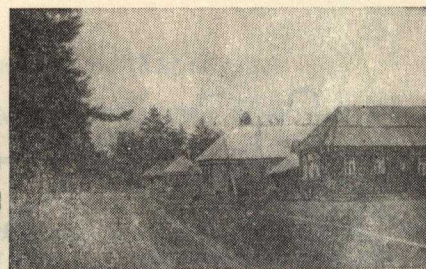
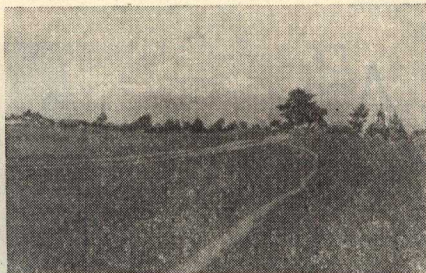
Попал на кордон Гайдар так: в верховья Пры ехала киноэкспедиция — снимать ленту о нутриях, водяных крысах с голым хвостом.

Нутрия, выпущенная в Пру и озера, невероятно расплодилось. Киноработники хотели сделать фильм в поучение другим охотничьим хозяйствам, где боялись связываться с прихотливым пушным зверьком.

Писатели присоединились к киногруппе и вместе с ней проехали из Солотчи сорок километров узкоколейкой и прошли затем еще тридцать — пешком.

Об этом мы узнали уже в Тарусе, от Константина Георгиевича Паустовского.

— Что за человек был Гайдар? — спрашивали мы Паустовского.

— Из Гайдара не нужно делать икону, Гайдар был суровый и сложный человек. Ненавидел подлость и зло — и с подлецами поступал жестоко.

— А с друзьями каков был Гайдар?

Константин Георгиевич рассмеялся:

— А с друзьями, к примеру, такой: идет человек и тащит на плече огромный плот...

— Тот самый, из пожалостинских досок?

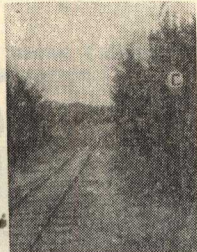
— Нет, уже совсем другой. Плот — как парус, как снятые с петель ворота: встречные ахают от такой великанской силы. А человек мускулы напрягает, а сам про себя потешается: плот-то резиновый, надувной, его локтем удержать можно, если не в ветер...

И тут уже беседа перешла на дальние рыболовные странствия, на походы к лесному Черному озеру.

... — Оляха на берегах этого озера была серой от комаров. Полчища их сыпались с веток.

Как, есть сейчас на Черном озере комары?

— Есть, есть! — радостно закричали мы. Потому что на Черном озере мы перед тем побывали тоже.

Шли мы по узкой колее, вдоль которой растет мелкая несладкая земляника. Шли мимо озера Сегден — это совершенно волшебной красоты озеро, как клад за семью замками, обязательно загляните, если будете в тех краях! Шли по лесной просеке.

Все глуше становилось вокруг. И наконец забрезжило сквозь чащобу Черное озеро.

Оно было, как тарелка, доверху налитая компотом; торфяная подушка качалась под ногами, плавали мокрые кувшинки и кривые коряги выставляли из воды свои хребты.

Но были на том страшном озере лодки, и были следы от палаток и костров. А на самой глубине удили окушков мальчишки, Саша и Валера.

„Гайдара читали?“ — спросили мы у них.

„Школа!“ — ответили они. — „Дальние страны!“ „Р. В. С.“!

И показалось вдруг, что вот сейчас, как уже раз было когда-то, затрещат ветки и выйдет к воде перемазанный, насквозь промокший, усталый и счастливый Аркадий Петрович: „Ага, добрые люди, а что это у вас такое в котелке жарится и варится?!“

Путешествие закончено. Мы давно уже дома. В комнате полутьма. Фары проезжающих за окном машин пролетают по занавеске, и тогда на столе, что стоит у окна, вспыхивает яркий желтый огонек.

Он похож на дальний костер.

Это мерцает в бутылке вода, которую мы привезли с собой в Ленинград, — вода из Черного озера...

«Кто знает под Киевом, где-то возле Боярки, деревеньку Кожуховку? Какие-то, интересно, там сейчас и как называются колхозы?»

(«Автобиография»)

«1941 год, 26 октября. В этот день в бою против гитлеровцев, под деревней Леплява, около города Канева, погиб писатель Аркадий Петрович Гайдар».

(Даты жизни и творчества)

Ездили М. Беломлинский, Ю. Топин, В. Торпыгин

Баллада о памятнике в деревне Кожуховке

«Оксюз Яшка — убит при мне, я его заменил 27 авг. 1919 г.»

А. П. Гайдар, дневники

1.

Вальс военных оркестрантов
смят тревожною трубой...
Школа киевских курсантов
принимает первый бой.
На двоих одна винтовка,
будет — сабельный удар!
Над деревней Кожуховка
разгорается пожар.
Только звезды, словно маки,
прорастают из огня.
Только вдруг среди атаки
стал боец сползать с коня.
И ни жалобы, ни стоны, —
бесполезно звать врачей!
Он упал, чубатый конник,
головой в степной ручей...

2.

«Вальс военных оркестрантов...» —
пишет автор детских книг,
школы киевских курсантов
знаменитый выпускник.
«На двоих — одна
винтовка...» —
пишет жизнь свою Гайдар. —
«Над деревней Кожуховка
разгорается пожар.
Только звезды, словно маки,
прорастают из огня.
Только вдруг среди атаки
стал боец сползать с коня.
Оборвалась песня наша,

верный дружеский союз.
Он упал, чубатый Яша,
по фамилии Оксюз».

3.

В белых хатах среди вишен
не забудут никогда
всех за власть труда погибших
в те далекие года.
Потому-то в Кожуховке,
Словно выйдя из легенд,
встал боец, — в руке

винтовка, —

серебристый монумент.
Ни фамилии, ни даты...
Лишь слова под ним видны:
«Неизвестному солдату,
не пришедшему с войны».

4.

По степи без остановки,
вдоль оврага по кустам
мы спешили в Кожуховку
к легендарным тем местам.
Вышли к школе. И тогда-то
к нам шагнул из тишины
этот памятник — солдату,
не пришедшему с войны.
Солнца блики — боя
вспышки —
пробегали по нему...
Мы спросили у мальчишки:
— Этот памятник — кому?
— Здесь написано... Солдату...

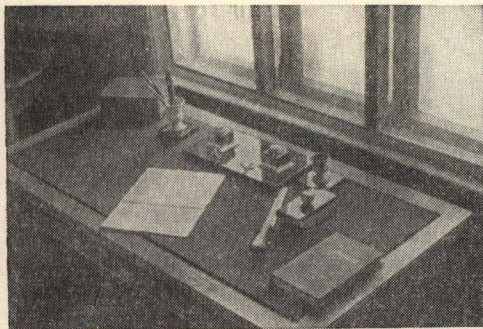
Кто он — скрыли дни атак...
Так считают все. Но я-то
точно знаю, что не так.
Здесь лежит в могиле

старой, —

доказать я вам берусь, —
друг писателя Гайдара,
по фамилии Оксюз...

5.

Вот, что знаю, вот, что
слышал
я за странствие свое
про деревню среди вишен
и про памятник ее.
Про людей, что помнить
нужно,
что близки тебе и мне.
О солдатской верной дружбе.
Об отваге. О войне.

Письменный стол Гайдара.

„Стол“, за которым писал Гайдар
в Партизанском лагере.

Место гибели Гайдара.

«А Мальчиша-Кибальчища схоронили на зеленом бугре у Синей реки. И поставили над могилой большой красный флаг.

Плывут пароходы — привет Мальчишу!

Пролетают летчики — привет Мальчишу!

Пробегут паровозы — привет Мальчишу!

А пройдут пионеры — салют Мальчишу!»

«Сказка о Военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове».

Вдоль города Канева — зеленого города Канева — проносятся по Днепру белые «Ракеты».

Звенят высоко в небе могучие «ИЛы».

Гудят тепловозы — везут бетон на большую стройку.

А на зеленом бугре, над синим Днепром — могила Гайдара. И стоит над могилой береза, посаженная Тимуром — его сыном.

Под Каневом, у станции Леплява, принял Гайдар свой последний бой. Не шальной пулей убили, а очередью. Видел фашист, в кого стрелял, да не знал, в кого. А если бы знал, то обрадовался бы, наверное, втрое. И обрадовалось бы его фашистское начальство, и дало бы ему главную фашистскую награду — железный крест.

Потому что Гайдар был фашизму — смертельный враг.

Воевал он с врагами Советской власти своим словом. Но пришла война, где стреляют. И Гайдар одним из первых взял в руки винтовку. А вслед за ним взялись за оружие те, что недавно были тимуровцами. И отцы тимуровцев не остались в стороне. И чем это кончилось для фашизма, все очень хорошо знают.

Теперь это все прошло. Прошло, да помнится. И нынешние тимуровцы, которые войны и в глаза не видели, нет-нет да и спросят: «А когда это было, до войны или после войны?» Наверное, долго еще мы будем делить нашу историю на «до» и «после». Много ран было у нас в этой войне. Одна из этих ран — Гайдар. Ее не залечишь. Она болит постоянно.

Мы пришли к могиле, постояли возле нее, а когда повернулись к Днепру, то увидели взорванный мост. Выше моста на берегу громоздились горы песка и камня. Там строилась Каневская ГЭС. Но и рядом с нами вдруг вспыхнули голубые огоньки электросварки. Мы подошли и увидели стальной каркас здания, облицованного наполовину. Это здание не было еще таким красивым, как на макете, который мы видели в Киеве. Но оно должно было стать таким. Это днепростроевцы возводили библиотеку имени А. П. Гайдара. Мы, конечно, тут же познакомились с ними. Сейчас, когда вы читаете «Костер», они закончили ее и снова ушли на плотину. А над Днепром поднялся еще один памятник Гайдару, где хранится самое дорогое, что осталось после него, — его СЛОВО.

...Идут над Днепром пионеры — салют Гайдару!

Эту доску прибили, схоронив Гайдара, друзья-партизаны. Сейчас доска находится в музее Гайдара в Каневе.

*Искренне вам пишу и борюсь так, как
Аркадий Гайдар.*

Сныаренко Владимир Никитич,
защварник

Гавриш Геннад Петрови
прораб

Борис Пантелеймонович
вагник

Веросёв Владимир Мат
электросварщик

Этими словами днепростроевцев, строителей библиотеки имени Гайдара, мы заканчиваем наше путешествие.

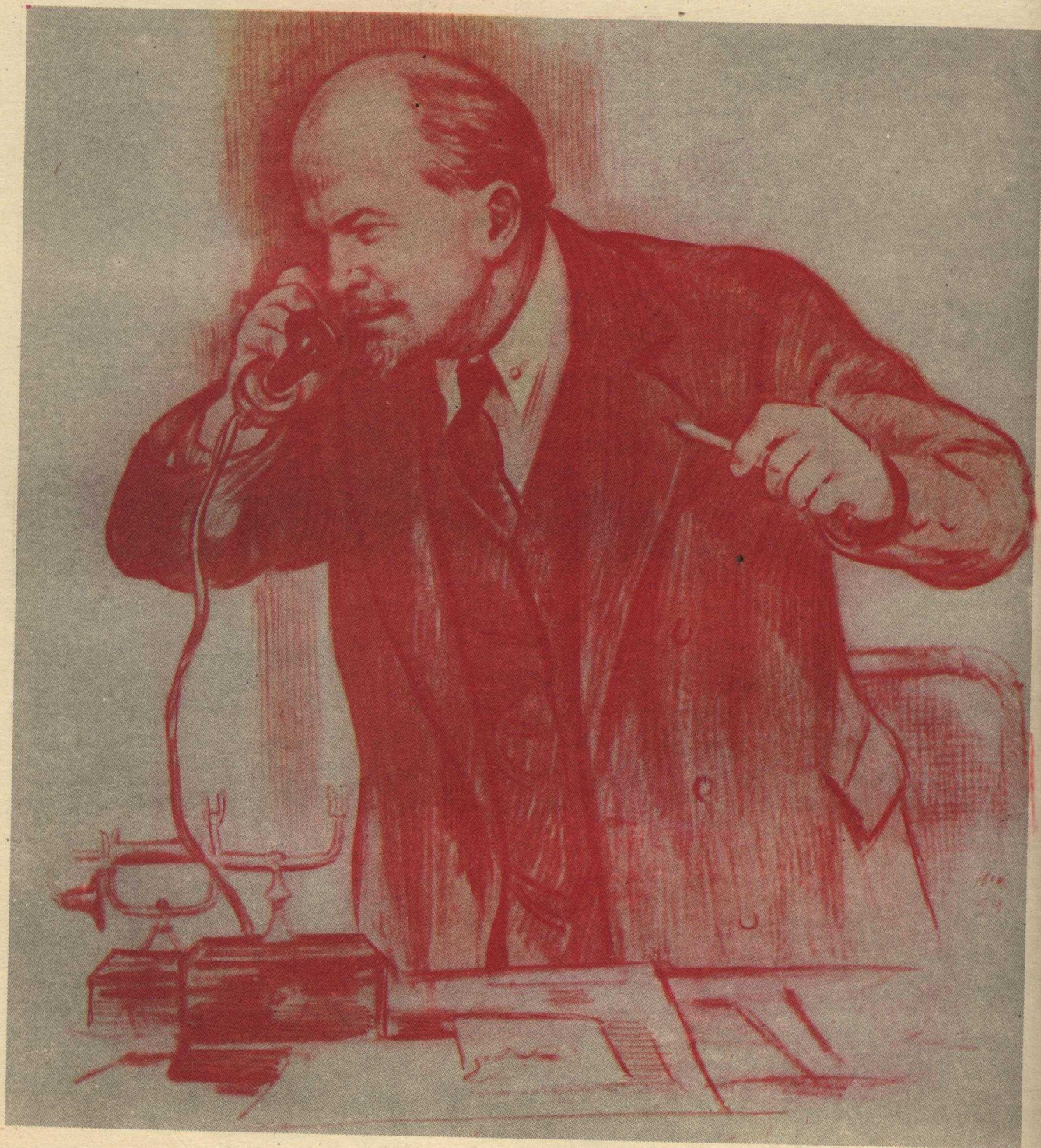
**Журналист Борис Камов при-
слал нам фотографии из своей
книги о Гайдаре (страница 23);
кинооператор Олег Франковский
подарил фото К. Паустовского
(стр. 21).**

**И еще много других людей
нам помогало: учителя, школь-
ники, комсомольские работники,
шоферы, почтальоны, телефо-
нистки...**

**ВСЕМ ИМ
СПАСИБО!**

„НЕ ТЕРЯЙТЕ МИНУТЫ“

Рисунок Н. Жукова

ХРОНИКА ОДНОГО ДНЯ

ПОВЕСТЬ

Александр Пунченко

У храма Христа-спасителя

По законам Российской империи считалось, что «особа государя императора священна и неприкосновенна». Считалось, что она священная особа должна обращаться к народу на особенном языке. Вот так: «Божьей поспешествующей милостью, мы», — допустим, Александр или Николай по счету такой-то, — «император и самодержец всероссийский»... Стоп!..

В феврале 1917-го царю Николаю II сам боженька не помог.

Народ довольно поспешествующей милостью прогнал с престола последнего своего повелителя. А в октябре нечто похожее произошло и с Временным правительством.

Через полгода Советская власть издала очень справедливый декрет. Вот какой:

«Памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц...»

Много бронзовых особ полетело со своих твердокаменных пьедесталов. Одни с большей поспешностью, другие с меньшей. Все зависело от памяти, какая сохранилась в народе о каждой особе.

Император Александр III оставил о себе дурную славу. Ничего доброго не было ни в его жизни, ни в памятнике, что стоял на площади возле бывшего храма Христа-спасителя.

Рухнул он поспешнее других. И отправился в переплавку. Чтобы принести хоть какую-нибудь пользу.

Но жалко было рушить пьедестал. Большущий. Гранитный. Нарядный. Решено было использовать его для нового, революционного монумента — «Освобожденный труд»...

Покончив с делами на Театральной площади, Владимир Ильич сказал шоферу:

— Степан Казимирович, а времени у нас тютелька в тютельку. Если поедем по Моховой — затрет, пожалуй. Полюбуйтесь-ка, что творится. Вся Москва вывалила на улицы.

— Попробуем полюбujemyся, — отозвался не очень-то многословный шофер Гиль.

И они поехали.

Улицы и площади Москвы являли собой удивительные картины. Если хотите — картинную галерею. Живописную. Свеже-зеленую.

Деревья только что распустились. И очень кстати. Там и сям они прикрывали обшарпанные, облезлые стены домов. Ведь за долгие годы войны, в пору величайшей разрухи некогда, некому да и нечем было красить дома. Вот природа и скрасила свежей зеленью неприглядный их вид. Где не оказалось деревьев — москвичи повешали гирлянд, сплетенных из елового лапника. А сами густо-зеленые гирлянды были украшены алыми флажками. Россыпью. Будто маки цвели. Нарядно.

И всюду-всюду трепыхались на ветру, горели на солнце плакаты, лозунги.

В автомобиле Ленин сидел очень беспокойно. Не престанно вертел головой. По сторонам. По верхам. Все ему надо было разглядеть. В одном месте воскликнул:

— Замечательно!

Понравился ему лозунг: «Штык разрушит старое, труд построит новое».

Но самыми живописными были толпы москвичей, правда, одетых вовсе не по-праздничному. Кто во что. Люди не гулять вышли — работать!

Время близилось к трем. Заканчивалась рабочая часть субботника. А многие уже выполнили свои задания и расходились по домам.

Владимир Ильич угадал: улицы были запружены народом. Но он и ошибся. Их автомобиль на улицах не затерло. Настолько ловко Гиль управлял машиной.

Ленин был прямо-таки в восторге, несовместимом, пожалуй, с высоким партийным и государственным положением. Так наверняка оценили этот промелькнувший эпизод чересчур строгие воспитатели, бывшие при детях. Дело в том, что машина Ленина обогнала трамвай, переполненный ребятами. Моссовет специально выделил несколько трамваев для катания детей.

Шуму, гаму было!

И Ленин, сняв кепку, размахивал ею, словно флажком. А когда шумно-ликующий трамвай остался позади, Владимир Ильич наклонился к Гиле, чтобы поделиться радостью:

— Степан Казимирович, какой прекрасный день, чувствуете?

В это же самое время над Москвой прогремели орудийные выстрелы. Они возвещали об окончании субботника.

А машину все-таки затерло. Уже на набережной Москвы-реки.

В том месте остановилась колонна работников Даниловской мануфактуры. Ленина узнали. Приветствовали шумно, восторженно. Девушки кричали:

— Товарищ Ленин, пойте с нами!

Владимир Ильич поздоровался:

— С пролетарским праздником Первого мая, товарищи!

Из даниловских — Валя Миланова запела:

«Над миром наше знамя реет...»

И неожиданно для всех Владимир Ильич подхватил песню.

Но тут к нему подступили старики. С разговорами. Не хватало времени. Не хватало.

Митинг по случаю закладки памятника «Освобожденный труд» уже начался, а дела, заботы не отпускали Ленина. Около него вдруг появился человек в какой-то странной, смешанной красноармейской форме. В кожаной фуражке. И с велосипедом.

Он подал Ленину пакет.

— Спасибо, товарищ Кондратьев, — сказал Владимир Ильич.

Окончание. См. «Костер» № 10, 1965 г.

Владимир Ильич направляется к месту закладки памятника «Освобожденный труд»

Да, это был тот самый Кондратьев — самокатчик, с которым Ленин уговаривался минувшей ночью. Владимир Ильич вскрыл пакет. Прочел донесение. Расписался на конверте и возвратил его курьеру.

Перед тем как взойти на трибуну, он шепнул Луначарскому:

— Только что получил депешу, Анатолий Васильевич. Наш доблестный красный флот вошел в Баку. Весь Кавказ освободим вот-вот.

... Ленина встретили раскатами рукоплесканий.

Он говорил:

— Товарищи! На этом месте прежде стоял памятник царю, а теперь мы совершаем здесь закладку памят-

ника освобожденному труду. Капиталисты называли труд свободным, когда крестьяне и рабочие были свободны умирать с голоду...

Ленина много раз перебивали аплодисментами.

Когда он окончил речь и спустился с трибуны, к нему подошел поэт Демьян Бедный. Большой и грузный. Прогудел:

— Ну, а теперь по коням и по домам. Смотрите-ка, вы даже похудели. Обедать! Обедать!

Ленин хмыкнул:

— Не знаю, как я, а вот вы, Ефим Алексеевич, наверняка похудеете.

— То есть, почему это?
— Так ведь дела у нас еще не переделаны. Анатолий Васильевич, — обратился Ленин к Луначарскому, — отсюда мы двинемся в Музей изящных искусств. Пой-

демте посмотрим эскизы к этому памятнику. Хорошенечко посмотрим.

— А может быть ...

— Нет, нет, — отрезал Ленин, — пойдем, и сейчас же.

Передышка

Подъехали наконец к дому.

И опять — откуда ни возьмись — самокатчик. Подал Ленину пакет.

Владимир Ильич поблагодарил. Расписался.

Поднявшись на третий этаж, домой пошел не сразу. Свернул в служебный кабинет и первым делом вскрыл полученную депешу.

Прочел. Стиснул голову ладонями — вместе с бумагой! — и просидел так, может быть, целую минуту.

Сказал:

— М-да...

Взял телефонную трубку и, словно опасаясь кого-то, с оглядкой на двери попросил вполголоса:

— Пожалуйста, минут через пятнадцать свяжите меня по домашнему телефону с Реввоенсоветом — с товарищем Склянским и с Московским комитетом — с товарищем Мясниковым.

Направился домой.

В прихожей Владимира Ильича встретила старшая сестра Анна Ильинична. Расправила на его груди бант.

— Как ты себя чувствуешь?

— Минуточку, — попросил Владимир Ильич.

И скрылся в комнатах.

Вернулся очень довольный. Ни дать, ни взять — сделал большое открытие.

Сестра спросила:

— Что с тобой?

Он сказал с заговорщицким видом:

— Я посмотрел, нет ли у нас кого-нибудь вроде доктора Вейсброда. Понимаешь, не хотелось при нем жаловаться. Устал я немножечко.

Из кухни донесся голос Надежды Константиновны:

— Что вы там шепчетесь? Пусть Володя умывается и садится за стол.

Надежда Константиновна вышла в прихожую, держа перед собой ботинок с оторванной подметкой.

— Ты только полюбуйся, Аня, как усердствовал на субботнике наш предсовнаркома, — она повернулась к Владимиру Ильичу, — нет, на тебя положительно не напасешься обуви.

Ленин сиял. Разве это не признание?! Разве это не высшая оценка сегодняшней его деятельности?! Удивительно только было, почему у одного башмака отскочила подметка. Давно «просили каши» оба...

Вот какой замечательный был день.

Надежда Константиновна объявила:

— Субботник продолжается, всем собраться в столовой у своих рабочих мест.

Владимир Ильич встал перед женой.

— Надюша, давайте обедать в кухне.

Женщины переглянулись.

Надежда Константиновна вздохнула:

— Вот вам, пожалуйста, Первое мая!

Анна Ильинична сказала строго:

— Все равно звонить по телефону я не позволю. Возьму и выключу.

— А я звонить не буду, — поспешил заверить сестру и жену Владимир Ильич, — но могут непредвиденно позвонить мне.

— Хорошо, посмотрим, — согласилась Анна Ильинична, — а то возьму и пожалуюсь доктору Вейсброду.

Сели обедать.

За еду принялись дружно.

Владимир Ильич ел с превеликим аппетитом.

Заговорил, утолив немножечко голод:

— Нуте-с, у кого какие планы на дальнейшее?

— У тебя, например? — спросила Надежда Константиновна.

— Ах, у меня? Самые утилитарные. Поесть и поспать.

— А по телефону будешь звонить во сне? — спросила Анна Ильинична.

— Во сне? По телефону? — радостно воскликнул Ильич. — Это ты здорово придумала, — и вздохнул. — Увы, только Дмитрию Ивановичу Менделееву удалось во сне установить закономерности своей великой периодической системы, — он протянул Александре Михайловне опорожненную тарелку. — Не найдется еще чуточку?

Мария Ильинична сочла момент удобным и осторожно подложила брату кусочек хлеба из своей порции. Спросила:

— Володя, а как же со статьей в «Первомайский субботник»? Мне же надо отвезти ее в редакцию к шести часам.

— Вот видите, — развел руками Ленин. — Подавай статью. А когда же отдыхать? А кого потом вздуют врачи?

— Володя...

Раздался телефонный сигнал.

— Так, — заметила Анна Ильинична, — начинается непредвиденное.

Ленин, как ни в чем не бывало, отодвинул к Марии Ильиничне дарственный кусочек хлеба.

— Спасибо, Маняша, а статью я в общем-то написал еще утром, кое-что прибавил урывками днем. Последние абзацы допишу сейчас. Поешь, отдохнешь и можешь везти.

Он поспешил к телефону.

Звонил заместитель Реввоенсовета Склянский.

Владимир Ильич выслушал его, не задав ни единого вопроса. Поблагодарил.

И вернулся к столу.

При воцарившейся тишине вновь принялся за еду.

Первой спросила Анна Ильинична:

— Киев?

— Ум-у, — не отрываясь от тарелки, буркнул Ильич.

— Взят? — спросила Надежда Константиновна.

— Еще нет. Дело двух-трех дней. Возьмут, — сказал Ленин.

И снова — только ложки позвякивали.

Владимир Ильич вдруг поднял голову. Внимательно осмотрелся. Обнаружил, сколь серьезно все едят. Сказал:

— Ого! А нельзя ли поднять носы повыше? Носы, носы!..

У всех отлегло на душе.

Опять зазвонил телефон.

Этот разговор был длиннее. Звонил секретарь Московского комитета партии товарищ Мясников.

Он докладывал о чем-то долго и обстоятельно. Владимир Ильич отзывался краткими «да», «хорошо».

Но вдруг заявил громко, резко:

— Нет!

Видно, здорово огорошил тем собеседника.

— Нет, нет и нет!.. — многократно повторил Владимир Ильич и закончил разговор: — На торжественной части не буду. На митинге выступлю.

Вернулся в столовую, видно, очень рассерженный. Уселся. Долго сидел неподвижный и притихший.

Кабинет В. И. Ленина в Кремле

Анна Ильинична нарушила молчание:

— Володя, можно задать тебе вопрос?

— Можно, задавай.

— Я насчет носа. Что если бы ты его чуть-чуть кверху?

Владимир Ильич поднял голову и уставился на сестру.

Нет, не смягчился еще.

— Ах, ты советуешь задрать нос и ехать на открытие рабочего дворца имени себя?

Все заговорили разом.

— То есть как...

— Это в Бауманском районе?

— Почему именно себя?

— А потому! — Ленин встал и ушел в свою комнату. Но дверь не прикрыл. — Потому, видите ли, что товарищи московские руководители вздумали открыть ра-

бочий дворец имени Владимира Ильича Ленина, и сам Владимир Ильич Ленин должен присутствовать на торжественном открытии дворца имени самого себя. Бенефис Ленина! Парад — алле!...

Мария Ильинична заметила осторожно:

— Володя, но это желание самих рабочих фабрики «Освобожденный труд» и всего Бауманского района. Они столько работали — восстанавливали Введенский народный дом...

— Все это очень хорошо, великолепно, — не унимался Ленин. — Но разве к лицу партийному руководителю, государственному деятелю присутствовать на торжественном открытии, пускay даже рабочего дворца, но его имени?! Это надо дойти черт знает до чего! Сегодня на открытии клуба имени себя, а завтра — на закладке памятника самому себе. Нет, увольте!

Все молчали.

— Нелепость! Абсурд! — продолжал сердиться Владимир Ильич. — И свинство, если хотите. Всего неделю тому назад, когда товарищи из МК пытались устроить чуть ли не всенародное празднование по поводу моего пятидесятилетия, я сказал тогда этим юбилейщикам, и сказал русским языком — нет! И вот, пожалуйста, снова!

Он направился к телефону, но трубку не снял.

Постоял. Подумал.

Обернулся улыбающийся.

— А все-таки они молодцы, эти московские комитетчики. Объявили мобилизацию коммунистов на фронт, и мобилизация проходит с успехом. Думаю, что через три-четыре дня мы сумеем отправить Тухачевскому первые формирования, усиленные коммунистами. Питерцы тоже молодцы. И там проходит усиленная мобилизация коммунистов. Александра Михайловна, — Владимир Ильич возвратился в столовую, — дайте мне, пожалуйста, стакан чаю в комнату. Я еще минуточек пять посижу над статьей для Маняши...

Он обратился к сестре:

— Мимоза, я давеча давал тебе несколько номеров газет. Верни мне, пожалуйста, «Манчестер Гардиан». Там что-то должно быть для «Дополнения» к «Детской болезни «левизны», а к Анюте и к Наде у меня особая просьба. Ложитесь отдохните. У обеих очень усталый вид.

В Бауманском районе

Как условились, около шести часов Мясников — секретарь Московского комитета партии, и Цивцивадзе — председатель Первомайской комиссии, заехали за Лениным, чтобы вместе отправиться по митингам, по собраниям.

Владимир Ильич очень любил выступать, вернее говоря, присутствовать на собраниях. Только не на торжественных, на которых его непременно избирали в президиум и на которых слишком много времени тратится на аплодисменты.

Особенно любил Владимир Ильич бывать на собраниях и митингах рабочих. И на крестьянских, разумеется, если представлялась такая возможность.

То-то хорошо было, когда ему удавалось прийти на собрание и усесться где-нибудь незамеченным.

И слушать.

И вникать.

В нескладных, порой корявых, но правдивых речах простых людей Ленин черпал жизненные факты. Они же обогащали его опыт, а стало быть, мудрость...

Когда Мясников и Цивцивадзе приехали, Ленин попрощался:

— Только чуточку подождем, товарищи. С нами поедет сестра, Мария Ильинична. А пока расскажите, каковы итоги субботника по Москве?

И Мясников (а по-настоящему Мясникян), и Цивцивадзе обладали пылкими характерами.

Мясников воскликнул:

— Мы рассчитывали на двести сорок тысяч!

Цивцивадзе выпалил:

— Потрясающий энтузиазм!.. Полмиллиона!..

Надо было видеть при этом веселое лицо Ленина.

Но тут же все испортил Цивцивадзе. Он принялся рассказывать, как работали в Кремле совнаркомовские сотрудники и, в особенности, Ленин. Кто-то уже расписал это в сводках.

Владимир Ильич хмурился, хмурился, не удержался и сердито перебил Цивцивадзе.

— Прекратите, Илья Венедиктович! Работало полмиллиона человек, а вы почему-то считаете нужным выделять и разукрашивать одного меня. Если бы я хорошо не знал вас, ей-богу, подумал бы весьма и весьма неместно. Кстати, исправьте в сводках: я работал неполный день.

Явилась Мария Ильинична.

Стали рассаживаться в автомобиле.

Странное дело, Владимир Ильич и теперь не спешил. Более того, глянув на часы, обратился к шоферу:

— Пожалуйста, товарищ, быстро ехать не надо. У нас в запасе есть время.

... В Введенском народном доме собрание еще не началось. А зал был переполнен. Ленин и его спутники с трудом пробрались к сцене.

И тут вот Владимир Ильич вдруг заспешил, что никак не было свойственно его характеру.

— Я выступлю сейчас же, — заявил он. — Но чтобы никаких президиумов. Объявляйте.

Возражать никто не посмел. И Мясников объявил:

— Товарищи, слово предоставляется оратору сегодняшнего дня товарищу Ленину.

Грохнули аплодисменты. Словно водопад низвергнулся.

Ленин долго не мог заговорить. Он шагал вдоль рамп. Извлек из жилетного карманчика часы и весьма выразительно постукивал по ним пальцем.

Ничто не помогало.

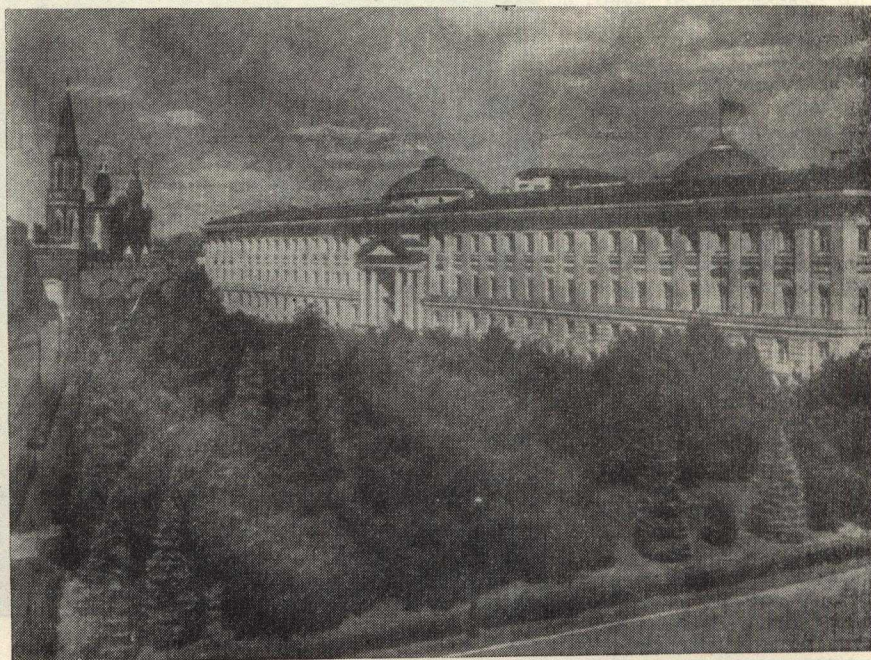
Но всему ведь приходит свое время. Утих зал.

Расхаживая по сцене, Ленин заговорил:

— Товарищи, позвольте мне принять ваши рукоплескания как первомайское приветствие...

Аплодисменты вспыхнули вновь.

Ленин махал руками, хотя этими взмахами можно было разве что погасить свечу, но только не утихомирить такое праздничное собрание.

В этом здании жил и работал Ленин с 12 марта 1918 года по 12 декабря 1922 г.

Оставалось — ждать.

Когда зал вновь умолк, Владимир Ильич сказал:

— Товарищи, ваши аплодисменты ставят меня в крайне неловкое положение!..

Тишина наступила редкостная, если не считать одинокого и не очень решительного вопроса.

— Почему?..

И Ленин просто, доходчиво рассказал, как на недавнем Девятом съезде партии, который принял важные решения о хозяйственном строительстве и о профсоюзах, как на этом съезде небольшая группа раскольников вела борьбу против Центрального комитета, пыталась сорвать решения съезда.

Ничего из этого не вышло. Раскольники получили хороший отпор.

— Когда члены этой группочки почувствовали, что дела их плохи, — рассказывал Владимир Ильич, — тогда они воспользовались, простите за резкость, отвратительными приемами. Они стали нападать, стали поливать грязью отдельных руководителей. Мне, как будто, досталось больше всех. В чем только эти, с позволения сказать, товарищи не обвиняли нас?! Что мы будто бы захватили власть и осуществляем диктатуру партийного чиновничества. Что мы — это кучка правительственной олигархии. Греческое слово олигархия означает — власть немногих. Что мы добиваемся машинного, иными словами — слепого подчинения всей партии, всего народа...

Из зала донеслись выкрики, перебившие речь Ленина.

— Морды им набить!

— Хулиганы!..

— Это безобразие!..

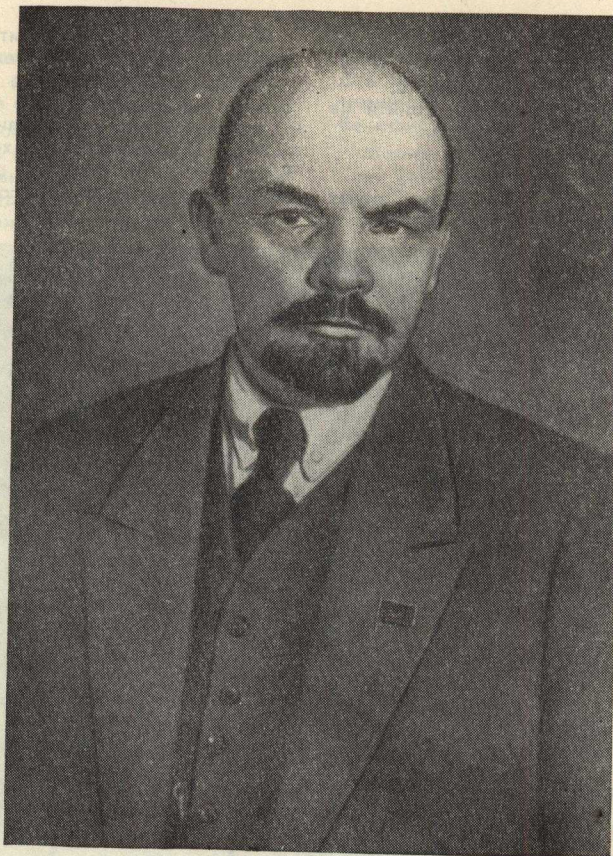
Владимир Ильич дождался тишины. Сказал:

— Товарищи, это даже не безобразие. Это чистейший вздор. Но ведь есть падкие люди и на вздор. Вот почему вначале я сказал, что вы своими рукоплесканиями ставите меня в неловкое положение. Вы делаете это от чистого сердца. Я принимаю это и от чистого сердца благодарю вас. Но тут же убедительно прошу: не надо давать лишних поводов для всякого рода злословий. Ведь не у всех людей чистые сердца...

Хотите знать, как собрание слушало эти слова Ленина?

Нет, не возьмусь рисовать такую картину.

Одна женщина потом рассказывала, будто впереди ничто не мешало ей видеть Ленина во весь рост, а она все-таки привстала.

Фотография. В. И. Ленин 23 апреля 1920 года.

И многие поднялись, боясь при этом издать даже малейший шорох. Совершенно невольно поднялись.

И так же невольно уселись. Тихонько.

Ленин стал отвечать на записки. Их уже много перелетело на сцену.

Он ответил на все заданные ему вопросы.

Но никому в голову не пришло задать Владимиру Ильичу примерно такой вопрос: «А будет открытие нашего рабочего дворца?»

Об этом вспомнили после, когда он уже уехал.

Открытие рабочего дворца имени В. И. Ленина произошло без него.

Затем Ленин поехал в Благуше-Лефортовский район, где состоялось открытие рабочего дворца имени Загорского. Владимир Ильич выступал и там.

На Красной Пресне

На Прохоровскую (а по-нынешнему — на Трехгорную) мануфактуру приехали и поздно и рано.

Прохоровцы участвовали в субботнике. Им досталось работать в Серебряном бору. За восемь верст от дома. А домом для многих прохоровцев была казарма, общежитие при фабрике. Располагалась еще рядом столовая, она же кухня, она же зал для собраний. В давнем 1905 году в ней находился революционный штаб краснопресненцев.

Столовая эта вмещала несколько тысяч человек.

Владимиру Ильичу доводилось выступать у трехгорцев и раньше, так что был он для них родным человеком.

В нынешний приезд узнал Ленин: многие вернулись с субботника совсем недавно. Разогревали еду. У кого, разумеется, она была.

Пришлось ждать.

Солнышко уже закатилось. Смеркалось. Было около восьми.

Ленин вышел из машины, а тут рядом на бревнах сидели рабочие. Вели разговоры.

Владимир Ильич подошел.

Душевно поздоровались.

Он присел. Принял участие в общем разговоре. Обсуждали, конечно, итоги прошедшего субботника. И вы-

яснились тут одна огорчительная подробность. Всем, кто участвовал в субботнике, полагался бесплатный паек. Это понятно. Человек поработал, как говорится, за милую душу — надо его покормить. А прохоровцам не выдали пайков, вернее, выдали, но в половинном размере. Естественно, что усталые и голодные люди ворчали. При Ленине ворчали. Его не стеснялись. Считали своим, близким...

Наконец раздались призывы:

— В столовую!..

— В столовую!..

Все поднялись с бревен и ватагой направились в столовую. Окружив Ленина, на ходу забрасывали его вопросами.

Люди стягивались отовсюду.

Распорядители заканчивали приготовления: сдвигали столы, громоздили их ярусами.

Рабочие — помоложе да посмелее — взбирались на верх. Получалось будто в театре — на галерке.

И вот — звонок.

Слово — товарищу Ленину.

По окончании неистовых и затянувшихся аплодисментов Владимир Ильич сказал:

— Товарищи! Я понимаю, что вы приготовились слушать меня не как очередного лектора-оратора, но как

партийного и государственного руководителя, как главу социалистической республики. И я должен отвечать вам, отвечать перед вами как таковой, как ответственный руководитель. Товарищи, сознаюсь: я рад этой огромной ответственности, которую вы взвалили на меня, тем самым взяв ответственность и на себя. Видите, как все получается — за все в ответе мы вместе.

Нет, не речь говорил Ленин. Ничего в том не было похожего на речь.

В первом ряду сидела ткачиха Овсянникова Ксения Семеновна. Она держала за руку мальчонку, сына.

Ленин вдруг обратился к ней:

— И вы, товарищ, на субботник ходили?

— Да, ходила, — ответила Ксения Семеновна.

Владимир Ильич принялся расспрашивать: как она доставлялась туда и обратно, как ее накормили?

Ксения Семеновна, как все оно было, так и рассказала.

Ленин затем сказал:

— Вот, посмотрите, женщина — мать маленького ребенка, другого скоро ждет, а чтобы помочь государству, за восемь верст пешком ходила. С такими рабочими людьми мы скоро одолеем разруху.

Опять тут аплодировали ему.

Кричали:

— Правильно!..

— Да здравствует вождь всех мировых рабочих товарищ Ленин!..

— Молодец, Овсянничиха!..

Потом Владимир Ильич сказал:

— Товарищи, я узнал, что вашему коллективу не хватило пайков. Это очень досадная неувязка. За нее прошу прежде всего извинить меня. В самый ближай-

ший день вы получите недоданное. Но вот что еще хочется мне сказать в этой связи. Неувязка произошла вовсе не случайно. Не подумайте только, что она умышленная. По Москве в субботнике должно было принять участие двести сорок тысяч человек, а вышло пятьсот тысяч. Вот вам и неувязка. Не хватило заготовленных пайков. Но, с другой стороны, это же замечательное наше достижение. Рабочие и служащие столицы проявили невиданный трудовой энтузиазм. Товарищи, в Москве мучительный голод. Люди умирают от голода потому, что не могут хлеба подвезти, а не могут подвезти потому, что гражданская война разорила страну до конца, разрушила транспорт, разрушила десятки мостов. Испорчены паровозы...

И дальше. И еще.

Он советовал прохоровам: надо ремонтировать паровозы, вагоны, — самим ремонтировать. Надо создавать отряды заготовителей — своих заготовителей. Надо ехать на восток, на юг. Там в освобожденных районах есть хлеб — много хлеба. Надо проявить такой же энтузиазм, как на сегодняшнем субботнике.

И простые его слова вселяли в людей надежду.

Прохоровцы долго не хотели отпускать Ленина. Обступили автомобиль и не отпускали...

Когда уже ехали в Замоскворечье, Владимир Ильич сказал:

— А знаете, у меня до сих пор не укладывается в голове, что эта женщина, Ксения Семеновна, была на субботнике. Знаю — была, а в голове не укладывается. Вот какие наши дела!

Стемнело давно уже.

Уже поздним вечером выступил Владимир Ильич в Замоскворечье на районном митинге трудящихся.

Дома

— Знаешь, Надюшка, — заявил Владимир Ильич, едва вошел в квартиру, — где-то по дороге Маняша обнаружила, что я устал. И, знаешь, я вынужден был с ней согласиться.

Помогая Ильичу снять пальто, Надежда Константиновна усмехнулась:

— Маняша на редкость наблюдательная. А я вряд ли заметила бы это.

Владимир Ильич взял жену за плечи и заглянул в глаза.

— Ты отдохнула?

— Да.

— Правда-правда?

— Да.

— Тогда слушай: у меня к тебе огромная просьба. Я сейчас позвоню в Реввоенсовет и к Цюрупе. Не возражай, пожалуйста. Это очень надо и очень коротко. Туда минутку и туда минутку. Понимаешь, у прохоровцев вышло досадное недоразумение с пайками. Надо, чтобы Александр Дмитриевич постарался побыстрее уладить.

— Он уже звонил, — сказала Надежда Константиновна, — хотел сказать тебе, что завтра-послезавтра все будет улажено по всей Москве.

— Какой молодчина, этот Александр Дмитриевич. Ай, молодчина! — обрадовался Владимир Ильич. — Тогда вот что — это к тебе просьба. У меня приготовлены корректурные листы «Болезни левизны», но я хотел посмотреть несколько листов еще разок. Если ты отдохнула, посмотри, пожалуйста, а я за это посплю. Хорошо?

Надежда Константиновна поцеловала мужа:

— Спасибо. И ты молодец...

... Шла смена часовых. В ночи. В час ноль-ноль.

Шагая цепочкой, курсанты, как всегда, поглядывали на освещенное окошко в квартире Ленина.

Опять, значит, Владимир Ильич работал за полночь.

Но на этот раз ошибались курсанты. Невнимательны были. Светилось другое, похожее окошко — в комнате Надежды Константиновны. Она работала. А Ленин крепко и сладко спал.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО ЧЕЛОВЕКА

РАССКАЗ

Юз. Алешковский

Рисунки В. Бескаравайного

В день моего рождения первым уроком у нас была география. Когда я вошел в класс, до начала урока оставалось минут пять. Я пытливо всматривался в лица ребят и девочек, как будто спрашивал: «А знаете ли вы?...» Но никто не собирался меня поздравлять.

Даже мой лучший друг Митя Вишневский, взглянув на меня, сказал как всегда:

— Привет... — и только.

«Да-а... — подумал я. — Хороши друзья...» — и сел за парту рядом с Митей.

Сзади нас сидела Маша Бочарова. К ней пристал Витька Рубинштейн:

— Дай списать задачку!

— Отстань... — сказала Маша. — Я занята. Не знаешь, что ли? Сегодня юбилей Козлова. Я готовлюсь.

Я приятно поежился, но притворился, что не слышу ее слов. «Все-таки помнят обо мне. Настоящие друзья... Официально хотят поздравить... Молодцы!»

Потом пришел Роман Ильич, а просидеть спокойно в день своего рождения все уроки очень тяжело.

Я сразу начал вертеться, вздыхать, смотреть в окно и предложил Мите сыграть в морской бой, только с форой в один линкор, но Митя под партой пожал мою руку и торжественно шепнул:

— Поздравляю... вот возьми... — Он положил на учебник ценнейшую марку Мозамбика с двумя носорогами и грустно вздохнул. И глаза у него были грустные. Я и сам загрустил бы, подарив такую марку. Только ничего не подлаешь: день рождения друга.

Я на радостях обнял Митю, и это заметил Роман Ильич.

— Вишневский! Что у вас происходит?

— Тут... в общем... сегодня... — замялся Митя.

— Козлов! К карте! — сказал мне Роман

Ильич. Я вышел и усталился в карту. — Ты что, действительно, никак не войдешь в колею после каникул? Что за обнимки на уроках?

Я тихо, так, чтобы никто не слышал, сказал ему:

— У меня день рождения сегодня... Вишневский марку Мозамбика подарил... с двумя носорогами...

Роман Ильич как-то странно посмотрел на меня, воскликнул: «Феноменально!» — и сел, стиснув виски ладонями, за стол.

— Фе-но-ме-нально! — еще раз воскликнул и задал мне вопрос:

— Покажи нам пустыню Гоби.

Я взял указку, соображая: «А где же она находится, эта пустыня... спасибо вам за подарок, Роман Ильич».

И почему-то стал искать пустыню Гоби в Африке. Наголкувшись на Мозамбик, я не мог удержаться и выпалил:

— Вот... Вот.

— Феноменально. Садись. Отметку я тебе не ставлю, — сказал Роман Ильич.

То, что он не поставил мне двойку, было уже неплохим подарком.

— Слово для сообщения имеет Маша Бочарова, — сказал Роман Ильич.

Маша вышла к доске.

— Сегодня мы отмечаем знаменательную дату. День рождения Петра Кузьмича Козлова... «Ну, зачем же так важно?» — подумал я, опустив глаза от смущенья.

— Ровно сто лет тому назад, в Смоленской губернии, в семье гуртовщика, родился великий географ и путешественник — мальчик Петя. Он...

Я подумал, что меня разыгрывают, и оглядел весь класс. Все внимательно слушали Машу. Я отвлекся и пропустил мимо ушей часть сообщения.

— В 1881 году он встретился с товарищем Пржевальским, который предложил молодому географу пойти с ним вместе в турпоход... простите, в экспедицию...

«Что за чепуха? Неужели так бывает? — подумал я. — Мы тезки с одинаковыми отчествами и родились в один и тот же день!..»

Николаев

Ованесян

Ковалевская

Папанин

Варфоломеева

Я толкнул локтем Митю, но он отмахнулся от меня.

Мне захотелось радостно крикнуть: «Ребята! Мы же тезки! Мы в один день!» — но Роман Ильич погрозил мне пальцем. Маша продолжала:

— Через восемь лет Петр Кузьмич принял участие в Центрально-Азиатской экспедиции. На обратном пути заболел ее руководитель и Козлов мужественно взял на себя руководство. Он всегда был настоящим товарищем...

Все же я не мог успокоиться. Ребята слушали про Козлова, а на меня, на живого Петра Кузьмича, в день моего двенадцатилетия не обращали никакого внимания. «Ну, хоть бы кто-нибудь бросил в меня шарик из промокашки от радости, что в истории бывают такие совпадения... Эх!..»

— Маша, продолжай. Я кое-что забыл в учительской. Прошу не шуметь. Рубинштейн! Думаешь, я не вижу, чем ты занимаешься? — сказал Роман Ильич и вышел из класса.

Вдруг я подумал, что был такой композитор Антон Рубинштейн, а я про него никогда не вспоминал, глядя на нашего Витьку Рубинштейна.

Я снова оглядел весь класс.

«Потрясающе!.. Вон — Ковалевская... только не Соня и не великая математичка... вон — Федотов... был такой великий центрфорвард... Николаев... космонавт... Полищук... фельетоны пишет... Генка Уланов... балерина великая в Большом театре... Папанин — великий полярник... Ованесян... великий прыгун в длину... ах, нет. Он Тер-Ованесян... жалко... Зато есть Варфоломеева... ночь такая была в истории... Но потрясающе, сколько однофамильцев. А главное, сегодня я — Петр Кузьмич Козлов».

— Ребята! — перебил я Машу, но на меня зашикали, и я стал слушать.

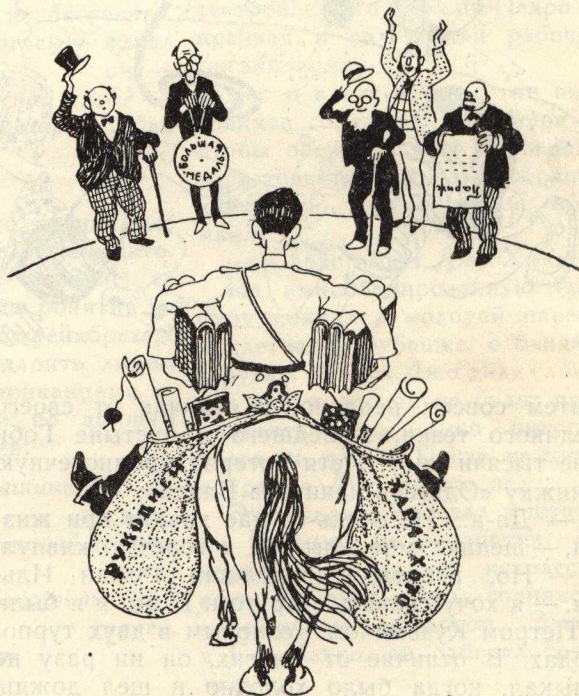
— И наконец, в начале нашего века Петр Кузьмич открыл в пустыне Гоби остатки древнего города Хара-Хото. Экспедиция нашла больше двух тысяч древних книжек, и весь мир рукоплескал. Великого путешественника наградили Большой Золотой медалью Итальянского Географического общества. Ему присудили... — тут возвратился Роман Ильич с книгой в руках... — ему присудили премию Парижской Академии. После революции Петр Кузьмич открыл могилы древних гуннов. Именем Петра Кузьмича Козлова назван ледник в горах Монгольского Алтая. Вот... и мы должны следовать его примеру и получать по географии только «пять»... Все, — сказала Маша.

Все заплодировали, а я снова толкнул Митю:

— Я ведь тоже Петр Кузьмич Козлов.

— Как? — заморгал Митя, и мне стало грустно-грустно оттого, что про меня никто не помнит, хотя я не великий путешественник, а всего-навсего маленький школьник и даже не отличник учебы.

И я согнулся над партой, почувствовав, как у меня на глазах выступают слезы. И по-

думал, что я ни разу в жизни не прозеваю больше дней рождения и моего отца, и мамы, и ближайших родственников, и моих друзей, малых и великих, и моих одноклассников и учителей... И пусть им никогда не будет грустно-грустно, как мне сейчас.

Когда я, вздохнув, поднял глаза, надо мной стоял Роман Ильич. Он положил руку мне на плечо и сказал:

— Новой темы сегодня мы не начнем. И вот почему. Сегодня мы отмечаем вторую знаменательную дату — день рождения нашего одноклассника Петра Кузьмича Козлова — тезки великого путешественника. Вот он — перед вами.

Весь наш класс одновременно ахнул и, сообразив, что это действительно так, зааплодировал, захлопал крышками парт, и я встал, совсем расклеившись уже от счастья, а кто-то наконец попал мне в затылок шариком из промокашки, о котором я мечтал с самого начала урока.

— Тише! Рубинштейн! Положи трубочку на стол... Я жду!.. Ребята! — сказал Роман Ильич. — С чем пришел к своему двенадцатилетию Петя Козлов? В начале урока он сделал великое географическое открытие. Он открыл в Африке пустыню Гоби! — Все захохотали. —

Затем совсем недавно, в отличие от своего великого тезки, нашедшего в пустыне Гоби две тысячи книг, Петя потерял библиотечную книжку «Одиссея капитана Блада».

— Да-а... Не очень-то нас хвалят при жизни, — шепнул мне Митя. Я с горечью кивнул.

— Но, ребята, — продолжал Роман Ильич, — я хочу сказать о другом. И вы, и я были с Петром Кузьмичом Козловым в двух турпоходах. В отличие от многих, он ни разу не хныкал, когда было холодно и шел дождь,

когда хотелось пить, а Ковалевская опрокинула бидон с водой. Петя не предлагал бросать жребий, кому чистить картошку, а чистил ее сам. Он отдал свою телогрейку простывшему из-за неорганизованности Папанину, не позволив сделать этого мне, старику. И Пете было несладко... А когда Уланову показалось, что его укусила гадюка, что сделал Петя? Вы побрезговали, а он высосал из улановской пятки яд, которого не было, потому что Уланов не сумел отличить ужа от гадюки. Кроме того, Петя вовремя одернул Варфоломееву и Федотова, сделавших попытку съесть волчьи ягоды... Скоро звонок, и я хочу сказать, что, несмотря на отдельные ошибки в учебе, наш Петя Козлов в день своего рождения и вообще может быть назван Великим Товарищем! Будем брать с него пример. Поздравляю! — Роман Ильич пожал мне руку и преподнес книгу «Русский географ и путешественник П. К. Козлов».

Все снова захлопали крышками парт, зазвенел звонок, Роман Ильич сказал, разведя руками:

— Не-ве-роятный факт! — и вышел из класса.

Все меня обступили, стали расспрашивать, не родственник ли я путешественника, а многие вспомнили про своих великих и знаменитых однофамильцев.

Я подошел к тихой-тихой девочке Лине Пруть (она уже решала задачки по алгебре для девятого класса) и сказал:

— Ты хоть и Пруть, а на самом деле Софья Ковалевская и великая алгебраичка.

Митя Вишневский спросил у меня:

— А Вишневский был какой-нибудь великий?

— Вишневский? — я задумался. — Как же! Мазь такая есть. Вишневского!

— Правда? — не поверил Митя.

— Клянусь! Это — Великая Мазь.

От нее все болячки сразу пропадают, — сказал я Мите. — И не грусти. Может быть... я точно не обещаю... я подарю тебе твою марку Мозамбика на день рождения...

Тут зазвенел звонок, а Белобоков, у которого не было великих однофамильцев, все еще насккивал на Рубинштейна и приставал:

— Ну, давай поспорим, что у тебя было сразу два композитора Рубинштейна! Давай! Слабо? Антон и Николай! Эх, ты!

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ДЖО ХИЛЛА

И. Войтенко

В один из ноябрьских дней 1915 года поезда на участке Солт-Лейк-Сити — Чикаго двигались только в сторону Чикаго. Вагоны были переполнены, люди висели на подножках, ехали на крышах. Люди были готовы перенести любые трудности, лишь бы вовремя попасть в город.

Траурная процессия двинулась после обеда, и хвост людей растянулся по улицам на несколько кварталов. Сотни траурных знамен реяли по ветру.

— Это что, хоронят какого-нибудь короля или министра? — спрашивали любопытные.

— Нет! — отвечали им. — Это хоронят Джо Хилла!

Знакомство

Как это ни странно, а я познакомился с Джо Хиллом в далеком 1946 году, когда был мальчишкой. Отгремела война, не были больше sireны воздушных тревог, а в порту грохотали цепи океанских кораблей.

Однажды к стенке пришвартовался «американец», большое торговое судно под звездным флагом. Из его трюмов выгружали огромные ящики, тюки, мощные трехосные вездеходы «Студебекеры».

Вечером матросы собирались на палубе и пели песни. Слов мы не понимали, да и мелодии были непривычными. Мы сидели на пустых бочках под мостовым краном и слушали. Но однажды мотив показался нам знакомым. Колька Рыжий даже встал на бочке, вслушиваясь. Он был признанным музыкантом — никто во дворе не играл лучше его на расческе.

— Ре-е-бя! — заорал он. — Они нашу песню поют, Кейси Джона.

Мы вскочили на ноги, и, не сговариваясь, подхватили во всю глотку:

«Однажды забастовку объявили мы опять, И только Кейси-машинист решил не бастовать.

— К чему бороться — думал он, —

Не лучше ль есть свой хлеб? — И вот штрейкбрехер Кейси Джон,

Короче — скэб!»

Я не помню, кто научил нас этой песне. Скорее всего никто. Просто портовые рабочие ее часто пели. Хотя мы понятия не имели, что такое штрейкбрехер, но старались не ударить лицом в грязь перед американцами и, отстукивая ногами по днищам бочек, орали припев:

«Кейси Джон с машины не слезает, Кейси Джон привычный держит путь.

Кейси Джон — покорный раб хозяев,

А они ему повесили Медаль на грудь!»

Американцы высыпали на правый борт. Раздались аплодисменты и крики: «О'кэй! Джо Хилл!»

— Дяденька, что они говорят? — спросили мы проходившего мимо портовика.

Он остановился и улыбнулся нам:

— Матросы говорят, что вы хорошо исполнили песню их рабочего поэта Джо Хилла!

Вот тебе и на! А мы-то думали, «Кейси Джон» — русская песня!

— Ну и пусть! — сплюнул Колька Рыжий. — Все равно — хорошая песня. — И он заорал: «Однажды забастовку объявили мы опять...»

История „Кейси Джона“

Сан-Педро — совсем маленький городишко. И порт здесь маленький. Ни музеев нет, ни театров. Зато в Сан-Педро — крепкая и сплоченная рабочая организация.

Вот и в тот вечер сотни портовиков собрались на площади, чтобы обсудить дату очередной забастовки. И когда собрание кончилось, председатель объявил:

— Слово имеет Джо Хилл.

На импровизированную трибуну поднялся молодой парень в клетчатой рубашке, с банджо в руках. И хотя Джо дали слово, все знали, что он не будет произносить речь. Джо никогда этого не делал. После каждого собрания Джо просто пел.

Этот парень пришел в штаты из Швеции на заработки. За короткое время он исколесил всю Америку, был горняком, литейщиком, матросом. Здесь, в Сан-Педро, он работал грузчиком.

Джо ударил по струнам и запел. Песня была новой. Раньше Джо пел французские, итальянские, американские песни. Эту не слышал еще никто. Джо пел о штрейкбрехере Кэйси Джоне, который во время забастовки вышел на работу.

«Стыдят его со всех сторон —

бастует целый свет!

— Плевать! — ответил

Кэйси Джон. —

«Но ангелы-хранители узнали, как назло,

И райского штрейкбрехера поймали за крыло.

Венок ему попортили и арфу пополам.

И вышибли голубчика ко всем чертям.

Кэйси Джон

Навек расстался с небом.

Кэйси Джон работает в аду.

Не слишком ли они разжирили! Карикатура американского художника.

До вас мне дела нет! —

Но кто-то рельсы развинтил

В глухую ночь одну,

И с моста в речку Кэйси Джон

Бултых — ко дну!»

Так Кэйси попал в рай и встретился там с апостолом. Тот был несказанно рад штрейкбрехеру:

«У нас в раю, поверишь ли, совсем не благодать —

Здесь ангелы-хранители решили бастовать!

Волнуются, забросили

Дела ко всем чертям!

Но ты же ведь

штрейкбрехер —

Ты поможешь нам!»

Для штрейкбрехера все равно — забастовка или нет. Лишь бы заработать деньги. И Кэйси соглашается работать у апостола.

Кэйси Джон

Жалеет, что был скэбом,

Что и просим всех штрейкбрехеров

Иметь в виду!»

Джо кончил петь и опустил банджо. Сердце его усиленно колотилось. Как рабочие примут его песню, первую песню, написанную им самим? Сначала стояла тишина. Но вот кто-то из толпы крикнул:

— Джо, давай еще раз про штрейкбрехера!

Социальный преступник

Прошло уже несколько часов, как кончился рабочий день, а тело так и не отдохнуло. Ломило и руки и ноги. Мешки с сахаром весили почти по центнеру. Сколько их перенес Джо за день — и не считаешь! Джо

сидел, с удовольствием вытянув уставшие ноги, и дочитывал последние письма. Раньше он почти не получал их, а теперь их приходило много. Из Ванкувера, Чикаго, Лос-Анжелоса. Все благодарили Джо за «Кэйси Джона».

Этот голубоватый конверт Джо вскрывал особенно осторожно, ведь на нем стоял штемпель Канадской Северной дороги. Вот уже несколько дней ее рабочие мужественно бастовали, требуя от хозяев повышения заработной платы. Джо развернул небольшой листок и прочел:

«Дорогой Джо! Мы не видели тебя, но мы поем «Кэйси Джона». Такую песню мог написать только наш брат, рабочий. Дружище, напиши что-нибудь специально для нас. Песня будет с нами в борьбе как Красное знамя!

Твои друзья с Фрейзер-реки».

Часы пробили двенадцать. Джо сполоснул лицо холодной водой, чтобы не уснуть, достал бумагу и карандаш.

Что ответить рабочим Канадской Северной? Ведь он не поэт. Ну, написал «Кэйси Джона». Так ведь это единственная песня. Джо долго обдумывал первую фразу, чтобы меньше огорчить парней с Фрейзер-реки. Они ждут песню, а он пришлет только извинения.

Но строчки внезапно полились одна за другой:

«Все подрядчики-ворюги, лицемеры и хитрюги, Что добра от них не будет — знает трудовой народ.

Надо вместе нам держаться в ясный день и в бурю, братья! Не пристало нам бояться, где течет Фрейзер-река!»

Последние слова Джо подчеркнул и написал их в заголовке. Утром поезд увез песню на Север. А вскоре ее распевали рабочие Канадской дороги.

За второй песней Джо написал третью и четвертую. Потом

он стал писать песни для рабочих регулярно. Вся Америка распевала его «Господина Чурбана», «Тощего Билла», «Чего мы хотим» и много других хороших песен.

Сыщики доносили в полицейское управление:

«Джо Хилл пел на митинге текстильщиков в Лоуренси».

«Хилл был в Чикаго. Пел революционные песни, сочиненные им самим».

«Хилл привез в Нью-Йорк новую песню».

Все эти сведения скрупулезно заносились на карточки и сшивались в папке. Каллиграфическим почерком на ней было выведено:

«ДЖО ХИЛЛ — СОЦИАЛЬНЫЙ ПРЕСТУПНИК»

В глубокой тайне полиция и сыскное агентство Пинкертонов обсуждали планы убийства рабочего певца и поэта. Но не было удобного случая, чтобы тихо и без шума убрать бунтаря.

И вот случай представился. Это произошло десятого января 1913 года в Солт-Лейк-Сити.

Убийство в бакалейной лавке

Джон Моррисон протирал полотенцем фужеры, когда в лавку неожиданно вошли двое неизвестных, с лицами, заматанными в цветные шарфы.

— Теперь ты попался, — со злобой прохрипел один из незнакомцев, и в следующее мгновение пули прошли живот Джону Моррисону. Сын бакалейщика Арлин схватил с полки пистолет и всадил пулю в руку бандита, стоящего ближе. Тот взвыл от боли, но второй раз Арлин выстрелить не успел.

Один за другим раздались три выстрела, и мальчишка, прикрыв ладонями фонтанчики крови, рухнул между бочек.

Убийцы выскочили из лавочки и скрылись в темноте.

В эту же ночь Джо Хилл

Врача не вызывали. Шеф ждал смерти Хилла, чтобы тотчас сообщить через газету:

— Рабочий Джо Хилл убит при сопротивлении органам власти.

Но Джо не умер. Здоровье

Разгон митинга. Рисунок американского художника.

был тоже ранен — случайной пулей, обороняясь от хулигана.

А через три дня в комнату Хилла ворвались полицейские.

Обессиленный после ранения, Джо лежал на кровати. С удивительным хладнокровием, не произнеся ни слова, полицейские выпустили в раненого рабочего еще несколько пуль. После этого его бросили в крытую машину и увезли. В управление его доставили истекающим кровью.

— Хилл при аресте сопротивлялся, — было доложено шефу полиции.

— Ну, что ж, — ухмыльнулся тот. — Зато и получил свое.

Джо лежал без сознания, брошенный на лавку, как мешок.

Грузчика победило смерть. Пришлось отправить его в тюремную больницу. Он провалялся там несколько месяцев. А второго июля Джо Хилл был обвинен... в убийстве Моррисонов.

Подлый суд

— Джо Хилл! Кроме убийства Моррисонов, вам выдвинут ряд обвинений. Способны ли вы их выслушать?

— Да.

— Джо Хилл, вы обвиняетесь в неоднократном ограблении трамваев и банка. Вы обвиняетесь в убийстве шерифа в Лейтоне, в транспортировке динамита из Сан-Франциско в Лос-Анжелос для взрыва редакции

газеты «Таймс». Признаете ли вы себя виновным?

— Нет! Все обвинения от первого до последнего слова — ложь!

Судья ударил молотком.

— Прошу ввести свидетелей.

В зал вошли несколько десятков человек. Где откопали этих негодяев, — до сих пор не установлено. Им было все равно о ком говорить и что говорить, — лишь бы платили. Джо никогда не видел этих людей. Они его тоже. И тем не менее весь этот сброд сказал: «Да, Хилл убивал. Да, Хилл грабил. Да, «Таймс» тоже хотел взорвать он».

Джо был один в зале суда против целой своры богатеев. Но на его защиту поднялся весь рабочий класс. Газета «Солидарити» обратилась к честным людям земли:

— Объединяйтесь на защиту Джо Хилла. Человек, который написал «Кэйси Джона» и «Господина Чурбана», схвачен и брошен в тюрьму по ложному обвинению!

Двадцатипятилетняя Элизабет Флинн, будущий генеральный секретарь компартии Америки, добилась встречи с президентом Вудро Вильсоном и просила его вмешаться в творимое беззаконие.

Десятки заводов бастовали. Докеры и портовые рабочие Австралии объявили бойкот американским товарам до тех пор, пока Хилла не оправдают. Но колесо «правосудия» катилось: первого октября Джо был приговорен к смертной казни.

Затем было принято решение об отсрочке смертной казни на полмесяца.

Последнее интервью Джо Хилла

Сидя за решеткой, Джо не лил напрасных слез. Он пользовался тем, что ему теперь разрешили читать и писать сколько

влезет, и он работал, очень много работал: писал песни, сочинял музыку, отсылал письма друзьям. Каждый день он требовал новую порцию чернил и бумаги.

Джо подолгу стоял у решетки, через которую с улицы доносились слова его новой песни: «Долог путь до миски с супом!»

Эту песню он написал в каменном колодце, а сейчас специально для него у ворот тюрьмы ее исполняли друзья.

Время отсрочки истекало. И в эти последние дни Джо трудился еще интенсивнее.

«Сочинил на прошлой неделе новую песню с музыкой, посвященную голубю мира. Она послана вам. А теперь прощайте, Гарли, дорогая. Я жил как бунтарь и умру как бунтарь. Не плачьте обо мне. Организуйтесь!»

Это было одно из последних писем Джо Хилла.

В десять часов восемнадцатого ноября Джо спокойно лег спать. В этот же час губернатору Спрау вручили от президента телеграмму, в которой сообщалось о замене Джо Хиллу смертной казни каторгой.

Спрай прочел телеграмму, повертел ее в руках и сказал:

— Все это очень гуманно с вашей стороны, господин президент. Но, допустим, я получил телеграмму не сегодня, а завтра, — и он рассмеялся.

Джо Хилла разбудили рано. Он умылся. Потом ему завязали глаза и вывели на каменный двор тюрьмы. Затем Джо привязали к стулу. Доктор долго прошупывал стетоскопом сердце, нашел его и повесил на это сердце другое, вырезанное из бумаги, из обычной белой бумаги. Так легче целиться. Над сердцем горел букет из красной гвоздики, которую Джо прислали друзья.

Пять стрелков стояли в двадцати футах от Джо. Пять му-

шек метились в бумажное сердце. А там, под ним, билось живое горячее сердце Джо.

На пять карабинов было четыре пули. Один был заряжен холостым патроном. Никто из стрелков не знал, кто станет убийцей Джо Хилла, и каждый надеялся, что — не он.

В семь часов сорок две минуты комендант тюрьмы скомандовал:

— Огонь!

Это случилось через двадцать две минуты после восхода солнца. Но Джо так и не увидел его...

Перед казнью он написал стихотворение:

*«Нетрудно мне составить
завещанье.*

*Имущество не тяготит меня,
Я в жизни не гонялся за*

вещами,

*Из-за которых ссорится родня.
Мой труп? Ну, что ж, сожгите*

труп мой тощий.

Чтоб разлетелась легкая зола

По ветру, вдаль, в леса, поля и

рощи

И землю удобрить собой могла,

Чтоб где-нибудь, увядший на

поляне,

Цветок вдруг ожил и набрался

сил.

*Вот вам мое последнее
желанье —*

Живите! Будьте счастливы!

Джо Хилл!»

Рабочие выполнили последнее желание Джо. Труп рабочего поэта был сожжен, а пепел в маленьких конвертиках разослан друзьям во многие страны. 1 Мая 1916 года пепел был одновременно развеян по ветру. А девятнадцатого ноября нынешнего года, спустя полвека, рабочие мира выйдут на демонстрацию памяти Хилла.

Я буду шагать с ними и петь:
«И в час, когда рабочий класс
Начнет последний бой, —
Пойдет шагать в рядах у нас
Джо Хилл — всегда живой!»

Джо Хилл —
Всегда живой!»

Клад Наташки-„бедняжки“

На арену одна за другой выходили знаменитости. Только люди на трибунах и у телевизоров повторяли имя девочки с косичками. Наташа шла на первом месте и была без пяти минут чемпионкой...

Вот тут-то и стряслась беда.

— Упражнение на бревне исполняет Кучинская, — объявил диктор.

Болельщики приготовились уже аплодировать, да не пришлось. Вздых разочарования прошелестел по залу — гимнастка покачнулась и неловко спрыгнула с бревна. Каждый знал, чем страшен такой промах — все равно что срезаться на экзамене.

В общем, вместо медали получила Наташа место где-то в конце десятки. Вот и вся «киевская история».

Долго не могли ее забыть зрители. Наташа получила писем в ту пору, наверное, больше, чем победительницы. Почти в каждом были строки: «Ах, бедняжка!» Очень жалели гимнастку совсем незнакомые люди.

Наташа читала и... улыбалась. Просто удивительно, до чего мало знают гимнастику болельщики, — думала она. Для Наташи — это не «сумма баллов» и блеск наград. Для нее это удовольствие, одно из любимых занятий, также, как интересные книги, балет, математика.

Ультра-си!

Выступает Оля Харлова

Некоторые спортсмены напоминают на тренировке заводную игрушку. Кончится «завод», и нет их в зале. Как будто тяжелую работу исполняли — скорей домой.

Наташе обычных часов занятий часто не хватает. Однажды в спортивном лагере все ребята отправились купаться на озеро, лишь Наташка все крутилась на гимнастическом бревне, разучивала какое-то хитрое упражнение.

Эстафета мастерства

— В одном месте никак не выходит, все хочу понять, в чем дело, — объясняла она тренеру, который пришел «прогонять» ее купаться.

Киевский турнир Наташа вспоминает часто, но не для того, чтобы вздыхать об уплывшей медали. Она рассуждает так: раз проиграла, значит, недостаточно подготовилась, значит, соперницы сильнее. Свалить всю вину на случайность, на невезучесть не в характере Наташи. Не хочет она прослыть «бедняжкой».

Ультра-си... Говорят, что выдумали этот термин японские гимнасты, а означает он элемент наивысшей трудности. Это если выражаться языком справочника.

Ну, а под сводами закрытого стадиона все воспринимается по-иному. «Ультра-си» — это когда восхищенно ахают трибуны и рушится обвал аплодисментов, когда замирает сердце у бывшего тренера, когда самые придирчивые судьи готовы поставить «десятку».

Наташа после киевских соревнований не сидела сложа руки. Она не только разучивала старую программу, но сделала ее вместе с тренером еще сложнее, еще эффектнее.

Бревно в гимнастике, пожалуй, самый коварный снаряд. Ширина всего 9 сантиметров. На этой узкой полоске изволь двигаться и вертеться так же, как на широком помосте.

Ох, сколько слез пролили из-за этого бревна некоторые гимнастки. Даже чемпионки плакали от обиды, когда соскальзывали с него в самый разгар комбинации. Вот этот снаряд и решила подчинить себе Наташа с помощью «ультра-си».

Большая всесоюзная гимнастиада проходила на ленинградском Зимнем стадионе. На бревне Кучинская. Вот она делает стойку на руках, потом переворот, шпагат. Стадион восхищенно ахает. Бывалые тренеры кивают головой, да, это «ультра-си».

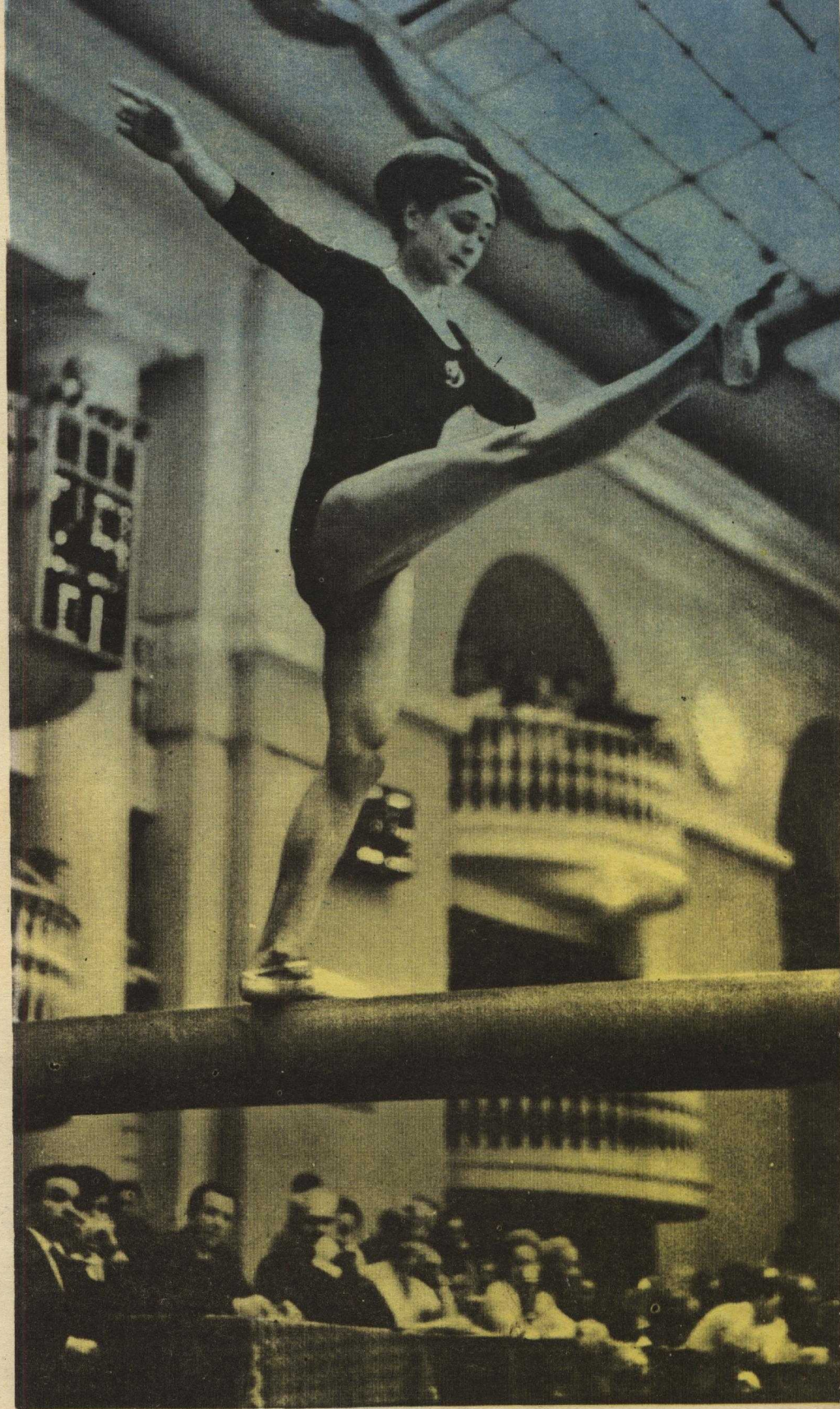
В заключение несколько слов о спортивной географии.

В прежние годы накануне чемпионата можно было почти безошибочно угадать, какие адреса будут у медалей. После ленинградских соревнований вряд ли кто отважится делать прогнозы. Более 70 девушек стартовало в турнире. Из них больше половины моложе 20 лет. Самой маленькой была Оля Пустовалова из Воронежа. Ей — 15. Чуть старше Ира Елисеева из Ленинграда. Неля Кукушкина из Москвы, Тамара Козьмина из Волжска. Все они уже мастера спорта. Эту норму впервые выполнила и пятнадцатилетняя москвичка Оля Харлова.

А вот семнадцатилетние Галя Каролинская из Воронежа, Лариса Ермичева из Грозного повезли домой медали. Галя — бронзовую, а Лариса — серебряную. Награды призеров достались московской школьнице Наташе Гавриловой — серебро, восемнадцатилетней Зине Дружининой из Подмоскovie — бронза.

Во время соревнований спортсмены и болельщики тепло проводили известную гимнастку Софью Муратову, распрощавшуюся со спортом. Незримая эстафета молодежи попала в надежные руки.

Ю. Коршак
Фото В. Галактионова

ПОВЕСТЬ О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ

МАЛЬЧИКА ПАТА И ПИЛАГАН-БОЛЬШОЙ СОБАКИ

Вадим Нечаев

Гравюры Е. Овчинникова

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В тот день, зимний, безветренный и просторный, Пат и Вовка возвращались из школы. Сперва путь их лежал по берегу — здесь было пустынно, чисто, и взгляд свободно проникал через весь залив до самого горизонта. Песчаные дюны стояли цепью заградительных курганов и лишь в некоторых местах были обнажены от снега. За ними росли лиственницы, сумрачные, с искривленными стволами, обрубленные ненастьем у верхушек, почти двойняшки по родственной судьбе — они придавали этим местам особый отпечаток уединения, суровости и жестокости. А дальше уже — в глубину острова — расстилалась настоящая тайга.

Когда налетают штормы, лучше не забредать в эти места в одиночку. Темнеет воздух, скрипят и гнутся лиственницы, припадает к земле стланик, шевелятся и угрюмо шуршат дюны, и если залив свободен от льда, высокие волны лезут на берег и заливают все побережье шипящей пеной.

Зато в солнечные и легкие дни голубое марево висит над землей, очертания скал неуловимы и воздушны, и все превращается в мираж; каждый звук отчетлив и ясен, и, кажется, можно услышать, как лают собаки в стойбище, как трутся рогами олени о деревья

и как спорят женщины, приготавливая лакомое блюдо мось, куда входит и отвар рыбьих кож, и ягоды, и тюлений жир, и мелко накрошенная юкола.

Два мальчика, живущие по соседству (один — в русском доме, другой — в нивхском) торопились по дороге и болтали обо всем, что приходило в голову. Пат спросил Вовку:

— Как ты думаешь, земля живая?

— Не знаю, — сказал Вовка. — Наверно, мертвая.

— Эх ты, — сказал Пат, — люди дышат, растения дышат, и земля дышит, значит, она живая.

— Почему же мой дедушка, которому уже под восемьдесят, так не хочет умирать, если земля живая? — возразил Вовка.

— Потому что он сильный и любит работать, а вот когда он ляжет на печку, тогда земля скажет: иди ко мне! Понял?

— Понял, — сказал Вовка, хотя обычно он не понимал, что ему говорил Пат. Слишком по-разному они воспринимали меняющийся на их глазах мир. Но у Вовки было доброе сердце, и он умел слушать, не вступая в споры. Пат и Вовка учились в третьем классе и сидели на одной парте; не удивительно, что они были закадычными друзьями.

Вдали показалась окраина села.

Печатается с сокращениями.

— Ты знаешь, к новому году я поеду на чыф-лехерыд, — сказал Пат гордо, — и буду соревноваться в гонке на собаках.

— О, — промолвил Вовка, — как я тебе завидую, Пат. Возьми и меня с собой.

— Поживем, увидим, — загадочно сказал Пат. — Между прочим, душа медведя отправится к своим сородичам в тайгу и расскажет, что наш народ его не обижал, и что мы их друзья.

— Какая же у медведя душа? — удивился Вовка.

— Ты совсем неграмотный, Вовка, — ответил Пат. — У каждого есть душа. Даже наш остров Сахалин и тот имеет душу. И когда душа теряется, то это самое большое горе, будь то человек, или зверь, или дерево. Мой ытык¹ говорит, что надо очень внимательно следить, чтобы не потерять душу. Потому что таким человеком овладевает тогда ужасная ненависть ко всему на земле. И даже умереть он не может спокойно.

— Ты очень странно говоришь, Пат, — усомнился Вовка, — разве ты не слышал учителя: есть предметы одушевленные и неодушевленные. Море, камень, дерево, остров — предметы неодушевленные, а человек или волк — одушевленные. А душа, вроде, это предрассудок.

— Я внимательно слушаю нашего учителя, — медленно произнес Пат, — но я понял его иначе, то есть так, что раньше все объясняли одной душой.

— Я слышал, у твоего отца была недавно не слишком удачная охота?

— Этот последний медведь чуть не стоил моему отцу жизни.

— Бедный твой отец.

— Медведь прокусил ему руку и ободрал щеку. Но отец все-таки убил его.

— Что же дальше было, Пат?

— А дальше он целый месяц лежал в больнице, и я каждый день ходил к нему, чтобы ему не было скучно.

— У тебя замечательный отец, Пат.

— Да, он хороший охотник.

Между тем мальчики подошли к дряхлому и заброшенному дому, в котором давно-давно, по словам стариков, жил шаман, и Пат удивленно показал Вовке:

— Гляди-ка.

Под крыльцом дряхлого дома, обросшего мхом, сидела большая и грустная собака с длинной шерстью. Изредка она вздыхала, ее худые бока приподымались и под кожей выступали крепкие изогнутые ребра.

— Ты откуда, собака? — спросил Пат.

Но та жалобно посмотрела на него и моргнула слезившимися глазами. Пат почесал ее меж ушей, собака взерошилась, но у нее, как видно, не хватило сил, чтоб показать клыки. Тело собаки было бедно силой и кровью, а мозг устал думать о пище. И ей приходилось совсем туго. Пат пожалел собаку и сказал:

— Ее бил хозяин, и она пришла издалека, из другой деревни. Отдадим ей, Вовк, что осталось у нас от завтрака.

Мальчики положили около собаки хлеб с маслом и юколу и пошли по домам. Открыв дверь, сын каюра громко произнес:

— Ытык, это я — Пат.

Дом осторожно охнул — и снова тихо. Отец еще на озере, догадался Пат и прошел во вторую комнату, где его бабка, окончательно оглохшая коричневая старуха, вырезала на ковше, как ее сын Леонид Вытхун доблестно убил своего последнего медведя. Непосвященный в ее искусство мало что смог бы разобрать по знакам, но Пат отчетливо увидел все в воображении, будто он наблюдал эту картину с высокого дерева. Заметив медведя в ольховнике, отец зашел с подветренной стороны и спрятался метрах в тридцати за лесной, между тем, медведь добродушно грыз ветки. Пат увидел, как отец прицелился и выстрелил, и медведь перевернулся, вскочил на лапы и побежал, оставляя на траве и мху кровавые меты; отец помчался за ним и быстро догнал его. Медведь спрятался в валежнике и там отлеживался и набирался сил и духу; отец встал поблизости, потому что знал, что медведь больше никуда не мог уйти. Так они стояли, какое-то время ожидая, и у медведя постепенно поднялась шерсть и от боли он расвирипел. Отец слышал его учащенное дыхание и ждал, подняв ружье на линию глаза, и вдруг выстрелил, и в тот же миг медведь выскочил из своего укрытия и бросился на человека; отец дернул затвор, и тот вылетел. «Все пропало», — подумал отец, отскочив к дереву и ухватившись руками за ствол. Медведь прокусил ему левую руку и ободрал щеку, и отец медленно сполз на землю и лег на бок, прикрыв лицо локтем. Медведь рвал на нем толстую куртку из собачьего меха.

У Пата снова выступили слезы на глазах, как и тогда осенью, когда отец приплыл в лодке весь в крови.

«Мой отец доблестный охотник», — подумал Пат.

Наступил вечер. Отец Пата пришел очень поздно, он сидел около проруби на льду озера и ловил рыбу на донку. Накануне он вернулся с соболиной охоты и теперь отправился на озеро не ради промысла, а скорее ради за-

¹ Отец.

бавы. Он с самого детства охотился и рыбачил и каждую тварь понимал лучше, чем она себя. Отец в этот день наловил много рыбы, он прошагал десять километров от озера до дому, но дышал так ровно и чисто, словно и не вставал с места.

Пат лежал в постели, когда вернулся отец, и думал о всяких вещах, но больше о собаке. «Почему она вышла из леса? — думал Пат. — Или она заболела, или повздорила с вожаком стаи. Вот сейчас она лежит у дома шамана и дремлет перед своей смертью. А может, в ней душа нашего дедушки плачет от голода».

— Батя, — сказал Пат, — сегодня я видел собаку, она лежит и не двигается с места, а в животе ее пусто и холодно, дадим ей завтра немного твоей рыбы.

— Хорошо, — сказал отец.

На следующий день Пат с отцом, как обычно, поднялись в шесть часов, когда в тайге стояла еще ночь, ополоснулись ледяной водой, плотно позавтракали и, выйдя из дому, направились к околице села, туда, где под крыльцом одиноко помирала прилудная собака. Она лежала с закрытыми глазами и нос ее покрылся инеем.

— Неужели умерла? — воскликнул Пат.

— Нет, — сказал отец, — она сны видит

Пат положил около собаки рыбу и увидел, как ожили глаза ее, пасть и мускулы. С жадностью и урчанием она съела все, вплоть до костей. Подняв голову, собака слегка повыла в небо и легла у ног мальчика.

— Знаешь что, — сказал отец, — не надо брать эту собаку, по-моему, она не собака.

— Что ты, ытык? Я же хорошо вижу, что это собака, неужели бы я не отличил собаку от несобаки.

Отец усмехнулся:

— Ты хитрый, Пат, и все-таки не надо брать ее домой.

Пат заплакал, хотя раньше он почти никогда не плакал. Пат представил, как собака лежит мертвая на боку и как ее засыпает снегом.

— Ну ладно, — согласился отец, — потом ты сам увидишь, собака это или не собака.

Так она стала жить в доме Пата. Первые дни ее никто не трогал, и она только и делала, что ела, спала, опять ела, опять спала и незаметно для себя обвыкалась с новыми нормами жизни. В семье ее любили. Пат сам кормил собаку, расчесывал ей шерсть и подолгу вел с ней беседы. Она быстро набиралась сил; отец часто смотрел на собаку и не мог понять, почему она так смиренно ведет себя, будто она в самом деле хорошая, доброкаче-

ственная, на все сто процентов собака. «Опасная затея, — думал ытык, — опасная, и зачем Пату понадобилось приручить волка, разве мало собак в упряжке, а сколько их вообще в поселке. Пусть дикость живет в дикости».

Через некоторое время отец захотел запрячь пилаган¹ в ремennую упряжку. Собака отбежала на почтительное расстояние, и как отец ее ни уговаривал, она не подпускала к себе.

— Сплошная морока с ней, — сказал отец другим собакам, — пойду позову Пата, пусть он сам справляется.

Пришел Пат и позвал собаку: «Атак, Атак!»

Недавно он дал ей новое имя — «Атак», и по этому поводу отец очень смеялся, потому что атак на нивхском языке означает дед.

Атак подбежал к мальчику, и тот поставил собаку в упряжку. Отец взмахнул кнутом, крикнул: «Гой! Гой!» — и упряжка рванулась с места. И Атак, чтобы не дать себя сбить с ног, волей-неволей тоже побежал, однако на повороте, когда остальные собаки замедлили бег, пес не успел сообразить, натянул сильно постромки, нарты чуть не перевернулись, и передовик, обернувшись, злобно схватил Атака за плечо, а тот, конечно, обиды не стерпел, все смешалось в кучу, и каюр Вытхун, ругаясь на чем свет стоит, стал разнимать кнутом дерущихся. Атаку, конечно, попало больше всех, и тогда он понял, что нужно уметь подчиняться.

Около месяца отец и сын поочередно учили ходить Атака в упряжке, ночевать под снегом и правилам общежития с другими собаками. Атак был понятлив и сообразителен, и прежняя ожесточенность, остервенелость мало-помалу уступали в нем место миролюбию и терпимости.

«И все-таки, — думал Пат, — пес когда-то знал человека, уж слишком быстро, прямо на лету, привыкает он к новым законам, но это было давно, и какая-то неизвестная сила, наверно, выкинула его из стойбища в дикую тайгу. Может быть, то был голод, может быть, лесной пожар, и все бежали от него по реке на лодках. А пилаган пришлось стать волком».

«Конечно, — размышлял в другой раз Пат, — Атаку гораздо легче превратиться в волка, чем волку стать собакой. Все его далекое прошлое и все его инстинкты волчьи. Вот поэтому-то его так не любит и боится упряжка. Да и масть у него иная, непохожая на здешних. И крупнее он всех собак раза в полтора».

Вскоре Вытхуну и его сыну Пату стало ясно, что Атак самая выносливая, стойкая и умная собака во всей упряжке, и единственно,

¹ Большая собака.

что их смущало: почему он совершенно не претендует на роль вожака. Никогда он не задевал Желтого Пятна, не строил ему козней, не подзуживал втихомолку против него стаю. Можно было подумать, что пес вполне и окончательно доволен своей независимостью и хочет только одного — чтобы его оставили в покое. Он, мол, никого не трогает, и пусть его никто не трогает. «Но так не бывает, — понимал каюр, — не бывает так на свете, чтобы ты жил вместе со всеми и в то же время один. Ни к чему хорошему это привести не может».

От привольного житья за несколько месяцев пилаган полностью окреп, и когда Пат смотрел на своего огромного пса с его лоснящейся шкурой и коричневыми пятнами, с играющей мускулатурой, чуткими и осмысленными глазами, походкой бесшумной и полной достоинства — он как бы размягчался и в то же время чувствовал не то чтобы страх, а какой-то боязливый озноб: а вдруг когда-нибудь темная сила и несчастная нелепица разлучат его с Атаком.

Пат был из тех людей, которые приходят в мир не со скукой или враждой, а с радостным удивлением, безотчетно доверяя всему, что окружало его, и когда умерла его мать,

заболевшая туберкулезом, то Пата потрясло скорее не горе, а то, что она исчезла насовсем, и только впоследствии, когда старики сказали, что душа его матери переселилась в «млыво»¹, мальчик немного утих и примирился с утратой. Но с тех пор ощущение непостоянства — хотя он и не думал в таких словах, потому что это было знанием внутренним, — непостоянства того, что кажется нам абсолютно прочным и вневременным, не покидало Пата.

И в этом, наверно, был источник еще более горячей доброты Пата ко всем окружающим, и, конечно же, ее нужно поставить гораздо выше, если сравнить с так называемой добротой от природы.

Неудивительно, что когда каюр Урзюк попросил Пата одолжить пилаган для его упряжки, чтобы свезти больного председателя сельсовета в поликлинику за сто пятьдесят километров, Пат почти не колебался, хотя дорога предстояла опасная и изнурительная (по тайге, мимо сопок, через два водораздела).

— Какой же может быть разговор, — сказал Пат, однако подумал про себя: «Вот там-то и случится...».

¹ Потусторонний мир.

Вскоре каюр Урзюк радировал, что довел он больного благополучно и теперь отправляется в обратный путь. Но прошла неделя, вторая, а он не появлялся. И все же ничем не выдал сын охотника Выхуна своего беспокойства в течение этих долгих дней, и когда его одноклассники спрашивали: «Не вернулся еще твой Атак?», Пат невозмутимо отвечал: «Такой пес не пропадет, будьте уверены». Но отец имел не слепые глаза и отлично знал, как сильно ждет Пат, как долго он не может заснуть; встает по ночам и пьет воду или же выходит на улицу и стоит там, маленький, хрупкий и несокрушимый, и упорно смотрит на дорогу и ждет, не раздастся ли скрип полозьев в ночи.

Но глубока тишина вокруг; не скрипнет ветка, не гаркнет ворона спросонья, не свалится белка от внезапного испуга, и даже снег не сыплется на землю. Спят праведниками волки, медведь в берлоге не заворочается, муравьи спят под снегом, лесные мыши, кроты, и дятел не стучит, и даже спит сова-полуночица.

Где-то вдали собака залаяла. Пат встрепнулся, напрягся, согнав с себя сонное оцепенение, и снова тихо. Мальчик в колебании: домой идти или здесь стоять и ждать. И он поворачивается, идет, берется за ручку двери, думает и возвращается обратно на свой сторожевой пост.

Ночь не страшит его. Все спит: живое и мертвое, деревья, и пни, и гнилушки. Пат опускает голову и дремлет, опершись спиной о ель.

Опять вдали какой-то шорох, и слышится Пату: «гой-гой», «чии-чии», летит упряжка по сонному миру; среди спящей тайги, «гой-гой», «чии-чии» летит к человеческому жилью, уюту и долгожданному отдыху под морозным небом и крупными звездами, летит во весь опор, и никто не ждет ее, кроме Пата. И действительно, все громче звук полозьев, нет, это не сон и не видение, на повороте появилась крошечная упряжка, за ней человек на лыжах; она растет на глазах, словно бы и не бежит сюда, а просто яснее воздух, ночь расступается, залегая по бокам дороги, расстояние тает, и прямо на Пата выносятся во главе упряжки Атак, а за ней — каюр Урзюк.

Атак, наконец, освобожден от ремней, он бросается к Пату и, наверное, впервые в жизни, что ли, «лает», потому что звуки клекотания в горле отдаленно лишь напоминают собачий лай, он кладет лапы на грудь мальчика и лижет горячим языком его щеку. Пат бормочет что-то грубовато-ласковое, тормошит собаку, трет ее уши: «Отошал, отошал,

Атак, — говорит мальчик, — ах ты, бедолага мой».

На следующий день разговорам не было конца, и все они велись вокруг каюра Урзюка и пса Атака. Каюр сидел посредине охотников, почетное место рядом с ним занимали старики, и неторопливо повествовал, как он вез больного председателя сельсовета в поликлинику, очень боялся, как бы на спуске его не сбросило наземь, но все обернулось удачно, однако на обратном пути их и поджидали беды.

Тут все замерли, а каюр закурил свой чубук и добавил: да, он и не чаял вернуться целехоньким домой, но лучше по порядку.

Метель, как назло, не утихала, когда они поехали обратно. Нарты уже были пустыми, и никакого груза, кроме юколы и консервов, у них с собой не было. Три дня они ехали не очень быстро и не очень медленно, но метель по-прежнему мела, и ветер как будто еще поднаддал. Затем они стали подниматься на первый водораздел, и тут их несколько раз опрокидывало, и стал он замечать, что собаки маленько слабеют. От каменистой и скользкой дороги у некоторых пострадали лапы. На седьмые сутки они сбились с пути и долго плутали по тайге, и все время где-то поблизости слышался им какой-то слабый вой: то ли ветер, то ли волки, и плачет кто-то. (В этом месте рассказа старики многозначительно покачали головами: «пал-ызь, больше некому», то есть рассердился хозяин гор).

На двенадцатый день каюр услышал вой уже близко и подумал, что не иначе, как за ним идет волчья стая, и не иначе, как она отошала и ожесточилась от голода. К этому времени они перевалили и второй водораздел и были от села, можно сказать, рукой подать, — в хорошую погоду — день езды. Как выразился каюр, за один сон бы домчались.

А когда вой чересчур усиливался, все собаки настораживались и рычали, и только Атак, что удивило каюра, ничуть не волновался, точно ему все равно, волки то воют или ветер свистит. Правда, каюр не придавал вначале этому большого значения, в горячке не тем он был занят, но впоследствии он решил, что хладнокровие Атака было неспроста.

В каких-то полчаса свет померк и наступила таежная ночь, вой уже слышался со всех сторон, упрямый, тоскливый вой, но и он почему-то вскоре затих, каюр Урзюк успокоился, уморенный длинной дорогой, и подумал: «Авось, нелегкая пронесет, авось, стая другую добычу учует», разложил свой спальный мешок, залез в него, а ружье и топорик рядом приспособил, и прикорнул.

Собаки, однако, не спали, они сбились в кучу и настороженно поглядывали во тьму, и нюх им подсказывал неясную угрозу, и, подбадривая себя, они негромко тявкали и огрызались; все ближе к костру сдвигались серые тени, и то один волк выбегал из чащи, то другой и тотчас исчезал; между тем, костер постепенно гас, меркли языки пламени, и кое-где вился лишь один горячий и едкий дым.

Каюр проснулся в своем спальном мешке от ужасного визга, воя и рычания, сообразил, в чем дело, и бросил шипящую головню в самую кучу. Он швырял охваченные огнем ветки одну за другой, но это было так же бесполезно, как водой из ведер заливать пожар в знойный, потрескивающий от сухости день.

На каждую собаку надели три-четыре волка. Снег потемнел от крови. Пушистый Хвост уже не мог двигаться: ему перегрызли обе ноги, тем не менее он с прежней ожесточенностью продолжал обороняться.

Каюр поднес к лицу ружье, и когда в отблесках огня на линии прицела появилась волчья морда, выстрелил. Волк перевернулся и затих. Таким же образом он застрелил еще двух, но, как ни странно, это не испугало стаю. По-видимому, схватка достигла того

накала, когда дерущимися движет одна неутолимая жажда победы. Урзюк увидел, как в клубке тел исчез Пушистый Хвост, и, спустя минуту, передовик лежал мертвый с красной раной на горле. Собак оставалось все меньше, каюр схватил в одну руку палку, в другую топор и бросился в самую гущу. Волчьи клыки вонзились в его ногу, но он не почувствовал боли, колошматя палкой налево и направо.

Волки, взвизгивая, отклонялись от ударов. Каюр поднял горящее бревно и бросил в них, и вдруг стало тихо, пусто, волки точно растаяли в тайге, а на площадке валялось несколько мертвых тел, и среди них, облизывая раны и поскуливая, топтались всего две собаки из упряжки: Буян и Хмель.

И тут-то каюр заметил Атаку, который все время стоял в небольшом отдалении, не вмешиваясь в свалку, и теперь, как ни в чем не бывало, подошел к костру, брезгливо понюхал остатки припасов и хладнокровно посмотрел в глаза человеку.

«Тьфу!» — каюр сплюнул в сторону от негодования и махнул на пса рукой, потому что так устал и ослаб, что не в силах был запустить в отщепенца даже палку. Еще раз — «тьфу», Атак не двигался и никак не отвечал,

продолжая смотреть настойчиво человеку в глаза, словно бы считал себя ни в чем не виноватым.

«Эх, старею, видно, — подумал каюр, — хотя, с другой стороны, беситься вроде уже бесполезно, что было, то было, а разберемся мы после».

И снова пилаган приблизился к Урзюку, потерял об его ногу и уставился ему в лицо и, по-видимому, в чем-то своем неопровержимом хотел он убедить каюра, чтобы человек понял его и простил и не думал бы, что Атак — презренный трус.

«Тьфу», — еще раз сплюнул каюр и бросил палку в Атака, который успел увернуться, но так же упрямо, можно сказать, настырно глядел на человека, глядел с усилием, чуть ли не с тоской, пытаясь преодолеть рубеж немоты, и от чрезмерного напряжения у него заклокотало в горле и вырвался не то вой, не то лай.

«Аух, аух, — кричал пилаган каюру, — аух, аухр», — и это было так же уморительно и нелепо, как если смеется или объясняется в любви глухой, снижая не там, где нужно, голос, или же повышая его, когда необходимо шептать, и человек замахал на него руками:

— Замолчи, Атак, замолчи, псина, не могу я понять, хоть убей, о чем ты воешь.

«Аух, аухр», — повторил Атак, с бессильной верой убеждая каюра в своей правоте, но откуда мог догадаться Урзюк, что Атак необычный пес, что по своему духу он еще полукровка и, отстав, отклонившись от волчьего клана, не успел пока стать на равную ногу с обществом собак, и ни перед кем, кроме Леонида Выхуна и его сына Пата, не почувствовал ни своих прав, ни своих обязанностей. И разве все упряжки не отталкивали его от себя, разве не через силу они терпели его присутствие рядом?

Когда же началась смертная схватка, Атак отстранился, порываясь стать то на одну сторону, то на другую, но равносильно было и притяжение и отталкивание, так он и продержался до конца, ни к кому не примкнув.

Каюр отвернулся; пилаган, опустив голову, понуро побрел на прежнее место с горемычным достоинством и глухим разочарованием в человеке, машинально разгреб снег и устроил себе лежку.

Всю ночь Атак бредил, то он вспоминал себя щенком, большое становище, дым костров и запахи жареного мяса, свою мать и ее ласки, то — пожар в тайге, переполох среди людей и свой тогдашний ужас, и потрескивание и невыносимый жар со всех сторон, вспо-

минал, как впопыхах люди садились в лодки, бросая в них свой скарб, одежды, припасы еды; и плач детей и ругань мужчин, и как он с матерью потерялся среди этого невозможного ералаша, и как они вместе плыли по реке на каком-то бревне, а вокруг все горело, и рядом плыли олени и волки и целая медвежья семья.

Потом он увидел дремучий лес, здесь было тихо и сравнительно безопасно, и уютно, и одиноко, и мать оставила его одного, а сама ушла на охоту — так они прожили несколько месяцев. Как-то раз в их логово вместе с матерью пришел волк, Атак заворчал, весь ошетинился, но волк не обратил на него внимания. Вскоре они подружились, и волк водил Атака на охоту, терпеливо уча выслеживать белку, отгонять от стада оленя, обходить капканы и не вступать в спор с рысью.

Снилась ему и волчья стая, к которой они присоединились зимой, и набеги на поселковые амбары, и бои с собаками, и голодовка на следующий год, и как отошавшие, с впалыми боками, они сновали по тайге, которая, казалось, вымерла, и дошли до того, что стали выкапывать и есть корни, и по ночам, забыв всякий страх и предосторожность, забредали в нивхские села, и как в них стреляли из ружей и травили собаками. А всего более запал в память тот день, когда он спрятался под крыльцом дряхлого и дружелюбного дома, и встреча с мальчиком, и вкус свежей рыбы, и голос охотника Выхуна, и первая гонка в упряжке, и отрадная дружба с Патом. И за всеми этими снами плыла какая-то щемящая неотвязчивая нота, которая для пилаган означала, что прежнее кончилось, а что дальше — неизвестно.

Конечно, Урзюк не мог знать обо всем, что снилось Атаку в эту ночь, и утром по заведенному порядку каюр поставил Атака в упряжку на место передовика, и они помчались без остановок. Несматривая на то, что он не простил Атака, который нарушил вековой закон и покинул человека в беде, каюр правильно рассудил, что пес еще может пригодиться и послужить. По сути, именно Атак в последний день пути тащил нарты, потому что Буян и Хмель уже спустя час выбились из сил.

«Вот и все, что с нами произошло», — закруглил свое повествование каюр.

Все смотрели на стариков, что те промолвят. Старики, словно по команде, повернули враз свои морщинистые лица к Пату, и мальчик твердо встретил их взгляд. Они зашумелись меж собой, залопотали, примешивая старинные непонятные слова, замахали

руками, выражая крайнее свое негодование, осуждая и пилаган, и Пата, и его отца, Леонида Выхуна, и вдруг самый старший дряхлый старик лет под сто прикрикнул на других стариков, как на подростков, и важно сказал:

— Мой род Мыбинг (на реке мы живущие) не помнит, чтобы пилаган, какая бы она ни была большая, вела себя на манер волка, с таким же коварством, не слышал я об этом ни от своего отца, ни от своего деда, чтобы в разгар боя пес ушел в сторону и хитрил, как рысь или ласка, и это неспроста, в этом есть знак пал-ызя...

— Не существует никакого пал-ызя, — встал тихо неробкий Пат.

— Цыц! — рявкнул старик, — слушай мудрых, в этом есть знак, что пилаган предвещает нам милк (болезнь) или кинр (смерть), и потому он не может больше жить в поселке, и я приговариваю его в жертву медведю во время ближайшего чхыф-лехерыд.

Вокруг одобрительно зашумели. Пат не смутился, подождал, пока установится тишина, поставил под ноги ящик и встал на него.

— Мудрый старик, глава рода Мыбинг, — так обратился Пат. — Я подобрал пилаган, когда замерзают ручьи, умирающим под крыльцом прежнего дома шаманов, которых, как ты знаешь, уже не существует в нашей

жизни (старик поморщился, но проглотил). Пилаган умирал от голода, и я взял его к себе в дом, и долгими неделями я и отец ухаживали за ним и все-таки поставили на ноги. А сколько трудов стоило его приучить ходить в упряжке, и ладить с собаками, и слушаться человеческого голоса. Не буду хвастаться, но пилаган стал прекрасной ездовой собакой, и таких сильных, умных и сообразительных, как он, не найдется в поселке.

— Все это так, но нам нужны проверенные и послушные собаки, — сказал Древний Глаз.

— Пилаган может дать прекрасное потомство для наших упряжек. И еще одно я скажу в защиту своего пса: представь, Древний Глаз, человека, который вырос в лесу, один, и случайно, уже повзрослевший, попал к нам в поселок; разве легко ему было бы привыкнуть к нашим обычаям и порядкам?

— Это его не оправдывает. Нам нужны безукоризненные собаки.

— Я не хочу обидеть Древний Глаз и наших старшин, но вспомните, что сам глава рода Мыбинг в двенадцать лет ходил на медведя с луком и как равный говорил со стариками на советах, я никого не хочу обидеть, но пилаган я не уступлю, и это говорю я, последний из рода Хыбегнунг, перед лицом мертвых предков, я — Пат.

Он повернулся и пошел, ожидая, что его вернут с дороги, но Древний Глаз промолчал.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Еще задолго до чхыф-лехерыд закипели приготовления. Молодые тщательно готовили «священные деревья», срезая с елей нижние ветви, не трогая лишь крону, верхнюю развилку — две руки. На эти деревья, называемые «наню», навешивались священные стружки «пау». Женщины хлопотали над деликатесами — над мось и талкк, салатом из сырой рыбы, приправленным черемшой.

Отец Пата в эти дни ушел с бригадой охотиться на тюленей, так что в доме остались бабка, мальчик и пилаган. Дело у Пата было по горло: ходить в школу, покупать в магазине продукты, ухаживать за упряжкой.

Изредка в гости к Пату заходил Вовка, который скучал без друга и обижался, что тот больше теперь любит пилаган, чем его, Вовку.

— Нехорошо, Пат, — говорил Вовка, — ты как-то отодвинулся ото всех, а это значит, что ты уважаешь только самого себя.

— Это неправда, — возражал Пат, — просто на моих плечах много забот.

— Как поживает Атак? — спрашивал Вовка, — отчего нигде его не видно?

— Я сам удивляюсь, — отвечал Пат, — неладное с ним творится, Вовк. То его из дома не выгонишь, то он в лесу целыми сутками пропадает.

— Зря ты его подобрал, Пат.

Действительно, Атак день ото дня становился беспокойнее, и Пат не мог догадаться, в чем причина: такая безысходная тоска была в глазах пса. Он часто пропадал в лесу и возвращался оттуда — похудевший, израненный в каких-то схватках то ли с рысью, то ли с волками, — чтобы отлежаться и подкормиться, и снова убегал. Однажды Атак исчез, и мальчик, еще не понимая этого, не веря, что пес исчез, сгинул совсем, кинулся к старикам, но те ничего ему не сказали. Пат обшарил все дворы, несколько раз ходил в лес, отчаялся... И все-таки нашел, — не самого Атака, а его след. В маленькой сторожке он увидел оборванную веревку и клочок шерсти. Значит, так:

старики тайком поймали пса, но тот перегрыз веревку, выломал дверь и убежал.

Пат решил ждать школьных каникул, чтобы потом отправиться на розыски своего пса. Неясные слухи доходили в поселок: то пилаган видели на буровой скважине Моисеева, где он прожил неделю, то он вдруг объявился в геологоразведочной партии, но и здесь проторчал недолго. Можно было подумать, что Атак ищет своих сородичей или же прежнего хозяина, хозяина его детства, ищет упорно и безуспешно. Потом всякие слухи о нем прекратились, а Пат, подумав, набрался смелости и написал в областную газету:

«Уважаемая редакция, — написал Пат, — я, Петр Выхун, сын известного каюра и охотника из древнего рода Хыбегнунг, живу в нивхском поселке Луньво. Мне одиннадцать лет. Я уже много раз ходил на охоту — и на соболя, и на тюленя, и на выдру. Полгода назад я подобрал умирающего от голода пса (а может, бывшего волка), которого назвал Атак. Я его выходил и воспитал из него хорошую упряжковую собаку. Он очень большой, с коричневыми пятнами по всему телу и никогда не лает. У него серьезный и странный характер. Недавно Атак сбежал и, как я думаю, потому, что догадался (неизвестно, конечно, как), что старики хотят принести его в жертву медведю. Был такой у нас древний обычай. Теперь это не делается, но старики считают, что Атак крупно провинился — когда волки набросились на упряжку каюра Урзюка, пес не вмешался и отошел в сторону. Но это оттого, что он еще не успел стать настоящей собакой и не знал, что такое долг. Теперь он странствует по острову, и мне его очень жалко, и я очень скучаю. В последний раз его видели в геологоразведочной партии на мысе Четыре Брата. Если бы вы помогли мне его разыскать, я уж не знаю, как был бы благодарен и послал бы вам отличную шкуру медведя в подарок. Атак пес особенный и удивительно умный».

После того как письмо прочитал учитель Пата, который прибавил от себя, что Пат пионер и староста класса, оно отправилось в путь, а через десять дней мальчик получил ответ. Редакция писала:

«Дорогой Пат, рассказанная тобой история нас очень заинтересовала. Мы постараемся тебе помочь и напечатаем объявление в газете о пропаже собаки и сообщим ее приметы. Всей душой сочувствуем тебе. Пиши нам чаще о том, какие интересные события происходят в вашей школе и как вы помогаете старшим в их благородном труде».

За эти дни стали известны новые подробности о приключениях пилаган (одно удивительнее другого), и Пат подолгу раздумывал, почему Атак столь внезапно изменился. Все приметы вроде бы сходятся, и ясно, что это путешественник не близнец Атака и не его двойник. И все же он так непохож на самого себя. Собаку словно подменили. Прежний пес был замкнут, собран, недружелюбен и знал себе цену. А этот явно растерян, идет в любые руки, живет у кого попало, как последний бродяжка, не помнящий родства.

— Несчастный Атак, — говорил Пат своей глухой бабке, — у него, наверно, память отбил. А как же еще объяснить, что он столько хозяев переменял? Он забыл нас, все позабыл и мучается, что не может вспомнить, правильно?

Бабка послушно кивала головой, заранее соглашаясь, что бы ни сказал Пат.

— Атаку страшно, — говорил в другой раз Пат, — ему страшно и тоскливо, вот и носит-ся он по всему острову, его старики напугали.

Бабка что-то шептала в ответ, но что — трудно было разобрать.

Одни передавали мальчику, что собаку подобрал дрессировщик-любитель, который хочет научить Атака разным фокусам, как-то: мяукать, считать до десяти, держать во рту мышь, исполнять на рояле простейшие песенки, ходить по канату и тому подобное, чтобы выступать с ним в цирке и зарабатывать немалые деньги.

Другие говорили, что Атак уже сбежал от дрессировщика, и будто бы кто-то видел его в заливе, как он сидел на льдине, окруженный полыньями, и безнадежно смотрел на берег, но, возможно, это был другой пес.

Третьи болтали, что Атак забрался в самолет, на котором он хотел улететь за десять тысяч километров, но замела выюга, и самолет вернулся на свой аэродром, и Атака отвели в милицию, где его сытно накормили и обласкали, рассчитывая в будущем натаскать и подучить пса, чтобы распознавал преступников.

Без сомнения, две трети слухов были ложными, но нет дыма без огня, и то, что так трудно было отделить правду от неправды, беспокоило мальчика больше всего, и даже во сне он думал о своем Атаке.

Незаметно наступила пора школьных каникул. Пат собрал вещи в дорогу, взял денег из шкафа, написал отцу записку, чтобы тот не тревожился за него, попрощался с Вовкой и отправился на розыски пилаган.

Начальник сейсмопартии Иван Катков сидел в своей будке, не раздеваясь, в тулупе и валенках, потому что за окном температура упала ниже сорока градусов по Цельсию, и разогревал на плите мясные консервы. То и дело он смотрел на радию, которая молчала второй день подряд — метель нарушила связь с профилем, — как назывался здесь участок работ.

Каткову было тридцать лет, из которых восемь он провел в тайге в поисках нефти, и он редко вспоминал свою прежнюю жизнь. Катков был человек дела и не верил в неожиданности. Он верил в свою работу и еще раз в работу. Из собственного ему спокойствия выводили его только нарушения в графике, которые случались очень редко и, главным образом, по не зависящим от него причинам: от мороза порвало буровые штанги или бульдозер завяз в снегу, и так далее.

Любил Катков свою жену и детей, которые жили в городе и к которым он летал раз в месяц, свою работу и еще книги о географических открытиях и повадках зверей.

У начальства Катков числился на хорошем счету, потому что он был знающий геолог, не брал в рот спиртного и регулярно присылал отчеты.

К такому человеку летел Пат на вертолете. Безжизненна и однообразна на первый взгляд тайга с птичьего полета. Одни деревья внизу. Но если приглядеться — увидишь игрушечные домики, буровые вышки, тонкие просеки и даже палатки.

«Ишь, сколько народу копошится в тайге, — думал Пат, — нефть ищут. Потом выкачают ее, начнут золото искать или еще чего-нибудь. Остров богатый. Это хорошо, когда есть чего искать. Сначала деды ищут, потом сыновья, потом внуки. Так без конца».

Вертолет приземлился, и Пат спустился на землю.

— Мне начальника надо, — сказал он подбежавшим людям.

— Начальника? — спросили они недоверчиво.

— Да.

— А зачем тебе начальника? — сказала пожилая женщина.

— По важному делу, — передали люди по почпочке, потому что голос у мальчика был тихий.

— Ну, пойдем, — сказала пожилая женщина.

Иван Катков доедал мясные консервы, когда к нему постучались:

— К вам, Иван Степанович.

В будку вошел мальчик с перекинутым через плечо мешком. Он переступил порог и сказал:

— Я Пат.

— А я Иван Катков, — сказал без улыбки начальник.

— Очень интересно, — добавил Пат, — я ищу свою собаку и никак не могу ее найти.

— Может быть, — проговорил начальник, — я люблю читать про собак. Много хороших писателей писало про собак. Например, Тургенев.

— Я тоже читал его, — вставил Пат.

— Да, — продолжал Катков, — еще Толстой, Куприн, Джек Лондон. Вот у того собаки душевнее людей.

— И так бывает, — сказал Пат.

— Хочешь консервов? — спросил мальчика Катков.

— Спасибо, — отклонил предложение Пат, — я хочу найти собаку, вы не видели ее?

— Я немало собак видел на своем веку.

— У нее по всей шкуре коричневые пятна, и она очень похожа на волка.

— Как же! — воскликнул Катков, — как же, помню. Она появилась у нас три недели назад. Ее почему-то невзлюбили все собаки и бросались на нее. Она не оборонялась и убежала от них. Потом она прожила несколько дней в моей будке и куда-то исчезла. Есть один вариант, что она на профиль убежала.

— Едемте, — сказал мальчик.

Иван Катков, который без надобности никогда не выезжал с базы и чрезвычайно ценил свое время, задумавшись, посмотрел на мальчика и сказал:

— Твой отец, Пат, работает охотником. Правильно? Я работаю геологом, начальником партии. Пожилая женщина, которая привела тебя и у которой двойняшки, работает поваром в столовой. Никита Холмогоров, мой сосед, бульдозерист, работает на машине. Каждый делает свою небольшую работу. Из работы каждого складывается одна большая. Го-су-дар-ственная. Понимаешь? Государственная работа, которая движет жизнь вперед. Получается, что мы все работаем на эту большую работу. И представь, ко всем людям, занятым на службе, приходит мальчик и говорит: кончайте свою работу и помогите найти мою собаку. И все побросали работу и кинулись на поиски. И твой отец, который выследил белку и уже прицелился — опустил ружье и вышел из леса. Что тогда? Учитель прервал урок, шофер остановил автобус, а?

— Не ко всем придет Пат. И не все побросают работу.

— А ты знаешь, сколько мальчиков на свете?

— Я знаю, — ответил хмуро Пат, — и я знаю, что такое работа. Я и на охоту ходил, и продукты возил на оленях за сто километров, но если я приду к столетнему старику Древний Глаз и скажу, что у меня произошло несчастье, то он не посмотрит на свою работу и на свой возраст, а скажет просто: «Чем я буду тебе полезен, Пат?»

— Так, — промолвил начальник, — нам трудно понять друг друга, но я поеду с тобой на профиль. Хотя это для меня прямо ЧП.

— Что такое ЧП? — заинтересовался Пат.

— Чрезвычайное происшествие.

— Я согласен, если пропал такой необычный пес, то это происшествие.

Начальник вышел из будки, чтобы отдать необходимые распоряжения, и спустя час они уже сидели в кабине бульдозера рядом с Никитой Холмогоровым. Заревел мотор, и бульдозер двинулся по снежной целине, подминая

гусеницами кусты. Взошло ослепительное солнце, и от разлапистых елей пали голубые тени. Длинные желтые просветы виднелись по бокам. Начальник, оглядывая знакомую картину, думал: «Здесь, на тринадцатом профиле, прошлогодней весной в плывуне засел трактор, за ним сейсмостанция, трое суток выбирались из каши. Там, на шестнадцатом — сломался бурильный станок. На девятнадцатом — справляли свадьбу каротажника Юрия Беляй и Маруси. Три года работы с тайгой. Как же так? — подумал начальник, — как же так, ведь это не простая работа, это наша жизнь. Чем больше работы, тем больше жизни. Что же, из-за какой-то пропавшей собаки вся моя работа псу под хвост. То есть из-за мальчика — псу под хвост. Совсем запутался, — решил Иван Катков. — Мальчик, собака, или наоборот, кто тут разберется. И зачем я с ним еду? Прямо на смех ребятаги поднимут. Из-за мальчишки, то есть, из-за собаки, или наоборот, на профиль прикатил. Ну, ладно, скажу, что беспокоился, почему, мол, рация молчит. В самую точку. Рация ведь не

понарошке, а действительно молчит. Скажу, черт знает что, рацию исправить не можете. Нагоню на них страху. Безобразие. Два дня рацию починить не могут. Никуда не годится. В самом деле, безобразие».

Начальник успокоился и задремал чуть-чуть.

Бульдозер въехал на профиль, где стояло несколько пустых домиков на тракторных саях, посредине поляны — пустая бочка, и возле крылечек сидели собаки. Начальник протер глаза и оглянулся: далеко впереди шли цепочкой сейсмологи. Правее их, на расстоянии километра, взрывники готовились присоединить магистраль к заряду. Спустя минуту раздался взрыв, и черный столб дыма вместе с кусками земли и красными деревяшками взметнулся вверх. Собаки залаяли, а повара Маруся от испуга выронила из рук кастрюлю с супом. И начальник рассмеялся.

— Смотри, Пат, — показал рукой начальник, — есть среди этих собак твоя? Вот Полкан, помесь лайки и овчарки, прекрасный охотник. Преданный и послушный пес. Это Забирушка, маленькая и сварливая дворняжка. Рядом с ней сидит Муму, собака, которая не умеет лаять. Ужасно драчливая. А вон грызет кость Барбос, он спас нашего шофера осенью, когда тот тонул.

— Нет, — сказал Пат, — нет среди них моего Атака. Он, наверное, теперь у дрессировщика. И тот учит его держать в пасти мышонка.

— Не огорчайся, Пат, — пожалел его Никита Холмогоров, — мы тебе любую собаку подарим, какую хочешь.

— Спасибо, — поблагодарил его Пат, — вы добрый человек, но мне другая собака не нужна. Я, пожалуй, назад поеду.

— Вертолет завтра только прилетит, — заметил начальник, — завтра мы тебя и отправим.

— Хорошо, — согласился Пат, — мне очень интересно было побывать у вас. Я расскажу у себя в школе, как ищут нефть.

Вечером начальник положил мальчика на койку, а сам залез на нары, и ему стало приятно, что он ночует не один, как всегда, и не один слушает завывание ветра, и не только для него потрескивает огонь в железной печурке и нагревает обшивку. «Рассудительный мальчик, — подумал Иван Катков, — мне бы такого сына».

— Пат, ты спишь? — окликнул мальчика Катков.

— Нет, еще не сплю, — ответил Пат, — я думаю, кем я буду, когда вырасту.

— Учись на геолога, — сказал Катков, —

я уже восемь лет геолог и все в тайге живу.

— Привыкли? — спросил Пат.

— Маленько, — сказал Катков, — маленько привык. Конечно, порой скучновато. Особенно в праздники, по красным числам. Тайгу надо с детства любить. А я люблю технику.

— Я технику еще плохо понимаю, — проговорил Пат, — может, потом научусь понимать. А пока мне интересней понимать человека, или тайгу, или рыбу, или зверя какого.

— Ты еще маленький, Пат, — продолжал Катков, — всему свое время.

— Может быть, — согласился мальчик, не желая спорить.

«Да, на технику можно положиться, — думал Катков, — она мастера не подведет. Человек без техники — одинокая душа. Вот я — снимут меня вдруг с работы и пошлют пуговицы считать, кто я буду? Одинокая душа. А сейчас кто я? Начальник партии. Лучше всех знаю все свои машины. Тайгу я понимаю? Нет, не понимаю. Привык маленечко — и все! Пат ее, оказывается, понимает. И человека, он говорит, понимает».

— Пат! Что ты про меня понимаешь?

— Вы обидитесь, — сказал Пат из темноты.

— Не обижусь, говори прямо.

— По-моему, начальства у вас много, вот как у Древнего Глаза, а вообще вы неплохой.

— Интересно... Пат, хочешь, оставайся у меня. В школу на машине будешь ездить. У нас и кинофильмы раз в неделю бывают, а? Я тебе все про технику расскажу, — голос у Каткова был совсем не начальственный, — потом в институт поступишь. А собаку я разыщу.

— Не могу, — сказал мягко Пат, — у меня отец есть, как же я останусь, ведь я не сирота. Я помогать отцу должен — у нас мать померла пять лет назад. У меня отец хороший — я таких еще не встречал. Тридцать пять медведей убил, во!

— Жаль, жаль, — повторил про себя начальник, — а у меня отца не было.

Он взглянул в рассеянный полусвет-полумрак будки, в котором белело лицо мальчика, лежащее на раскрытой ладони. «На других детских лицах виден только характер, — подумал начальник, — а на лице Пата и то, что он пережил». Иван Катков достал из столика маленькое зеркальце, зажег спичку и посмотрел на себя при колеблющемся свете: видна твердость и уверенность, а душа? Может, для посторонних она видна.

Утром прилетел вертолет, и провожающие увидели, как начальник приподнял мальчика, поцеловал его в нос и поставил на ступеньку.

Завертелся горизонтальный винт, «стрекоза» повисла над землей и полетела, а начальник

все еще стоял на том же месте, махал рукой и кричал:

— Прилетай, Пат, в гости!

* * *

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Самолет полярной авиации «ИЛ-14» вырлился на летную дорожку, чуть замер, словно прыгнул перед разбегом, и понесся по белому пустынному полю, и мальчику, глядящему в окно, показалось, что это земля пришла в движение; замелькали дома, опущенные снегом деревья, телеграфные столбы, все быстрее и быстрее, и сердце напрягает ожидание, и такая тишина в кабине — даже трудно дышать. Неуловимый миг — и самолет преодолел силу тяжести, поднялся в воздух (легко и незаметно) и как бы уплывает выше и выше, отдаляясь от всего, что происходит там, внизу, в этот холодный туманный час — и лица пилотов уже другие: без тени сна, заботы, печали — спокойные и просветленные.

Высота еще небольшая, и город под крылом корабля виден ясно и подробно: улицы, скверы, редкие пешеходы — для пилотов он весь как милый сердцу и уютный дом, в который они вернутся лишь поздней ночью.

Но далеко их семьи, за тысячи километров, у кого в Москве, у кого в Ленинграде, и как тут не заскучать о тепле жены, об улыбке сына, и все вдруг оглянулись на Пата. Мальчик смутился от этого общего мужского внимания. И хотя причина его была одинаковой, но каждый из полярников подумал свое.

Командир корабля Михайловский, сухой, тщедушный человек, которого знают, если не в лицо, то понаслышке, в любом уголке Арктики — от Мурманска до Уэлена — увидел себя подростком, затем увидел войну, свой легкокрылый самолетик «ПО-2», вылеты на врага, вылеты, вылеты, — спустя пять лет и шесть они все еще снились ему по ночам, и он просыпался, когда его машина с подбитым крылом планировала над лесом, но госпиталь ему не снился и смерть друга-пилота тоже, потому что это он носил при себе постоянно, как некоторые носят нашивки или орденские колодки. Он увидел Арктику не так, как путешественник, который сохраняет отдельные картины, а как человек, видящий родину — всю целиком, ее долгий день с полярным сиянием и вынужденную посадку на острове Врангеля, и поселок зимовщиков, увидел атомоход «Ленин», для которого он, Михайловский, прокладывал курс по Северному Морскому пути — огромные ледяные пространства,

Еще прошло немалое время в бесплодных поисках. В конце концов, следуя по пятам слухов, Пат очутился на аэродроме среди полярных летчиков.

он и его друзья обживали их в небе, и на это ушло немало лет, и жалеть здесь не о чем...

Штурман Лютиков увидел училище, свою футбольную команду, где он был капитаном, первый вылет без инструктора, любовь к столичной стюардессе, которая стала его женой, и почему от нее целый месяц нет писем, подумал он с тревогой.

А второй пилот Миша Нелепов, посмотрев на мальчика, подумал, что, как ни странно, не так уж давно он сам был таким и решал, кем стать в жизни, и как хорошо, что он стал пилотом, и почувствовал, что все, кто выбрал себе небо, ему как братья, и он для них также как брат.

Самолет между тем набрал высоту и летел теперь к морю.

В сосредоточенной тишине каждый занимался своим делом: пилоты — у штурвалов, радист нес службу в эфире, штурман вычислял курс, Миша Нелепов к тому же, не отрывая взгляда от приборов, рассказывал мальчику про работу: «...два месяца назад, дружок, мы были в Антарктике. Производили там аэро съемку. А пришли на судне «Обь». Прямо в поселок Мирный. Спустились с капитаном на землю, а куда идти — неизвестно. Торчат над снегом трубы — и все. На маленькой дощечке написано: «Добро пожаловать». Наконец, капитан догадался — оказывается, дома под снегом... Ходили мы и на птичий базар. Пингинов, между прочим, там видимо-невидимо. Ох, и потешные они! Был у нас среди них приятель — в гости сам являлся, ужинал с нами. Какой-то шутник однажды выкрасил его в красный цвет, представляешь! И что же вышло: сородичи его чуть не заклевали до смерти. Пришлось нам его отмывать. А шутнику выговор дали.

На Сахалин нас направили, чтобы вести ледовую разведку. Ну, а после, наверно, перекинут на Север. Так наша жизнь и идет: сегодня здесь, завтра там, как в песне поется.

...По доброй воле человек из неба не уходит, хотя особых развлечений, как ты сам видишь, по распорядку службы у нас не имеется. (Второй пилот говорил с мальчиком, будто со взрослым, будто с соседом по квартире, и ему казалось, что Пат все отлично понимает, да так и было — он кивал в тех местах расска-

за, где необходимо было кивать, и улыбался, когда следовало улыбаться.)

Жены и сестры от нас далеко. Ночуем, где придется. Так что небо для нас, дружок, это вроде бы и дом, и семья, и все что угодно. Пилот уходит на земную профессию только когда его списывают по возрасту или за аварию по халатности. А просто так — никогда, ни за какие коврижки».

Миша Нелепов умолк, задумался. «Неудачники, их немало в любом деле, но печальнее всего неудачники из пилотов, их можно встретить в любом аэропорту в ресторане, и сразу отличишь от остальных — и как из человека выходит неудачник, об этом пока не стоит знать мальчику».

Пат прервал его размышления и спросил, волнуясь, о своем Атаке, долго ли тот пробыл с экипажем и что с ним приключилось.

— Это целая история, — ответил второй пилот, — и до сих пор загадочная. Для нас так обидно, что пес пропал, мы очень привязались к нему, особенно наш командир, он его повсюду разыскивал, весь город обшарил и — впустую. Прямо скажу, неясная история.

Когда мальчик услышал ее, он понял то, чего не понял второй пилот. Однажды утром экипаж с удивлением обнаружил в самолете

большого исхудавшего пса-бродягу, который посмотрел с безразличной грустью и равнодушием на вошедших людей и устало уронил голову. Как он попал сюда — было неясно. Скорее всего, во время осмотра машины механиками. Командир приказал не трогать неожиданного гостя, и самолет отправился в очередной рейс к берегам Камчатки. В воздухе Атак проснулся, посмотрел в окно, увидел близкий лес, ленту реки и заскучал. Он метнулся к двери, но та была заперта. Ошеломленный, он почувствовал себя в неволе, стал прыгать и биться головой о стекло, что, конечно, было совершенно без пользы.

Командир, чтобы успокоить Атаку, предложил ему мяса из банки консервов, пес отказался с безразличностью и настойчиво просился на волю. Тогда Михайловский поднял самолет над линией облаков, и земля скрылась из виду.

Атак пришел в себя и затих, но весь день он пролежал без движения, безучастный, и даже не прикоснулся к пище. Только поздним вечером, когда самолет вернулся на аэродром, пес оживился, почувствовав под собой привычную почву и до бестолковости обрадовавшись запаху снега, сосен, сараев, гравия, прошлогодней травы — он носился туда-сюда,

кругами, и даже позволил командиру, чужо-
му человеку, погладить себя по шерсти.

Михайловский уложил спать пса в своей
комнате, постелив ему летнюю куртку мехом
наружу, и долго говорил с ним шепотом, о
чем — кто его знает. На следующее утро
командир не решился оставить Атака без
присмотра и взял с собой: пес пришелся ему
по душе.

Все получилось, как и накануне. Едва маши-
на оторвалась от поля, пес забеспокоился,
заметался между кресел, не в силах понять
окружающую пустоту жизни.

Спустя несколько дней у командира вышел
по графику отгул, и в компании со знакомым
медвежатником Черепановым он отправился
на охоту, прихватив Атака с собой. В глухом
незнакомом лесу, сонном, застывшем, извеч-
ном, с пересекающимися цепочками звериных
следов пес преобразился — куда подевались
его угнетенность, тоска, безразличие, он мчал-
ся впереди охотников, сплошной сгусток энер-
гии и силы. Таежная тишина, дремучие за-
росли окружали его, он скользил сквозь ча-
щу, словно имел где-то далеко видимую ему
одному цель. Рысая по оврагам, он напал
на лису и выгнал ее прямо под точный выст-
рел командира.

К ночи мужчины развели костер, натянули
с подветренной стороны палатку. И мальчик
представил себе подробно, словно он сам был
рядом с охотниками, как они сидели, подо-
гнув под себя ноги, как велась взрослая бе-
седа об охоте, о людях, сохранивших в себе
древнее мужество и стойкость, не потерявших
привычки к лесу, о зверях, с их повадками и
характерами, и как Атак, хмурясь, смотрел
на огонь и, наверно, о чем-нибудь вспоминал
и грустил. Поужинав, мужчины залезли под
парусину, а пес устроил себе постель под сне-
гом.

«Непонятный случай, — подумал тогда лет-
чик, — отчего пес сбежал от хозяина, отчего
он бродит, бездомный и грустный — без цели
в жизни, словно проштрафившийся авиатор,
который не знает, куда себя деть, и глядит
с тоской в небо».

Утром охотники встали на лыжи и двину-
лись к урочищу. Места здесь были сумрачные,
не знакомые еще ни с трактором, ни с электро-
пилой, и лесной беспорядок — заросли, пере-
плетения сучьев, мертвые деревья рядом с
живыми — был прекрасен. Морозный свежий
воздух, тишина, прозрачная синь.

Командиру даже стрелять расхотелось —
вот так бы идти и идти рядом с Черепановым
и сметливым псом по снежной целине, глухо-
мани, полной таинственности и покоя, чувст-

вующая себя не чужаком, пришельцем в этот лес,
а близким родственником его и другом.

Скрипнула ветка где-то поблизости, шелох-
нулся сугроб, пес замер, насторожился, пово-
дя носом, и кинулся через чащу напролом.
Охотники услышали его голос уже где-то да-
леко — то ли вой, то ли вскрик — сигнал яро-
сти и отваги — и побежали на него что есть
мочи. Они наткнулись на разрытую берлогу
и двупалые медвежьи следы. Судя по всему,
здесь произошла короткая схватка, и пес по-
гнал зверя к замерзшему озеру. Охотники
стремились не отстать, но куда им было угнать-
ся за этой бешеной гонкой, которая разыгра-
лась между хозяином леса и бродягой-псом,
потерявшим все на свете, без роду и племени.
Атак гнал зверя уже не ради хозяина, а ради
собственного удовлетворения, неутомимый, не-
истовый и расчетливый. И медведь это пони-
мал. У него и прежде в уединенной, отшельни-
ческой жизни случались столкновения с соба-
ками, он хорошо познал их повадки, и всегда
уходил от них благополучно, неспешной рыс-
цой, но сейчас, как видно, иное дело, и легко
не отделаешься — пес преследовал его по пя-
там, молча и мстительно.

Охотники отстали и могли лишь наблюдать
за развитием событий как невольные зрители.
Следы привели их к оврагу. На снегу видне-
лась кровь, клочья шерсти. Следы направи-
лись дальше к озеру и возле бамбуковой чащи
исчезли. Бамбук расступился, и оттуда выска-
чил пес, взбудораженный, с горящими глаза-
ми — стал звать охотников за собой. Черепан-
ов беспомощно развел руками: «Бесполезная
затея, медведь недосыгаем». Атак с укоризной
посмотрел на Михайловского.

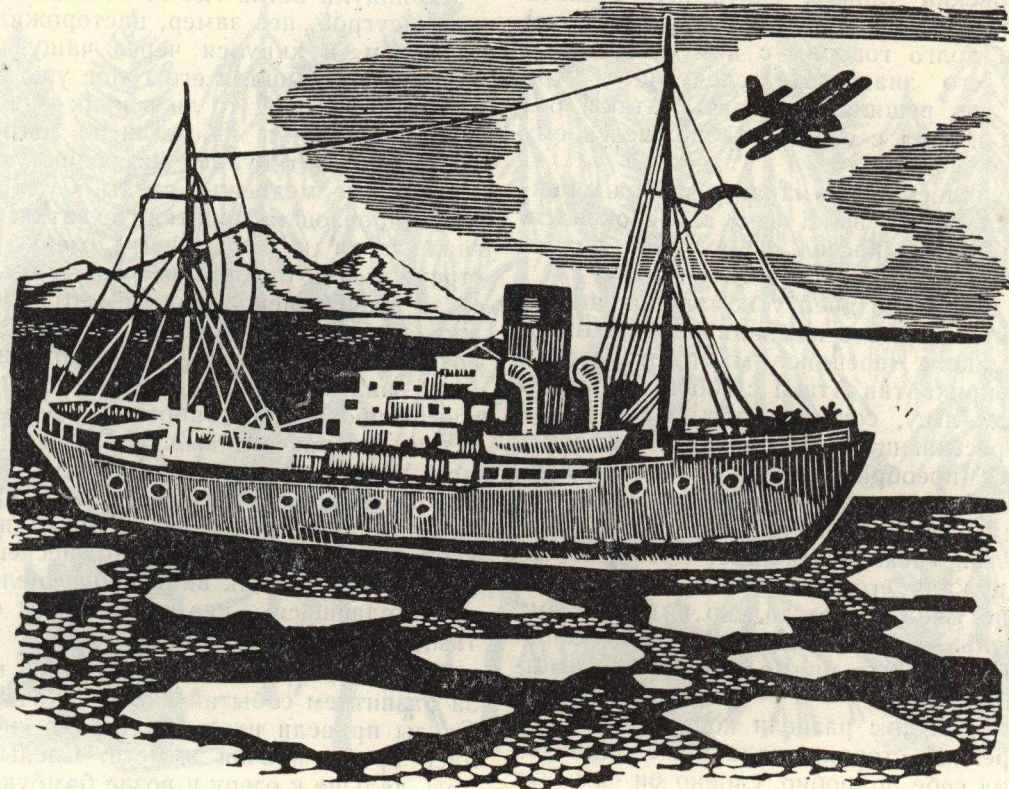
— Не огорчайся, — сказал командир и ла-
сково потрепал Атака, — невелика беда, к тому
же нам пора на аэродром.

Вид у собаки был раздосадованный пре-
дельно; как же так, бросить охоту в заключи-
тельный момент, нарушение всех правил, всех
его понятий о долге и чести — он сник и без-
различный побрел за лыжниками.

На следующий день пес исчез, и когда
командир проснулся, он не нашел Атака
на его привычном месте возле кровати. Дверь
была приоткрыта, и поддувало холодом. Атак
ушел в ночь, мороз, неизвестность.

— Наш командир переживал ужасно, — до-
бавил Миша Нелепов. И это была истинная
правда.

«Я знал, что Атак сбежит, — подумал маль-
чик, — с самого начала знал. Как бы его ни
принимали, ему все равно было плохо. Только
у нас в доме и было хорошо. Это его всамде-

лишняя жизнь и больше никакая. Но где же он теперь? Где искать тебя, милый Атак?»

Вдали показалась голубая полоска моря, будто нарисованная на плоском макете, и самолет пошел на снижение. С нарастающей быстротой земля обретала форму и конкретность — прямо на глазах вырастали сосны, отвесные, желтые у воды скалы, белые валуны и льдины, раскачивающиеся на волне.

Ощущение полета стремительное и острое — из-за почти физической близости к поверхности моря. Сейчас не время бесед — наступила наиболее ответственная часть работы. Гидрологи скорписью заполняли цифрами ледовую карту Татарского пролива — сегодня эти данные будут известны на Сахалине, в Магадане, во Владивостоке, и караваны судов двинутся в обход ледяных полей.

Берег остался позади. Вокруг льды и льды, пустынно, тихо, изредка чайка мелькнет и снова мертво, голо, ничто не меняется окрест — все те же льды, голубеющие изломами.

«Кьог», — донеслось издали. И еще раз. И еще два выстрела. Не так уж безлюдно, значит, море... Маленькая, потертая льдами шхуна. Несколько лодок в чистой воде, и в них

бородатые зверобой с ружьями на прицеле. «Кьог!» В нерпичьем лежбище переполох. Звери в мягких пятнистых шкурах суетятся в ужасе, мечутся, бранятся и один за другим прыгают в полыньи. По краю льдины в смятении носится нерпенок, кричит жалобно: «Уа-уа». В нерпенка не стреляют. Крупный самец, возможно, его папаша, сердито сбрасывает детеныша в воду.

На борту шхуны стоит огромный человек в шапке-ушанке, меховой куртке и сапогах и отдает приказания. Услышав рокот самолета, он задрал голову вверх, так что стало видно его широкое красное лицо с веселыми карими глазами, поднял руки и, сжав ладони, послал привет.

— Счастливого пути! — прокричал он громко. Самолет покачал на прощанье крыльями.

— Капитан шхуны — мой старинный приятель, — обернувшись, сказал Михайловский, — в прошлом году, осенью, помните, пронесся тайфун Нанси, и я снимал капитана и его команду, потерпевших бедствие. Суденышко их разнесло вдребезги, самих выбросило на камни, десять суток без пищи, и ничего — капитан даже шутил. Без него эти ребята пропали бы. Хороший он человек и дело свое знает.

И опять вокруг льды, безмолвие, простор. Кое-где темнеют разводья. Подул ветер, закрутилась снежная пыльца, побежала серебристая рябь. На скорости триста километров в час все сливается в однообразную безмятежную пустыню.

И все-таки впечатление это внешне, и мальчик знает, что жизнь и здесь продолжается, жизнь людей и страны. В рацию то и дело врываются позывные — суда-пешеходы, пересекающие необозримые просторы океана, на много месяцев разделенные с берегом, подают сигналы друг другу, чтобы меньше чувствовать свое одиночество, чтобы не оказаться без помощи в опасный час.

Михайловский зорко смотрит по сторонам, не полагаясь на локатор, который порой пропускает айсберги, прячущиеся в тумане. Ни напряжения, ни усталости не чувствуется в командире — это наступит позже, когда полет окончен и ты свободен для всего что угодно, и ничего уже не хочется, и в глазах по инерции рябит стальная волна, и руки еще помнят штурвал, и весь ты до предела переполнен вкусом полета. Медленно бредешь домой, пустая комната, паутинка в углу, сиротский уют, и валишься без сил на койку и думаешь про близкую старость, про свою жизнь и о чем-то жалеешь, и о чем-то не жалеешь, но все это между прочим, главное у тебя было — не так ли? — и оно есть, остальное не так уж важно; и то, что один, и то, что мучит бессонница; глотаешь нембутал и через пятнадцать минут засыпаешь легко и ясно, как подросток, подогнув к животу колени. Утром вскакиваешь раньше всех, спешишь на аэродром, «привет механикам», и свежесть в тебе такая, энергия, и все прекрасно, и тебя ждет небо.

«Это хорошо, — подумал пожилой командир, — как это хорошо, что нет во мне пока привычки, значит, не так уж я стар, нет привычки, равнодушия к этому океану, его судам, его птицам, его погоде и его солнцу, нет, да и все! И хватит о старости и болезнях. Не для меня все это».

Командир успокоился и почувствовал себя включенным в работу; что может быть приятнее ощущения власти над своим мастерством, машиной, расстоянием! За долгие годы полетов Михайловский не зачерствел и не стал самоуверенным, он умел быть в согласии с этими просторами, с самим собой, у него не случались ЧП, и коллеги называли его удачником. А он просто-напросто понимал пространство и уважал небо, будь то на Дальнем Востоке, будь то в Арктике, и никогда не чув-

ствовал себя каким-то «покорителем». Он не любил людей такого типа, которые, сидя в ресторане, расписывают случайным знакомым свои полярные подвиги, не водил с ними дружбу и держался официального тона, не иначе. Поэтому некоторые считали его не только удачником, но и гордецом. Для всех остальных он был необходимым человеком в радости и заботе, бескорыстным другом и советчиком.

Над морем сгустился желтоватый туман, но видимость еще не испортилась, и Михайловский, пролетая, успел заметить внизу транспортное судно, пробивавшееся с натугой через массивные льды. Он развернул машину, сбросил высоту и прочитал название: «Урал».

— «Урал», «Урал»... Сообщите ваши позывные, — передавал радист, — идите по курсу...

Над мысом Терпения летчики скинули груз зимовщикам метеостанции, и те благодарно махали руками, пока «ИЛ-14» не пересек горизонт. Клубящийся туман уплотнялся и все ниже принимал ко льдам. И тогда-то мальчику почудилось, и он много времени спустя не был уверен, было это на самом деле или только показалось ему, что на огромной льдине сидит его Атак, и он закричал командирю:

— Мы пролетели, мой Атак там, вернитесь, пожалуйста, он там, на льдине.

Самолет повернул обратно и начал летать кругами, но разве заметишь в сплошном тумане одинокого пса, который прижался ко льду и свернулся, чтобы не так холодно было, разве увидишь отдельную угасающую жизнь в этом безграничном пространстве, в котором перемешались и снег, и лед, и туман.

Покружились, покружились в тумане — и хочешь, не хочешь, а пришлось Михайловскому завершить бесплодный поиск, он сменил курс, и машина начала набирать высоту. Со всех сторон морось — не видать низги. Все значительнее высота — и никакого просвета.

Время будто замерло, самолет завяз в тучах, и они несут его с собой, такое ощущение возникло у мальчика, и вдруг пелена прорвалась и хлынул сверху ликующий солнечный свет сплошным потоком, и внизу, в проеме, возникла земля с голубым краем, с черными пашнями, зелеными квадратами леса, нитями дорог, и второй пилот негромко сказал:

— Земля одобрена солдатом,

Земля одобрена поэтом.

Машина летела под солнцем прямым к дому, от которого ведь никуда не уйдешь, куда бы тебя ни забросила судьба, и мальчик почему-то подумал, что он скоро увидит Атака и скоро вернется к своему отцу.

Окончание следует.

РЫБКА И ГОЛОВАСТИК

СКАЗКА

Б. Сергуненков

Рисунки В. Бескаравайного

Когда-то рыбка и головастик были большими друзьями. Жили они в старом пруду. Но вот пришло на землю жаркое лето, и гибли от жары деревья и звери. Старый пруд начал пересыхать. Задумались рыбка и головастик: что делать, как быть? Думали они, думали и решили: рыбка отправится искать новое место, а головастик — он был великий мудрец — тем временем поразмыслит, нельзя ли что другое придумать.

— Жди меня у камня, — сказала рыбка, — я скоро вернусь. — Отыскала протоку и по протоке поплыла к озеру.

Плывет она и думает: «Вот какое надо найти местечко: чтобы не было там ни холодно, ни жарко; чтобы не было там голодно; чтобы солнышко вставало утром, а вечером заходило; чтобы плавать было просторно в глубину и в ширину».

Думала так и приплыла в озеро. Проплыла в один конец, в другой, нырнула в глубину, по сторонам осмотрелась. Понравилось ей озеро. И вода чистая, и ширина есть, только глубины не хватает.

— Мне бы сошло, да, боюсь, головастику не понравится. Поищу что-нибудь получше.

И поплыла дальше. Плывет и думает: «Вот какое надо найти местечко: чтобы не было там ни холодно, ни жарко; чтобы не было голодно; чтобы солнышко вставало утром, а вечером заходило; чтобы плавать было просторно в глубину и в ширину».

Думала так и приплыла в большую реку. Поплыла к одному берегу, к другому, в глубину нырнула, по сторонам осмотрелась. Понравилась ей река. И вода чистая, и глубина есть, только ширины не хватает.

— Мне бы сошло, да, боюсь, головастику не понравится. Поищу чего-нибудь получше.

И поплыла дальше. Плывет и думает: «Вот какое надо найти местечко: чтобы не было там ни холодно, ни жарко; чтобы не было там голодно; чтобы солнышко вставало утром, а вечером заходило; чтобы плавать было просторно в глубину и в ширину».

Поплыла в океан. В океане вода синяя, волны высокие, небо подпирают; ширина у океана такая, что в одном конце солнышко встает, в другом опускается, а глубина — и достать нельзя. Понравилось рыбе в океане, так долго она плавала, что стала она не рыбкой, а рыбой.

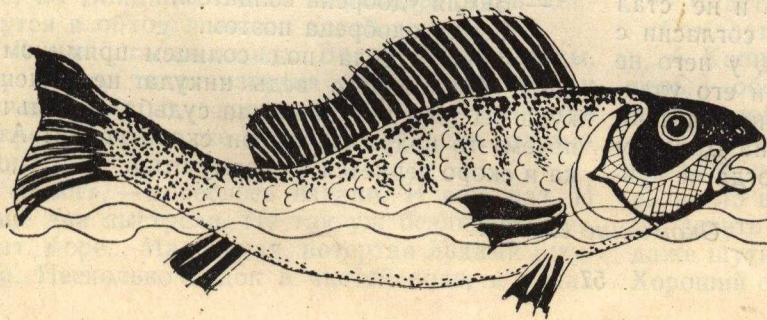
«Вот здесь и головастику обязательно понравится», — сказала рыба и поплыла обратно к старому пруду. Приплыла она в пруд. Обмелел он совсем, зарос тиной. Вот и камень. Где же головастик? Смотрит рыба — нет головастика, а сидит на камне громадная зеленая лягушка, сидит и плачет: «Ква-ке-ке-ке! Где же ты, рыбка? Пропала моя бедная рыбка!» «Ты чего плачешь?» — спрашивает рыба.

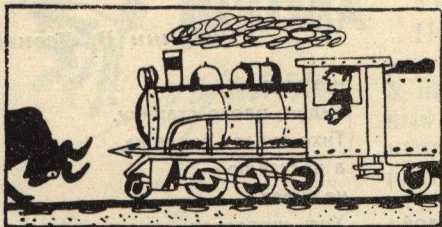
Рассказала ей лягушка свою историю, что была она раньше головастиком и дружила с рыбкой, но пришла жара, и рыбка уплыла искать новое место, а она осталась ждать, да так и ждет до сих пор.

— Если ты была головастиком, как же ты стала лягушкой? — удивилась рыба.

— Что же мне оставалось делать, — сказала лягушка, — не погибать же. Вода-то высохла. Думала я, думала, как выйти из беды, так долго думала, что превратилась в лягушку.

Удивилась рыба еще больше лягушкиным словам, не поверила, подумала про себя: «Погиб бедный головастик, это я во всем виновата», — и уплыла обратно в океан. А лягушка так и сидит на камне: ждет, когда вернется рыбка.

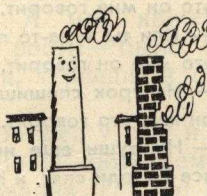
Паровозы-пинадоры

Такие паровозы с торчащим впереди копьём курсируют на некоторых железнодорожных линиях Чили. Копьё служит для защиты от буйволов, почему-то избравших рельсовые пути для своих прогулок. Эта мера предосторожности вовсе не излишняя: столкновения с медлительными и упрямыми животными не раз приводили к серьёзным катастрофам.

Полезный сон

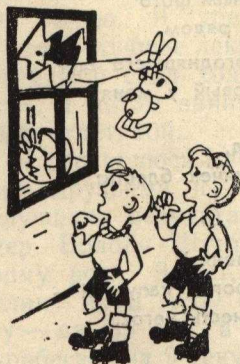
Включить магнитофон и положить под подушку маленький репродуктор — не фантастическое мероприятие, а способ изучать иностранные языки... во сне. На плёнке записаны слова, которые надо запомнить.

Стекло вместо кирпича

Оказывается, стекло способно заменить кирпич.

Недавно на одной фабрике Чехословакии пятнадцатиметровую трубу построили из стекловолокна. Инженеры считали, что эта труба в пять раз дешевле.

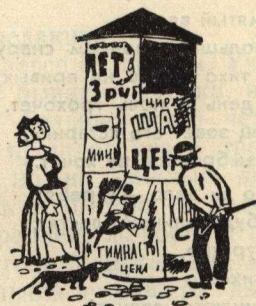

Праздник шалуна

В Мексике один раз в году принято устраивать праздник шалуна. В этот день всем детям разрешается шалить столько, сколько им вздумается. С самого утра мальчишки и девчонки выбегают на улицу и даже дразнят взрослых, причем те ничуть не обижаются. Самые отчаянным и изобретательным проказникам... дарят в тот день игрушки.

Сцены и цены

Казалось бы, что общего между высокими ценами и возвышенными чувствами? Однако до революции на театральных афишах Петербурга нередко появлялась интригующая надпись: «Цены возвышенные». Дескать, раз уж цены «возвышенные», то не извольте сомневаться в изысканности представления!

Сохранился ли тайник?

Генерал-фельдмаршал Д. А. Милютину, который в молодости был товарищем Лермонтова, удалось ловко провести жандармов. Долгие годы они охотились за крамольными стихотворениями поэта. Стихи так и не увидели свет. Милютин передал рукопись своей старшей дочери Е. Д. Шаховской. Более сорока лет Шаховская прожила безвыездно в своем особняке в Эстонии, у врат Пюхтицкой обители, женского монастыря, основанного ее мужем. Под сенью этой обители хранила она неизвестные стихи Лермонтова и материалы об убийце поэта Мартынове. Она не решалась опубликовать их в буржуазной Эстонии. В 1938 году Шаховская умерла. Настоятельница монастыря утверждала, что перед кончиной Шаховская сожгла все бумаги.

...Эстонский филолог Юрий Шумаков разыскивает бесследно исчезнувший лермонтовский тайник.

Чуткий конвейер

Для чего нужен режим дня? Для сохранения трудоспособности прежде всего. Без режима человек «выдыхается».

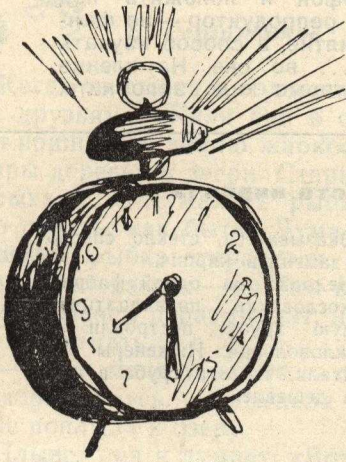
А как же те, кто работает на конвейере? Ведь конвейер к режиму не приучишь?

На рижском электромеханическом заводе приучили. В начале смены, когда люди еще не вошли в привычный темп работы, «чуткий конвейер» движется медленно. Через полчаса наращивает скорость. Перед обеденным перерывом сбавляет ее.

СТАРЫЙ БУДИЛЬНИК

Глеб Семенов

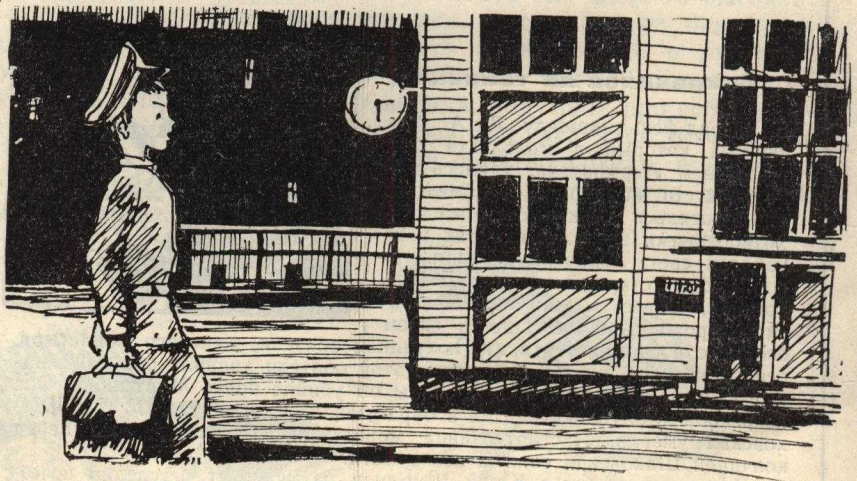
Рисунки В. Левитина

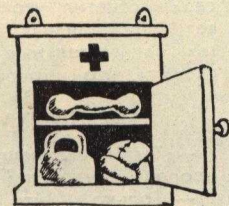

У нас будильник дома есть —
пузатый, неуклюжий,
железный весь,
помятый весь,
с большим звонком снаружи.
Он тихо тикать не привык, —
он день и ночь грохочет.
Отец зовет его «старик»,
но выбросить не хочет.
А то ли дело — у ребят:
их будильнички блестят,
аккуратно,
деликатно
извиняются-звонят!
А уж мой — заверещит,
затрещонит,
затрещит,
в страхе мчатся самосвалы,
окна хлопают в доме,
постовой
за два квартала
откликается ему.
Пять минут —
не менее! —
в городе смятение.
Вот будильник так будильник:
центр землетрясения!
А на днях и впрямь беда.
Прозвенел он, как всегда —
я проснулся,
потянулся,
встал, умылся — как всегда,
выпил чаю —
и айда.

Иду, на улице темно,
гляжу, прохожих нету.
И хоть бы чье-нибудь одно
окно
светилось где-то!
Лишь вдоль по мокрой мостовой
вышагивает постовой.
— Что, товарищ, этак поздно? —
это он мне говорит.
— Или ты куда-то послан? —
это мне он говорит.
— На урок спешишь ты, что ли?
он мне это говорит.
— Ни души еще нет в школе:
все Володи спят, и Коли,
и учительница спит... —
Я назад бегу, домой.
Ну и врун будильник мой!
Ох, сейчас бы взгреть его,
дурака такого:
разбудил в полтретьего
вместо полвосьмого!
И мама, конечно, ворчит:
— На что нам такой инвалид!
По правде, так даже неловко —
он портит нам всю обстановку.
Да и ребенка, наконец,
он будит среди ночи!..
Но только хмурится отец,
а выбросить не хочет.
Я пришел вчера из школы,
а будильник — на боку:
некрасивый,

невеселый —
видно, плохо старику.
Тихо тикает он лежа,
а поставлю —
не идет.
Хоть железное,
но тоже
сердце все-таки сдает.
— Что с тобой? —
не слышит,
лишь с одышкой дышит.
Так и сая его верчу,
починить отдать хочу.
Но мама заметила строго:
— Сломался? Туда и дорога!
А папа —
вспомнил что-то,
в усы улыбку спрятал
и с бабушкиным фото
его поставил рядом.
И вот — с сегодняшнего дня
будильник новый у меня:
точный ход,
нарядный вид,
весь будильничек блестит,
аккуратно,
деликатно
извиняется-звонит!
На обед пирог с капустой —
вероятно, в честь него...
Ну, а мне
немножко грустно,
объясните, отчего?

Здравствуй, дорогие сотрудники «Костра»!

Я очень люблю спорт. Мне 14 лет. В детстве я перенес восемь воспалений легких, а сейчас, занимаясь спортом, совсем не болею. Я убедился, что спорт — лучшее лекарство, когда зимой стал ходить на лыжах, а летом заниматься легкой атлетикой.

Я тренируюсь вместе со своими друзьями и помогаю им улучшать результаты. Например, Володя Шунтиков, которому всего 9 лет, прыгает в длину на 3 м 60 см, в высоту — на 85 см, а 60 метров пробегает за 9 секунд, обгоняя даже восьмиклассников!

С приветом от всех наших ребят

Леня Берлин

г. Тулун,
Иркутская область

Молодец Леня! И Володя молодец. А вот восьмиклассникам в Тулуне, если они будут «развиваться» такими темпами, видно, скоро только с детским садом можно будет соревноваться.

Здравствуй, дорогая редакция!

Я прошу исключить меня из школы «Спринт», но не потому, что я не хочу заниматься, а потому, что у меня плохое поведение в школе. Конечно, исключите меня только на время — ведь я обязательно исправлюсь!

Уважаемая редакция!

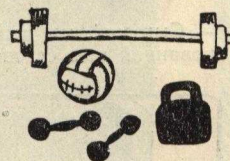
При всем желании и любви к спорту мне и моим товарищам негде заниматься. У нас в школе есть хорошо оборудованный спортзал. Пускают только на физкультуру, которая с горем пополам бывает два раза в неделю.

В школе есть секции волейбола, баскетбола, легкой атлетики и штанги. Но туда не записывают, говорят, что мой рост — 150 сантиметров — мал для восьмиклассника. А мне кажется, главное все-таки не в росте — было бы желание, как говорится, терпение и труд все перетрут!

И мы с ребятами утром и вечером делаем длительные пробежки и разминки, обтираемся холодной водой. Сами устраиваем соревнования. Так вот живем и учимся.

До встречи на заочных занятиях!

С горячим приветом

Володя Телегин

пос. Никольск, г. Джезказган, Карагандинская область

Правильно, Володя, дело не в росте. Таково мнение и школы «Спринт».

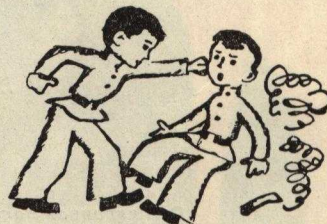
Дорогая редакция!

Я учусь в 3 классе 34 школы. Учусь неплохо: иногда бывают пятерки, иногда тройки, но больше всего четверок. С осени прошлого года тренируюсь в беге, но не каждый день. Стараюсь бегать и быстро, и далеко. Однажды на средней скорости я пробежал пять кругов! А даже один круг не каждый мальчик с нашего двора пробежит.

Я постараюсь найти время, чтобы заниматься в школе «Спринт». И буду учиться бегать еще быстрее!

Миша Урманов г. Хабаровск

Первый раз, когда мы бежали на занятиях секции, у меня с непривычки закололо в боку. А на следующий день болели ноги. И я думаю, что это все от курева. Но сейчас я не курю. Мы с одним мальчиком заключили договор. Если я увижу или услышу, что он курит, то я должен ему дать кулаком в скулу. А если он увидит, что я курю, то он даст

мне. Вернее, он уже дал, так что больше не тянет курить. До свидания.

Толя Попов г. Кунгур, Пермская область

Наступил новый учебный год. Мы уверены, что Толя уже исправил свое поведение, и поэтому мы пока не исключаем его из нашей школы. Что касается описанного способа борьбы с курением, то, что ж, против табачной отравы и этот способ не плох!

ПОЧТИТЕЛЬНЫЙ ОТВЕТ

Прославленный мыслитель и один из остромысливших людей Франции Шарль-Луи Монтескье в 1728 году путешествовал по Италии. Будучи в Риме, он из любознательности попросил приема у римского папы и получил согласие «его святейшества».

Папа очень любезно принял Монтескье (еще бы — ведь к мнению Монтескье прислушивалась вся Европа!). В заключение краткой беседы глава католической церкви сказал:

— Сын мой, мы решили распространить на вас свою бесконечную милость: дарованной нам свыше властью мы разрешаем вам и всем членам вашей семьи в течение всей жизни никогда не поститься.

Монтескье с улыбкой поблагодарил папу и откланялся.

Но на следующее утро в дом, где остановился путешественник, пришел посланец из Ватикана и принес папскую буллу (указ), подтверждающую, так сказать, письменно данное накануне разрешение не поститься. К булле по обычаю «святого» двора был приложен счет на изрядную сумму — папа не привык распространять свои милости бесплатно.

— Отнесите эти документы обратно в Ватикан, — сказал Монтескье посланцу, — я так глубоко уважаю папу римского, что верю ему на слово и не нуждаюсь в письменном подтверждении полученного вчера разрешения.

МАЛЕНЬКАЯ СЛОВЕСНАЯ ДУЭЛЬ...

...состоялась как-то в XVIII веке между двумя русскими литераторами. Знаменитый автор «Недоросля» и «Бригадира» Фонвизин пошутил, встретив одаренного драматурга Княжнина, автора трагедии «Рославлев»:

— Что это у вас в трагедии герой все кричит: «Я росс (т. е. русский — Вес. Арх.)! Я росс!» — а остается маленьким. Когда ж он, в самом деле, вырастет?

— Тогда, — отвечал Княжнин, — когда вашего, Денис Иванович, бригадира в генералы произведут.

Обложка М. Беломлинского

На второй странице обложки рисунок А. Сколозубова

На первой вклейке рисунок М. Беломлинского

На третьей странице обложки рисунок С. Острова

На четвертой странице обложки рисунок Б. Семенова

Редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Е. Е. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор

Ю. П. Мезерницкий

Корректор В. А. Маевская

Технический редактор

А. А. Двораковская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А-4-57-76

М-13453.

Тираж 300 000 экз.

Подписано к печати 18/X 1965 г.

Формат 84 × 108¹/₁₆.
Зак. № 1831.

Печ. л. 8 + 1.

6,57 усл. печ. л. 8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома
Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Измайловский проспект, 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

УРОК ГЕОГРАФИИ

Учитель: Докажи, что земля круглая.

Ученик: Простите, но я этого не говорил.

ЛУЧШИЙ ОТВЕТ

Пьер получил пятерку по зоологии. На вопрос учителя, сколько ног у страуса, он ответил, что три. Ответ был признан лучшим, так как остальные ребята сказали, что четыре.

ГДЕ ПТИЧКА!

— Ты не знаешь, куда пропала канарейка?

— Только что была здесь. Я чистил ее пылесосом.

ЧЕМПИОН

Первое место на конкурсе вралай получил мальчик, который сказал, что видел слона, висевшего над пропастью, зацепившись хвостом за одуванчик.

НЕ В ТОМ ДЕЛО

— Ты чуть не сбил меня с ног! Ты что — не умеешь звонить?

— Звонить-то я умею, а вот ездить никак не научусь.

ПРИЧИНА

— Почему у жирафа такая длинная шея?

— Потому что у него голова очень далеко от туловища.

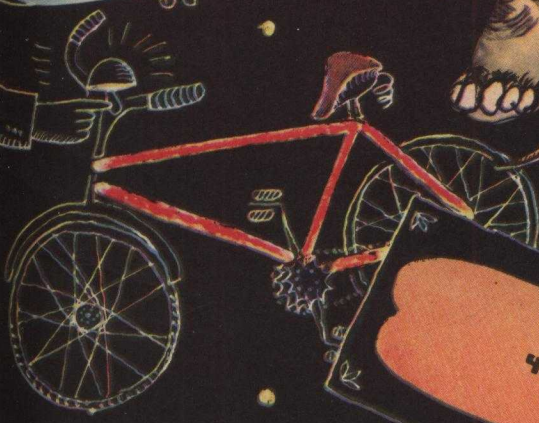
Лучший ответ

Причина

Где птичка?

Не в том дело

Чемпион

Что за давка возле Коли!
 Отдавили две мозоли,
 Все толкаются кругом,
 Чтоб взглянуть одним глазком.
 Ну, а Коля был хитер,
 Действовал без риска —
 НА ГОД ВЫПИСАЛ „НОСТЕР“,
 ТРИ РУБЛЯ ПОДПИСКА.